

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4

Том 4. История

Санкт-Петербург
2013

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4 (Том 4) 2013
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. Бэй, доктор филологии (КНР);
В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
К. Еконен, доктор философии, доцент (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-36
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2013
© Авторы, 2013

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И. Г. Адоньева

Юристы в авторском корпусе журнала «Вестник Европы»
(1866–1904 гг.)..... 7

С. М. Назария

Орган молдавских националистов Сфатул Цэрий (1917 г.)
и его оценки в современной румынистской историографии 17

А. Ю. Давыдов, В. Н. Скворцов, И. А. Тропов

Новая экономическая политика в новейшей отечественной
историографии: к вопросу о структурировании проблем 27

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

О. В. Кузьмина

О государственной политике в отношении учительских
семинарий в России во второй половине XIX в.
(по материалам ревизии самарской учительской семинарии) 37

А. С. Котов

Пролетаризация учебных заведений Вологды и Череповца
в 1920-е гг. 46

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Л. Р. Кафар-заде

Проблемы этнополитической истории Азербайджана
периода господства Арабского халифата в англоязычной
научной литературе 54

Д. Е. Желобов

Хотано-караханидская война..... 63

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Апанасенок, А. В. Черныш

Путь к «царской печати»: из истории распространения
скопчества в Курской губернии в XIX в. 74

В. А. Верременко

«Ничтожные» и «благородные»: общественная дискуссия
о домашней прислуге накануне отмены крепостного права
в России 82

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Абанин

Система налогообложения при Лжедмитрии II
в замосковских городах..... 90

<i>А. А. Ефимов</i>	
Регламентация оплаты труда архитекторов Министерства императорского двора при Александре II	95
<i>В. В. Волков</i>	
Заблаговременный наем в сельском хозяйстве России в конце XIX – начале XX в.	105

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

<i>Т. А. Литвин</i>	
«Греческий проект» Екатерины II и стиль <i>goût grec</i> в русском декоративно-прикладном искусстве последней четверти XVIII в. ...	110

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

<i>Н. А. Петрова</i>	
Митрополит Феогност и псковско-новгородские церковные взаимоотношения	121
<i>П. П. Запевалин</i>	
Эволюция политического курса «Союза 17 октября» в 1905–1907 гг.	132
Сведения об авторах.....	140

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

I. G. Adoneva

Lawyers in the Author's Housing Journal «Vestnik Evropy»
(«Herald of Europe») (1866–1904) 7

S. Nazaria

The Sfatul Tarii (1917) as a body of Moldovan nationalists
and its assessment in modern rumynist historiography 17

A. Yu. Davydov, V. N. Skvortsov, I. A. Tropov

The new economic policy in modern Russian historiography:
on the structuring of problems 27

EDUCATION HISTORY

O. V. Kuzmina

About the state policy on teachers' seminaries in Russia
in the second half of XIX century (based on the revision
of the Samara teacher's seminary) 37

A. S. Kotov

Proletarianisation of schools of Vologda and Cherepovets in 1920 46

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

L. R. Qafar-zadeh

Problems of the ethno-political Azerbaijan history
of the period of the Arab Caliphate domination
in the English-language scientific literature 54

D. Ye. Zhelobov

Khotan-Karakhanid War 63

SOCIAL HISTORY

A. V. Apanasenok, A. V. Chernysh

The way to «tsars' seal»: from the history of propagation
of skopchestvo in Kursk region of XIX century 74

V. A. Veremenko

«Worthless» and «noble»: public discussion about the domestic
workers on the eve of the serfdom abolition in Russia 82

ECONOMIC HISTORY

A. V. Abanin

Tax system under Lzhedmitrii II in cities of Moscow region 90

A. A. Yefimov

The regulation of architects' salary at the Ministry
of the Imperial Court under Alexander II 95

V. V. Volkov
Early recruitment in Russia's agriculture
in the late XIX – early XX century..... 105

HISTORY OF ART

T. Litvin
The Greek project of Catherine II and style *goût grec* in Russian
arts of the last quarter of the XVIII century..... 110

RUSSIAN HISTORY PAGES

N. A. Petrova
Metropolitan Theognostus and Church Relationships
between Pskov and Novgorod 121

P. P. Sapevalin
The evolution of the political policy of «the Union of October 17»
in 1905–1907 132

About authors 140

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) «1866/1904» (093) (051):347.96

И. Г. Адоньева

Юристы в авторском корпусе журнала «Вестник Европы» (1866–1904 гг.)

В статье рассматривается деятельность юристов как авторов журнала «Вестник Европы». Достоверно определено, что опубликовали свои статьи в данном издании 24 правоведа. Выявлен спектр интересующих их тем, связанных с либеральными взглядами и их публицистической активностью. Показана продуктивность поколенческого подхода при изучении данной проблематики.

The article considers the lawyers as the journal “Herald of Europe”. Reliably identified, published in this edition. Defined range of topics of interest. Describes the relationship of the liberal ideals of lawyers and their journalistic activity. Shows the productivity generation approach in the study of this problem.

Ключевые слова: «Вестник Европы», поколенческий подход, Великие реформы, юристы, «толстые» журналы.

Key words: «Herald of Europe», generation approach, the Great reforms, lawyers, «thick» magazine.

«Вестник Европы» был одним из авторитетных либеральных изданий, представляя собой классический тип «толстого» журнала, в публицистической деятельности которого принимали участие выдающиеся умы эпохи, в том числе и юристы. Журналы как средство массовой информации конструировали для своих читателей образ мира, осуществляя, таким образом, свое символическое господство. Отбирая и интерпретируя явления реальности, сотрудники журнала участвовали в символической борьбе за восприятие читателями действительности, подталкивая их к определенной оценке [18, с. 281]. Роль авторов при этом становилась принципиальной: представляя профессиональные и общественно-политические мнения, юристы оказывали влияние на правосознание читательской аудитории, представленной интеллектуальной элитой империи.

Возможность открыто высказывать суждения, участвовать в диалоге друг с другом, а также с читателем порой приводила к тому, что журналистика превращалась для юристов из побочного вида творческой деятельности в профессию. В условиях отсутствия воз-

возможностей для легальной политической активности в рамках партий печатные изделия становились фактически единственной трибуной для изложения взглядов на развитие государства и общества.

Тема нашей статьи – деятельность юристов в авторском корпусе журнала «Вестник Европы» в 1866–1904 гг. и определение интересующей их проблематики, так как исследования, посвященные деятельности юристов как авторов «Вестника Европы», отсутствуют.

Юристы – авторы «Вестника Европы» – принадлежали к нескольким возрастным группам, но были объединены профессиональными ценностями, переживанием общих современных им исторических событий, создающих самобытное коммуникативное пространство, социокультурные коды и осознающих свое единство и отличие от других сообществ такого рода [19, с. 138–139]. Взнявшиеся за перо профессионалы структурировали часть правового дискурса империи, т. е. все измерения – реальные и воображаемые – отношения общества к праву.

В условиях модернизирующегося российского общества роль правоведов оказалась особой. Они были задействованы в реформированной по европейским образцам судебной системе, являясь проводниками новых стандартов поведения, основанных на праве, а не на традиции. При этом юристы проявляли достаточно высокий уровень социальной, в том числе публицистической, активности. Они считали своей миссией защиту правопорядка в условиях самодержавия [28, с. 7]. Поэтому правоведы пореформенной России стремились с помощью печати доказать преимущества стабильного общества, основанного на законе и взаимном уважении. «Вестник Европы» и личность М.М. Стасюлевича оказались для юристов привлекательными: их общественно-политические настроения были отмечены умеренным реформизмом, склонностью к *juste-milieu* (золотой середине – И.А.) [16, с. 218].

Для достижения поставленной цели мы просмотрели годовые комплекты журнала «Вестник Европы» за 1866–1904 гг., выявили сотрудничавших в нем юристов и спектр интересовавших их тем.

Основателями «Вестника Европы», помимо М.М. Стасюлевича и А.Н. Пыпина, были известные юристы, имевшие серьезную научную репутацию: К.Д. Кавелин, В.Д. Спасович и Б.И. Утин. Основой программы журнала стали «начала здоровой гражданской жизни, заключающиеся в господстве законности и прочных гарантиях прав личности, в независимом суде, возможно широком развитии местного самоуправления, господстве веротерпимости, свободе слова и печати, широко и разумно поставленном образовании народа, законодательной охране интересов трудящихся масс» [13, с. 4–6].

В дальнейшем в круг авторов «Вестника Европы» вошла часть юридической элиты Российской империи. Несмотря на появление

разнообразной отраслевой печати и возможности дискуссии по профессиональным вопросам там, сотрудничество в общественно-политических изданиях было для юристов ценным. Они высказывались не только по поводу правовых проблем, но и презентовали результаты побочных относительно юриспруденции видов деятельности: литературно-критической, собственные художественные произведения, анализ общественно-политической обстановки в России и за ее пределами. Авторы и сотрудники «Вестника Европы», являющиеся юристами, а также направление их публицистической деятельности в журнале представлены в таблице.

Таблица

Юристы – авторы и сотрудники «Вестника Европы»

ФИО (годы жизни)	Образование	Сфера основной профессиональной деятельности	Темы публикаций в журнале	Формы сотрудничества с «Вестником Европы»
Апухтин А.Н. (1841-1893)	Императорское Училище правоведения	Служащий Министерства юстиции и Министерства внутренних дел	Художественные произведения	Автор
Арсеньев К.К. (1837-1919)	Императорское Училище правоведения	Присяжный поверенный, товарищ обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената	Русское и зарубежное право, общественно-политические вопросы, литературоведческие очерки	Автор с 1866 г., с 1880 – ведущий разделов «Внутреннее обозрение» и «Из общественной хроники»
Винавер М.М. (1862–1926)	Юридический факультет Варшавского университета	Помощник присяжного поверенного, присяжный поверенный, специалист в области гражданского права	Реформа отечественной адвокатуры	Автор
Воропотов Ф.Ф. (1839–1919)	Не выявлено, наличие юридического образования подтверждается профессиональной принадлежностью	Председатель мирового съезда, член совета крестьянского поземельного банка, директор Владикавказской железной дороги	Переселенческий вопрос, реформа налогообложения	Автор

Продолжение табл.

Дингельштедт Н.А. (1832–1898)	Константиновское военное училище	Военный, служащий по линии министерства земледелия и государственных имуществ, министерства юстиции	Процессуальное право	Автор
Ефимов В.В. (1857–1902)	Юридический факультет Санкт-Петербургского университета	Ординарный профессор, доктор гражданского права, специалист в области римского права	Реформа местной юстиции	Автор
Жуковский Ю.Г. (1833–1907)	Императорское училище правоведения	Служащий Министерства финансов, управляющий государственным банком	Экономические доктрины XIX в.	Автор
Кавелин К.Д. (1818–1885)	Юридический факультет Московского университета	Доктор гражданского права, государственный служащий	Поземельная община, русская история, этика	Один из основателей журнала, автор
Карабчевский Н.П. (1851–1925)	Юридический факультет Санкт-Петербургского университета	Помощник присяжного поверенного, присяжный поверенный	Художественное произведение, история французской адвокатуры	Автор
Ковалевский М.М. (1851–1916)	Юридический факультет Харьковского университета	Доктор права, историк, социолог, политический деятель	История права, национальный вопрос, европейский конституционализм, путевые заметки, самоуправление	Автор, 1909-1916 гг. – издатель
Кони А.Ф. (1844–1927)	Юридический факультет Московского университета	Доктор уголовного права, прокурор, судья, член Государственного совета	Процессуальное и материальное право, литературоведческие очерки	Автор
Корф Н.А. (1834–1883)	Александровский лицей	Служащий Министерства юстиции, мировой судья, председатель съезда мировых судей	Мировая юстиция в провинции	Автор

Продолжение табл.

Назарьев В.Н. (1830–1902)	Юридический факультет Казанского университета	Мировой судья, земский деятель	Мемуары, посвященные профессиональной деятельности	Автор
Никитин В.Н. (1839–1908)	Школа кантонистов, самообразование	Директор Петербургского тюремного комитета, чиновник по особым поручениям при Министерстве земледелия и государственных имуществ	Детская преступность	Автор
Полонский Л.А. (1833–1913)	Камеральное отделение юридического факультета Санкт-Петербургского университета	Служащий Военного министерства, Министерства народного просвещения	Обширная общественно-политическая тематика в либеральном ключе, художественные произведения	Автор, ведущий раздела «Внутреннее обозрение» в 1868–1880 гг.
Реутский Н.В. (годы жизни неизвестны)	Юридический факультет Московского университета	Следователь по особо важным делам при Московском окружном суде	Мемуары, посвященные профессиональной деятельности	Автор
Слонимский Л.З. (1850–1918)	Юридический факультет Киевского университета	Секретарь редакции «Вестника Европы»	Государственное право западных монархий, европейская политика, теории развития общества, крестьянский вопрос, коммерческое и гражданское право, широкий спектр экономических вопросов	Штатный сотрудник и автор, с 1883 г. – ведущий раздела «Иностранное обозрение»
Спасович В.Д. (1829–1906)	Юридический факультет Санкт-Петербургского университета	Профессор уголовного права, присяжный поверенный	Уголовное право, авторское право, литературоведческие очерки	Один из основателей журнала, автор

Продолжение табл.

Стасов В.В. (1824–1906)	Императорское училище правоведения	Служащий Сената, Министерства юстиции; II Отделения Е.И.В. канцелярии, археолог и исследователь в области изящных искусств	Искусствоведение	Автор
Тернер Ф.Г. (1833–1906)	Камеральное отделение юридического факультета Санкт-Петербургского университета	Служащий Министерства финансов, член Государственного совета	Переселенческий вопрос, экономическое положение крестьян, крестьянское законодательство	Автор
Утин Б.И. (1832–1872)	Юридический факультет Дерпского (Юрьевского) университета	Профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре истории положительных законодательств, член Санкт-Петербургского окружного суда и судебной палаты	Церковное и светское право, тюремная система, политическая сатира Франции, судебная хроника	Один из основателей журнала, автор
Утин Е.И. (1843–1894)	Юридический факультет Санкт-Петербургского университета	Присяжный поверенный, писатель	Европейская политика, этюды о русских писателях	Автор, ведущий раздела «Иностранное обозрение»
Фойницкий И.Я. (1847–1913)	Санкт-Петербургский университет	Профессор по кафедре уголовного права, товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената	Уголовное право, законодательство о печати	Автор
Янжул И.И. (1845/46–1914)	Юридический факультет Московского университета	Профессор финансового права, фабричный инспектор	Представления детей о законе и правопорядке, финансовое право, литературная критика	Автор

Примечание. Составлено по: «Вестник Европы». 1866–1904.

Практически все авторы имели юридическое образование, кроме Н.А. Дингельштедта, а также Ф.Г. Тернера и Л.А. Полонского. Дингельштедт имел военное образование, но служил по линии Министерства юстиции. Назначение военных на административные и судебные должности было сложившейся управленческой практикой Российской империи. Тернер и Полонский окончили камеральное отделение юридического факультета Санкт-Петербургского университета, где наряду с преподаванием правовых дисциплин велась подготовка специалистов в области хозяйственно-административной деятельности. Л.А. Полонский на протяжении двенадцати лет вел раздел «Внутреннее обозрение». Ф.Г. Тернер относился к категории «ученого, ставшего чиновником» и являлся типичным представителем либеральной бюрократии эпохи Великих реформ. В «Вестнике Европы» он публиковал работы по экономико-правовой тематике в соответствии со своими научными интересами [24; 25]. В их круг входил широкий спектр проблем, в том числе российское и зарубежное законодательство о социальном страховании [14, с. 139–142].

Экономические вопросы стали приоритетными для сотрудников редакции «Вестника Европы» Л.З. Слонимского и Ю.В. Жуковского, хотя им, как и большинству коллег, было свойственно разнообразие при выборе тем для публикаций [7; 20]. Так, например, И.И. Янжул, несмотря на свою специализацию в области рабочего законодательства, опубликовал в журнале статью, посвященную представлениям детей о законе, а также публиковал свои статьи в разделе «Литературное обозрение» [29]. Многие юристы интересовались вопросами европейской политики, а Е.И. Утин и Л.З. Слонимский были ведущими раздела «Иностранное обозрение».

Личное осмысление состояния преобразованной судебной сферы стало для практикующих юристов мотивом для публикации воспоминаний о своей деятельности с практическими рекомендациями по ее улучшению. Это было характерно для Н.А. Корфа, Н.Н. Назарьева и Н.В. Реутского. Последний также издал отдельной книгой свое исследование, посвященное преступлениям против веры [17]. К этому же ряду можно отнести и статью М.М. Винавера, посвященную реформе адвокатуры: автор представлял воззрения, основанные на профессиональной деятельности [4]. М.М. Ковалевский, помимо публикаций по юридическим и общественным проблемам, направлял в журнал свои путевые заметки [9].

Взаимодействие внутри интеллектуальной элиты, только недавно формально произошедшее обособление юридической профессии привели к тому, что многие правоведы не ограничивались в своей публицистической деятельности сюжетами, связанными с противоречивой судьбой российской Фемиды. Масштабные статьи,

посвященные прошлому и настоящему российской и европейской литературы, написали корифеи отечественной юриспруденции А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев, В.Д. Спасович [1; 10; 21]. Данный вид творчества становится среди юристов популярным в период судебной контрреформы, когда, по их мнению, произошедшие изменения в системе правосудия «разрушили» Судебные уставы 1864 г. В.В. Стасов, несмотря на полученное в Училище правоведения образование и государственную службу, известность получил как историк искусств и археолог [23]. Это могло быть вызвано тем, что во время его становления как юриста состояние дореформенной судебной сферы не вызывало желание вступать с ней в любые отношения, в том числе в профессиональные.

«Вестник Европы» давал юристам возможность представлять литературные произведения. К ним относятся роман Н.П. Карабчевского «Господин Арсков», стихотворения А.Н. Алухтина, повести Л.А. Полонского «Надо жить» и «Сумасшедший музыкант».

Более всего юристов интересовала профессиональная и общественно-политическая проблематика. Статьи были выдержаны в либеральном духе идеализации судебной и земской реформ, благотворного влияния права на жителей Российской империи. Широкие тематические статьи принадлежали авторитетным специалистам: А.Ф. Кони, В.Д. Спасовичу, И.Я. Фойницкому, В.В. Ефимову, Б.И. Утину, М.М. Ковалевскому [6; 9; 11; 22; 26; 27]. В 1860-е гг. преобладали публикации, направленные на формирование положительного образа преобразованной юстиции. Затем их содержание начинает изменяться, но не в сторону критики Судебных уставов 1864 г., как это происходило в ряде изданий (наиболее показательным примером здесь является «Русский вестник» М.Н. Каткова). Юристы в «Вестнике Европы» представляли обоснованное научное осмысление судебной практики, не вдаваясь в отрицание основ правовой системы. Процессы эмансипации и развитие гражданско-правовых отношений привели к тому, что серьезно обсуждались служебные и личные права женщин, а также частное право. Последнее было связано с противоречивым взглядом на собственность в России, необходимостью развития уважительного отношения к личному имуществу.

Поскольку ведущими «Внутреннего обозрения» и «Из общественной хроники» были слуги Фемиды, то в этих разделах постоянно присутствовали заметки по актуальным юридическим вопросам. Там же помещались отчеты по громким судебным процессам, вплоть до фрагментов речей представителей сторон. Таким образом, Л.А. Полонский и К.К. Арсеньев стремились продемонстрировать читательской аудитории позитивную роль права как регулятора

общественных отношений. Особое место уделялось пропаганде, а в эпоху контрреформ – защите суда присяжных.

Сотрудничество указанных юристов с прессой не исчерпывалось «Вестником Европы». Кроме данного издания, они публиковали свои труды в журналах либерального и демократического направления: «Северном вестнике», «Русской мысли», «Русском богатстве» и многих других. Также они являлись активными авторами и состояли в редакционных коллегиях профессиональных изданий: «Журнале Министерства юстиции», «Судебном журнале», «Судебном вестнике», «Юридическом вестнике», газете «Право».

Общественно-политические «толстые» журналы и профессиональные юридические издания претендовали на участие в формировании правового сознания россиян. Абсолютное большинство юристов, сотрудничавших в разных качествах с «Вестником Европы» – 19 из 24 – принадлежало к поколению, появившемуся на свет в 1830–1850-е гг., т. е. сформировавшему свои профессиональные и мировоззренческие ценности в период реализации Великих реформ и принимавшему активное участие в деятельности новых судебных учреждений. Они были убеждены в созидательной роли публицистической деятельности, адресуя свой правовой (и не только) дискурс обществу и власти. Обсуждаемая юристами проблематика была достаточно обширной. Они знакомили читателей с достижениями академической юриспруденции, распространяя научные знания о праве; публиковали художественные тексты, в которых герои демонстрировали разные типы правового поведения; высказывали мнения по поводу общественно-политической жизни, литературы и искусства. Являясь яркими представителями интеллектуальной элиты империи, юристы – авторы и сотрудники «Вестника Европы» – старались использовать потенциал журнала для трансляции своих идей, влияния на общественные настроения. Их публицистическая активность была обусловлена как желанием поделиться своими научными и практическими достижениями, так и стремлением изменить российскую реальность в сторону движения к гражданскому обществу и правовому государству.

Список литературы

1. Арсеньев К.К. Русская беллетристика нового поколения // Вестн. Европы (далее ВЕ). – 1884. – № 4. – С. 758–775.
2. Артемьева Е.В. Общественно-политическая программа журнала «Вестник Европы»: 1880-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2002.
3. Белый Г.А. Основные направления в журналистике, публицистике, критике // Очерки по истории русской журналистики и критики. – Л., 1965. – С. 239–249.
4. Винавер М.М. Адвокатская школа накануне ее реформы // ВЕ. – 1898. – № 5. – С. 106–128.
5. Геккер Н. М.М. Стасюлевич и старый русский либерализм // Современник. – 1911. – № 4. – С. 320–353.

6. Ефимов В.В. Волостной суд. В виду предстоящей реформы юстиции // ВЕ. – 1896. – № 8. – С. 559–597.
7. Жуковский Ю.В. Карл Маркс и его книга о капитале // ВЕ. – 1877. – № 9. – С. 5–53.
8. Ковалевский М.М. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // ВЕ. – 1885. – № 2. – С. 793–821.
9. Ковалевский М.М. У подошвы Эльбруса // ВЕ. – 1886. – № 2. – С. 553–581.
10. Кони А.Ф. Нравственный облик Пушкина // ВЕ. – 1899. – № 10. – С. 491–526.
11. Кони А.Ф. Спорный вопрос нашего судопроизводства // ВЕ. – 1881. – № 1. – С. 190–236.
12. Легкий Д.М. Д.В. Стасов – юрист и общественный деятель: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1991.
13. Литературный процесс и русская публицистика конца XIX – начала XX в. – М., 1982.
14. Лушников А.М., Лушникова М.В. Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права: моногр. – Ярославль, 2010.
15. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2006.
16. Политическая история России / под ред. В.В. Журавлева. – М., 1998.
17. Реутский Н.В. Люди Божьи и скопцы. – М., 1872.
18. Родигина Н.Н. «Журналы были нашими лабораториями ...»: конструирование исторического сознания провинциальных интеллектуалов второй половины XIX в. // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / под ред. А.Н. Дмитриева. – М., 2012. – С. 280–308.
19. Родигина Н. Н., Сабурова Т. А. Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 34. – М., 2011. – С. 138–157.
20. Слонимский Л.З. Финансовые задачи. Золото или серебро // ВЕ. 1895. № 7. – С. 317–338.
21. Спасович В.Д. Байронизм у Пушкина и Лермонтова // ВЕ. – 1888. – № 3. – С. 50–87.
22. Спасович В.Д. Новые направления в науке уголовного права // ВЕ. – 1891. – № 10. – С. 441–508.
23. Стасов В.В. Тормоза нового русского искусства // ВЕ. – 1885. – № 2. – С. 541–572.
24. Тернер Ф.Г. Общинное владение и частная собственность // ВЕ. – 1895. – № 5. – С. 5–68.
25. Тернер Ф.Г. Переселенческое дело // ВЕ. – 1897. – № 3. – С. 75–119.
26. Утин Б.И. Светское законодательство и церковь с XVIII в. // ВЕ. – 1868. № 7. – С. 346–360.
27. Фойницкий И.Я. Общегерманское законодательство о печати // ВЕ. – 1874. – № 1. – С. 584–331.
28. Харусь О.А. Либерализм в Сибири в начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 1998.
29. Янжул И.И. Детские воззрения на право, закон и наказание // ВЕ. – 1900. – № 2. – С. 545–565.

Орган молдавских националистов Сфатул Цэрий (1917 г.) и его оценки в современной румынистской историографии

В современной историографии румыно-унионистской ориентации господствуют оценки Сфатул Цэрий как истинного «репрезентативного органа Бессарабии». Когда в румынистской историографии возникает дилемма «истинное или „патриотическое“ отражение истории», мы сталкиваемся с попыткой отражения исторических событий в пользу «патриотизма» в ущерб исторической истине.

The assessments that Sfatul Tarii is a true «representative body of Bessarabia» are dominated in modern historiography of rumynist -unionist orientation. When the dilemma of “truth” or “patriotic” reflection of history appears in rumynist historiography, then we face with an attempt to reflect the historical events in favor of “patriotism” and in the detriment of the historical truth.

Ключевые слова: Бессарабия, Сфатул Цэрий, историография, румынизм.

Key words: Bessarabia, Sfatul Tarii, historiography, rumynizm.

В результате русской революции молдаване получили возможность самим решать свою судьбу. Вскоре после февраля 1917 г. частью интеллигенции овладела идея автономии Бессарабии. Наиболее энергично выступали за неё активисты Молдавской национальной партии и некоторые солдаты-молдаване российской армии.

Правда, при этом следует иметь в виду, что с самого момента создания по причине своих националистических устремлений МНП не пользовалась поддержкой среди молдавских крестьян [12. Ф. 727. Оп. 2. Д. 8. Л. 140–141; 19, р. 81]. Кроме её румынизма (этнократическая концепция, не признающая идентичность молдаван, считая их румынами и выступающая за «объединение всех румын в единое государство – Великая Румыния», соседние народы и национальные меньшинства представлены как «извечные враги румынского рода»), у большинства молдаван, являвшихся малоземельными крестьянами, были и другие причины для недоверия лидерам МНП. Дело в том, что сразу после образования этой организации в её руководство вошли крупнейшие бессарабские помещики и капиталисты, а также некоторые граждане Румынии.

Вот как оценивает настроения различных слоёв населения Молдовы после Февральской (Мартовской) революции американский историк Кейт Хиткин: «Крестьяне приступили к захвату и разделу принадлежавших крупным помещикам земель, в то время как молдавские офицеры русской армии, священники, интеллигенты либеральных взглядов и консервативно настроенные собственники земли требовали политической автономии» [17, р. 418].

Следует отметить, что и часть молдавской интеллигенции была далеко не в восторге от программы МНП [3, 1917. 28 мая]. А вот что в связи с этим писали активисты самой партии из Оргеевского уезда: «Интеллигенция, священники и учителя к вопросу автономии относятся отрицательно. Найдётся 3-4 надёжных». Примерно в тех же тонах характеризовали состояния дел на своих участках и кишинёвские активисты МНП [12. Ф. 727. Оп. 2. Д. 8. Л. 8–11, 5–6, 11–13].

Как и по всей России, в Бессарабии также возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые активно включились в политическую борьбу за власть в крае. В этих условиях 20 октября в Кишинёве собрались около 600 делегатов, представлявших 300 тыс. соотечественников, мобилизованных на фронт. Правда, их никто не избирал, и это были лица, которых персонально пригласили организаторы Первого Всероссийского военномолдавского съезда [9, с. 174]. Исходя из нормы представительства, на съезд должны были прибыть около 9000 делегатов, а явились не более одной пятнадцатой части от необходимого [1, с. 165–166; 2, с. 335].

Делегаты поддержали предложение о создании Сфатул Цэрий (Совета страны) – высшего органа территориально-политической автономии края [26, р. 147–150; 43, р. 47–55]. Примечателен и тот факт, что из 32 депутатов, избранных на съезде, только семь были солдатами и матросами [37, р. 46–47]. Остальные являлись офицерами и военными чиновниками. В резолюции съезда отмечался временный характер Сфатул Цэрий, полномочия которого истекали с момента созыва Учредительного собрания Бессарабии [18, р. 63–64].

2 ноября 1917 г. для организации Сфатул Цэрий было создано Бюро, установившее численность этого органа в 160 чел., включая 10 мест для молдаван, проживавших на левобережье Днестра. Бессарабцам молдавской национальности выделили 105 мест [20, р. 115], и позднее в «первом парламенте» они создали Молдавский блок. Каждая политическая партия, социальная группа, национальная, кооперативная, студенческая, женская организация, профессиональный союз, культурное общество получили мандаты [9, с. 19–20].

Национальным меньшинствам, составлявшим 50 % населения края, выделили только 36 мандатов, то есть меньше 25 %. Рабочим не выделили ни одного, а крестьяне (80 % населения) получили

лишь 30 % мандатов. Следует отметить, что и эти места до 22 января 1918 г. оставались вакантными, и Сфатул Цэрий был образован без участия самой многочисленной социальной силы Молдовы – крестьянства. Политическим формированиям достались в Сфатул Цэрий места не в соответствии с их социальным весом, а в зависимости от их политико-идеологической ориентации. Больше всего мест получили организации прорумынской ориентации. А наиболее влиятельной партии в Бессарабии – эсерам, за которых на выборах в Учредительное собрание проголосовало 31,2 % участвовавших в выборах, было предоставлено всего одно место, в то время как за МНП, набравшей на этих выборах 2,2 % голосов, было закреплено четыре места. По одному месту – как и эсеры – получили малоизвестные общества интеллигенции, Лига женщин, а Коллегия юристов и работники связи – даже по два места.

21 ноября 1917 г. открылись заседания Сфатул Цэрий. В приглашениях указывалось, что он «является временным Верховным краевым органом автономной Бессарабии впредь до созыва Бессарабского Учредительного собрания» [12. Ф. 727. Оп. 2. Д. 3. Л. 27]. 2 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий провозгласил Бессарабию Молдавской Демократической (Народной) Республикой, равной в правах частью единой Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [12. Ф. 727. Оп. 2. Д. 57. Л. 36–36 об., 40–40 об., 129–130; Д. 21. Ч. I. Л. 61–68, 69–70, 74–75].

В современной историографии румыно-унионистской ориентации господствуют оценки Сфатул Цэрий как истинного «репрезентативного органа Бессарабии», «избранного на демократической основе» [33, р. 1432; 39, р. 3–6], как «собрания, представлявшего все классы и социальные слои бессарабского населения» [29, р. 75], «организма с чёткими парламентскими атрибутами» [41, р. 93]. Утверждается, что Сфатул Цэрий «вобрал в себя единогласное одобрение населения Бессарабии» [25, р. 148; 28, р. 21], «отразил национальную структуру, весь политический, профессиональный и институционный спектр общества» [28, р. 19; 40, р. 108, 113], а выборы в этот «парламент» происходили в условиях, когда «население могло свободно выражать свою волю, избирая своих представителей в состав этого великого форума» [41, р. 82] и, наконец, «объединение» от 27 марта 1918 г. «соответствует всем общепринятым критериям в деле национального самоопределения и принципа национальностей» [15, р. 5].

И.М. Опря считает, что «этот парламент Бессарабии отражал истинное национальное, социальное и политическое представительство румын и национальных меньшинств.., являлся законодательным органом, созданным посредством всенародных консультаций, имеющих плебисцитарный характер и поэтому

имеющий полное право решать все вопросы Бессарабии» [36, р. 168]. В «патриотическо-демократическом» рвении академик доходит до утверждения, что «те, кто ставят под сомнение значение Сфатул Цэрий, не желают признавать, что данный парламент был образован посредством демократической процедуры, а его решения представляли собой завершённую форму западных демократических принципов» [35, р. 718].

Георгий Кожокару, выражая и собственное мнение, отмечает, что «румынские историки увидели в Сфатул Цэрий верховный орган государственной власти, избранный в полном соответствии с демократическими нормами своего времени, обладавший необходимыми законодательными демократическими прерогативами и в точности отражавший социальную, политическую и национальную структуру бессарабского общества. Очень похвально отметить, что в своих исследованиях посткоммунистического периода большинство румынских историков характеризовали Сфатул Цэрий в качестве "представительного органа (собрания)" Бессарабии, в то время как большинство молдавских исследователей склоняются к интерпретации Сфатул Цэрий в качестве "парламента" Бессарабии. В принципе и одни, и другие чётко придерживаются мысли, что с момента своего учреждения Сфатул Цэрий был единственным законным выразителем суверенитета Молдавской Республики (Бессарабии)» [27, р. 19].

Данный вопрос имеет не только научное значение, он достаточно идеологизирован и политизирован, поэтому, как говорил классик, если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они, наверное, опровергались бы [10, с. 17]. Поэтому даже некоторые истины, касающиеся исследуемых событий, опровергаются и ещё долго будут опровергаться, а то, чего не было, но очень хотелось бы, чтобы было, признаётся в качестве действительности. Так, академик Опря без тени смущения заявляет, что «провозглашение Молдавской Демократической Республики завершает очередной этап политической подготовки к отделению Бессарабии от Российской империи» [36, р. 169].

Очевидно, что подобного рода эпитеты отражают не столько действительное положение вещей, сколько желание этих авторов. Здесь, как и в большинстве случаев, когда возникает дилемма румынской чаушистской и постчаушистской историографии – «истинное или "патриотическое" отражение истории», – мы сталкиваемся с попыткой отражения исторических событий в пользу «патриотизма» в ущерб исторической истине [21; 22; 23]. Данную мысль очень чётко выразил российский историк Михаил Мельтюхов: «Никакой критики своей собственной истории румынские авторы не допускают, их страна всегда была всего лишь зажатой меж двух „хищников” жерт-

вой обстоятельств... В румынской исторической литературе создана своя собственная слабо связанная с исследованиями соседних стран картина событий международной политики. Понятно, что в этих условиях румынские авторы стараются не затруднять себя сколько-нибудь обстоятельной аргументацией своих тезисов» [11, с. 5].

И это понятно, ведь румынская историография зиждется на мифах, а их малейшая критика неизбежно докажет несостоятельность румынистской концепции «истории румын» и приведёт к её полному отторжению. Эти «научные постулаты» имеют исключительное предназначение лишь для «внутреннего пользования». Так, тезис «Бессарабия – румынская земля!» – это «священная корова» и всегда является квинтэссенцией любого «исследования» любого «доброго румына». Утверждается, например, что до 1917 г. Бессарабия «представляла собой фрагмент румынского государства, насильственно удерживаемого в составе царской империи» [36, р. 187].

В то же время данное единомыслие доказывает тот факт, что в профессиональной среде румынских и молдавских националистических историков румыно-унионистской окраски господствует нездоровая психологическая атмосфера, когда выражение иной точки зрения становится опасной, люди боятся быть «другими».

В принципе эту же мысль поддерживает и голландский исследователь В.П. ван Мёрс. Он отмечает, что «проблема Сфатул Цэрий несёт в себе сильнейший политический заряд как в румынской историографии, так и в советской» и она «не была достаточно и объективно изучена ни одной из них... Советские историки всегда считали Сфатул Цэрий реакционной и контрреволюционной организацией, ответственной за аннексию Бессарабии румынами в 1918 году... Румынская точка зрения в отношении Сфатул Цэрий с точностью до наоборот являлась зеркальным отражением советских догм: парламент представлял население Бессарабии и выражал волю большинства... Румынские интерпретации концентрируются на законном праве парламента решать вопрос об объединении, но и эти слабые аргументы перекрываются тяжестью изначально сформулированного румынами предположения, будто бы результат был исторически предопределён. Это означает, что имевшее место в ходе апрельского голосования сопротивление, а также карикатурное декабрьское голосование* представлены в румынских исторических текстах как события незначительные» [32, р. 401, 402–404].

* Автор имеет в виду «голосования» Сфатул Цэрий в условиях военной оккупации края и непосредственно под дулами румынских пулемётов в зале заседания 27 марта / 9 апр. и 27 нояб. / 10 дек. 1918 г. за «объединение» Бессарабии с Румынией.

Но вернёмся к событиям декабря 1917 г. и продолжим изучение оценок «первого молдавского парламента». Вот как отмечают значение вышеупомянутой организации И. Негрей и Д. Поштаренку: «Сфатул Цэрий был краеугольным камнем, на котором основывались покой и порядок провинции. Он должен был погасить анархию, собрать разобщённых по различным организациям молдаван, создав основу местной власти, которая проникнется нуждами и болью страны и будет пользоваться всеобщей поддержкой... Выборы в Сфатул Цэрий, чтобы иметь истинно демократический характер, должны были быть проведены всеобщим, прямым и равным голосованием, но это было невозможно в тогдашних условиях» [34, р. 171, 172].

Однако известный румынский историк А. Болдур, говоря о принципах организации Сфатул Цэрий, следующим образом оценил эту структуру: «Направленность организации, недостаточная ясность состава, полная неопределённость компетенции – вот характерные черты органа, который декретирован постановлением Первого Всероссийского военно-молдавского съезда... Может ли этот орган быть авторитетным выразителем воли населения Бессарабии, пользоваться его сочувствием и поддержкой? Увы, сомнениям нет конца!» [13, 1917. № 185. 10 дек.]. Того же мнения относительно законности Сфатул Цэрий был и тогдашний румынский министр Г. Арджетояну, называвший данный орган «советом ничтожеств, собранных с подворотни» [16, р. 28].

Примерно в том же духе пишут об этом органе и некоторые западные исследователи. Так, американский историк Уильям Максвелл следующим образом оценивает его легитимность: «Организовав опереточный парламент, названный "Сфатул Цэрий", созданный из представителей организаций, существующих только на бумаге..., эта клика румынских агентов и местных контрреволюционеров начала свою деятельность с провозглашения Молдавской республики как части Российской демократической республики, а затем пригласила румынскую армию» [цит. по 8, с. 80].

Лидеры Сфатул Цэрий отрицали свою приверженность к идее румынизма. Так, И. Инкулец говорил: «Сепаратизма в Бессарабии нет, в особенности в сторону Румынии, и если кто-либо не сводит глаз с Прута, то это только кучка людей. Пути Бессарабии сходятся с путями России, ибо нет более свободной страны, чем Россия. Так смотрит на дело и бессарабское крестьянство... Даже теперь, когда на Россию обрушились все беды, ни в одном селе вы не услышите разговора об отделении от России. Напротив, во многих сёлах говорят, что учреждение самостоятельного управления явится сепаратизмом, а из этого следует, что никто о сепаратизме не помышляет... Сейчас нам грозят и будут грозить Украина и Румы-

ния, в особенности сильна угроза со стороны Румынии... Ни у кого из инициаторов создания краевого органа и в мыслях не было сепаратизма, все желают работать в единении с великой Россией» [14, 1917. 24 дек.].

И такого рода заявления звучали из уст лидеров Сфатул Цэрий непрерывно, даже после оккупации края румынскими войсками, так как настроения народных масс были категорически за сохранение дальнейшего единства Молдовы с Россией [12. Ф. 727. Оп. 2. Д. 3. Л. 27; Д. 21. Л. 141, 178 об., 192; Д. 22. Л. 141–142; 7, 1917. № 38. 14 мая; № 110. 6 дек.; 2, 1917. № 268. 25 нояб.; 6, 1917. № 162. 28 нояб.; № 174. 12 дек.; 13, 1917. № 171. 23 нояб.; № 270. 28 нояб.; № 181. 5 дек.; № 278. 8 дек.; 1917. № 186. 12 дек.; № 191. 17 дек.; № 196. 23 дек.; 14, 1917. 24 дек.; 1918. 11 янв.; 9, с. 200–202; 10, с. 44–46; 31, р. 55; 18, р. 72, 73, 75, 76, 79, 81, 89; 30, р. 463–464].

В этом смысле показательным свидетельством Арджетояну. Описывая выступление премьер-министра королевства А. Авереску (в феврале 1918 г., когда уже более месяца Кишинёв находился под румынской оккупацией) перед «депутатами» Сфатул Цэрий, он отмечает, что слушали они его весьма безразлично. Однако, «когда он заговорил по-русски, весь зал встал и, если до того атмосфера была довольно прохладной, взорвался аплодисментами и одобрительными криками. Буквально на глазах генерал Авереску стал очень популярен в Сфатул Цэрий. У меня же сердце ушло в пятки. Я спросил себя, что было бы, если бы какой-нибудь румынский генерал заговорил по-венгерски на заседании народного собрания где-либо в Клуже или Сибиу» [16, р. 55].

Но вне зависимости от субъективных устремлений тех или иных лидеров и комментариев современных историков провозглашение МДР ознаменовало возрождение молдавской государственности. В этом контексте очень убедителен проделанный историком В. Степанюком анализ данного события: «Все исторические документы, свидетельства современников, общественные настроения доказывают, что... молдаване Пруто-Днестровской Молдовы с непогасшей надеждой хранили и после 1812 г. веру в Молдавское государство и национально-государственное сознание.

В процессе демократизации России, начатой Февральской революцией 1917 г., молдаване левобережья Прута и с обоих берегов Днестра открыто высказали свою волю обустроить собственную жизнь на новой социально-политической основе. Октябрьская революция 1917 г. способствовала дальнейшему национальному возрождению молдаван, позволив им беспрепятственно организовать собственное жизнеустройство» [42, р. 165, 167].

Правда, существуют и другие интерпретации. Так, Валерий Поповский утверждает, что «данный факт никак не связан с каким-либо

идеалом, к которому будто бы десятилетиями стремились бессарабцы» [38, р. 4]. П. Казаку считал провозглашение МДР «транзитным» событием, шагом на пути объединения с Румынией: «Пруто-Днестровская Молдова, посредством ясной воли своих сынов, на пути к объединению всех румын взяла 2 декабря 1917 г. переходное имя молдавской демократической республики» [24, р. 318].

«Вопреки распространяемым в последнее время сторонниками советской школы утверждениям, – продолжает В. Поповский, – Молдавская Республика, созданная скорее вынужденно, не имеет и не может иметь ничего общего с созданными в политических целях Москвой МАССР и МССР... и с современной Р. Молдова, а попытки соответствующих авторов использовать её и эти республики для доказательства "непрерывности" во времени "молдавской национальной государственности" или, как выразился Ион Цуркану, "её вековых традиций", являются ничем иным, как бредом».

По-видимому, г-н Поповский выражает своё желание, а не историческую действительность, но несколько ниже он сам себя опровергает: «Нет ни тени сомнения, что если бы в декабре 1917 г. существовали, хотя бы частично, условия для объединения, бессарабские лидеры не стали бы колебаться с его осуществлением, минуя, таким образом, вопреки своей воле, легальную стадию провозглашения второго румынского государства, то есть МДР. Но тогда таких внутренних и внешних условий не было» [38, р. 5]. На деле «такие внутренние условия для объединения» появились в результате военной оккупации Молдовы, а «внешние» были предоставлены немцами и одобрены Антантой.

Тот факт, что у господ «исследователей» «нет ни тени сомнения», доказывает тоталитарную интолерантную сущность их сознания. В результате этого в 90-е гг. XX в. в молдавской «исторической науке» воцарилась «монополия на истину», а несогласных просто травили и выдавливали из научной и образовательной среды. Наука же только тогда может развиваться, когда существуют равные возможности для разных научных школ, для свободной конкуренции творческих идей, а у учёных всегда остаются хотя бы некоторые «сомнения» и даже «колебания»...

Список литературы

1. Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С. и др. Победа Советской власти в Молдавии. – М., 1978.
2. Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б. и др. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. – Кишинев, 1964.
3. Бессарабская жизнь.

4. Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е. и др. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. – М., 1996.
5. За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920): сб. док. и материалов. Кишинев. – 1970.
6. Изв. Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов.
7. Кувынт Молдовенеск.
8. Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. – Кишинев, 1974.
9. Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). – Кишинев, 2000.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. – М., 1968.
11. Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. – М., 2010.
12. Национальный архив Республики Молдова.
13. Свободная Бессарабия. – 1917.
14. Сфатул Цэрий.
15. Anghel FI. Relațiile româno-sovietice la Conferința de la Varșovia (1921) // Studii și materiale de istorie contemporană. 2003. V. 2. – P. 5–14.
16. Argetoianu C. Memorii. V. 5. – București, 1995.
17. Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P. Istoria României. – București, 1998.
18. Bobeică A. Sfatul Țării – stindard al renașterii naționale. – Chișinău, 1993.
19. Bogos D. Basarabia de la 1812 până la 1938. – Chișinău, 1938.
20. Bogos Д. La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917–1918. – Chișinău, 1998.
21. Boia L. Două secole de mitologie națională. – București, 2005.
22. Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. – București, 1997.
23. Boia L. Jocul cu trecutul: Istoria între adevăr și ficțiune. – București, 1998.
24. Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. 1812–1918. – Chișinău, 1992.
25. Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806-1920). – București, 1993.
26. Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918. – București, 1929.
27. Cojocaru Gh. Sfatul Țării: Itinerar. – Chișinău, 1998.
28. Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. – București, 1995.
29. Dobrinescu V. FI. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940. – Iași, Junimea, 1991.
30. Ghibu O. Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917–1918). Amintiri. – Chișinău, 1992.
31. Halippa P., Moraru A. Testament pentru urmași. – Chișinău, 1991.
32. Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. – Chișinău, 1996.
33. Mușat M., Ardeleanu I. Confirmarea internațională a Marii Uniri în 1918 // Revista de istorie. T. 34. – 1998. – Nr. 8.
34. Negrei I., Poștarencu D. O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917–1918). – Chișinău, 2004.

35. Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924) // Revista istorică. Academia Română. – 1992. – Nr. 7–8. – P. 707–724.
36. Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. V. 1. – București, 1998.
37. Pântea Gh. Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. Chișinău, Tip. „Dreptatea”, 1932. – 112 p.
38. Popovschi V. Republica Democratică Moldovenească. 1917–1918 (Formarea, organizarea internă, simbolurile oficiale). – Chișinău, 2002.
39. Scurtu I. Sfatul Țării, organ reprezentativ al Basarabiei // Magazin Istoric. – 1993. – Nr. 12. – P. 3–6.
40. Scurtu I., Almaș D., Grosu A., Pavlescu I., Ioniță Gh. I. Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1994. – București, 1994.
41. Scurtu I., Almaș D., Grosu A., Pavlescu I., Ioniță Gh. I., Șișcanu I., Enciu N., Cojocaru Gh. Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1998. – București, 1998.
42. Stepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc. – Chișinău, 2005.
43. Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917–1918. Documente. – Chișinău, 1995.

А. Ю. Давыдов, В. Н. Скворцов, И. А. Тропов

Новая экономическая политика в новейшей отечественной историографии: к вопросу о структурировании проблем

В статье проанализированы особенности исследования различных аспектов новой экономической политики 1920-х гг. на современном этапе развития российской исторической науки. Рассмотрены основные достижения и дискуссионные вопросы в изучении нэпа, дана характеристика перспектив исследования данной научной проблемы.

The article analyzes the peculiarities of the research of various aspects of the new economic policy of the 1920s to the present stage of the Russian historical science development. The main achievements and discussion questions in the study of the NEP are examined, the characteristic of the prospects of the study of the scientific problems is given.

Ключевые слова: отечественная историография, научное исследование, научный подход, новая экономическая политика.

Key words: national historiography, scientific research, scientific approach, the new economic policy.

В отечественной историографии новая экономическая политика и ее составляющие многократно становились объектом исследования. В советской доперестроечной литературе нэп определяли как некую статичную сущность – целостный комплекс мер пролетарского государства по организации временного отступления от принципиального курса на построение социализма. В период перестройки длительная «инерция покоя» была прервана. Но, к сожалению, сложные научные вопросы решались порой по-революционному быстро. В результате стремительного заполнения учеными и публицистами «белых пятен истории» нэп и отдельные ее атрибуты (прежде всего кооперативную организацию) нередко стали представлять воплощением гуманистических и демократических начал, присущих социалистическому строительству; возникли иллюзии относительно возможности возрождения нэповской модели в новых условиях [32, с. 121].

В постперестроечный период в российской исторической науке сложилась специфическая ситуация, которую Ю.А. Поляков удачно охарактеризовал как «разрушенность старого и несозданность нового» [24, с. 38]. Интерес к «России нэповской» стал постепенно сни-

жаться. При этом было утрачено и отношение к изучаемой политике как к целостному явлению: что было главным, а что второстепенным стало неясно. В то же время общее ослабление внимания ученых к периоду нэпа не означает, что данная тема не обогатилась заметными научными трудами в новейшей историографии (имеем в виду работы, вышедшие в свет с начала 2000-х гг.). Во многих из них содержатся попытки непредвзято оценить предпосылки, существо и итоги нэпа.

Один из центральных вопросов, привлекающих к себе внимание современных исследователей – вопрос о причинах и обстоятельствах перехода к нэпу.

А.К. Соколов справедливо отмечает, что новую экономическую политику 20-х гг. нельзя рассматривать вне исторического контекста, вне связи с кризисом, порожденным системой военного коммунизма в экономической, социальной и политической сферах [30, с. 6, 9]. В данной связи А.Ю. Давыдов критически оценивает представление о переходе к нэпу как о контролируемом властью процессе. Автор видит в переходе к нэпу совокупность вынужденных и хаотичных отступлений большевиков от коммунистических догм; прослеживает, как внедряемая уже в условиях нэпа прожектерская схема безденежного продуктообмена между городом и деревней под давлением нелегального рынка заменилась свободой торговли [8; 9, с. 22].

Современные историки обращают внимание не только на известные факты народной борьбы в конце 1920 – начале 1921 гг., апогеем которой стал Кронштадтский мятеж, но и отмечают, что выйти из острого политического кризиса большевикам во многом помогло «отсутствие реальных политических альтернатив большевизму, уничтоженных и раздавленных в годы гражданской войны». Результатом стало, в частности, распространение среди рабочих «политического уныния» и абсентеизма [26, с. 20–21].

В последние годы обнаружилось различные подходы к исследованию социально-экономического развития России и СССР в годы нэпа. Ряд авторов отмечает заметные положительные сдвиги как в аграрном секторе в 20-е гг., так и в экономическом развитии страны в целом. Так, по оценкам В.М. Кудрова, самыми высокими темпами экономического роста в СССР характеризовались именно 20-е гг. (на второе место по этому показателю исследователь ставит 50-е гг. и лишь на третье – 30-е гг.) [17, с. 165]. По мнению В.Л. Телицына, в деревне численно возросло и экономически укрепилось «среднее крестьянство, которое постепенно трансформировалось в средний класс», а сельскому хозяйству, по словам автора, всего «за год–полтора» с объявления нэпа «удалось восстановить свой внутренний механизм, сбалансировать удельный вес производительной и потребительской сферы и активно заработать в качестве поставщика

товаров на рынок» [26, с. 114, 116]. Правда, при таком подходе остаются неясными причины срывов хлебозаготовительных планов, введение карточек и т. п. меры. Об этом автор, к сожалению, умалчивает.

Н.Л. Рогалина, также отмечая определенные успехи аграрного сектора, указывает в то же время и на целый ряд проблем в этой сфере (низкие темпы прироста посевных площадей, сокращение удельного веса зерновых культур в составе крестьянских посевов и др.). «Все имеющиеся в нашем распоряжении данные, – пишет она, – свидетельствуют в пользу более эффективного хозяйствования, имевшего место в дореволюционное десятилетие» [25, с. 226]. Примечательно, что автор обнаруживает предпосылки и возможности рационализации нэповского потенциала. Положительные сдвиги в аграрной сфере, по мнению Н.Л. Рогалиной, могли быть обеспечены путем «дальнейшей индивидуализации землепользования, расширения аренды и придания ей соответствующих цивилизационных форм, отказа от монополии внешней торговли, от национализации земли» [25, с. 231]. Исходя из этого, к числу политических авантур следует отнести выбор принципиально иного варианта – отказа от нэпа, свертывания частной торговли, предпринимательства и иных рыночных механизмов, переход к политике коллективизации.

Конечно, историки занимаются не только аграрными проблемами нэповской России. Сохраняется также исследовательский интерес к различным аспектам истории развития промышленности [26, с. 121–149; 31; 23], финансовой сферы [2; 13], кооперации [39; 9; 10] и др.

Заметной тенденцией в современной науке стало повышение интереса ученых к исследованию того, как вырабатываемая в «центре» новая экономическая политика отражалась и преломлялась на региональном уровне [19; 12; 27]. Думается, региональное измерение нэпа – весьма перспективное направление в историографии, развитие которого будет способствовать созданию более полной и объективной картины нэповской России.

На пути к такой цели, как представляется, сделано уже немало. Ученые перестали искать в периоде 20-х гг. признаки сугубо формационного свойства. Они характеризуют нэп как этап, на котором «допускалось развитие частного сектора, государственное регулирование сочеталось с рыночными отношениями и не было столь массовых репрессий, как при Сталине» [6, с. 112], отмечают, что «нэповский курс продемонстрировал свою гибкость и изменчивость даже в те несколько лет, которые он существовал» [40, с. 71].

При этом историки выделяют те сущностные черты, которые достались нэпу от военного коммунизма и во многом определили его структуру. Прежде всего это выраженное стремление к револю-

ционно-насильственному решению насущных и многоплановых проблем. В частности, А.Ю. Давыдов в своих монографиях неоднократно обращает внимание на то, что присущее «русской смуте» всеобщее ожесточение не ушло в прошлое, а, напротив, наложило отпечаток трагизма на многие стороны политической жизни 1920-х гг. и последовавшего периода [7; 8].

Одна из центральных проблем современной историографии нэпа – это проблема влияния политической власти и идеологии на экономику. Вопрос о взаимоотношениях экономики и политики по-разному решается учеными.

Отчетливо сформулировал свою позицию С.А. Павлюченков, по мнению которого, «советская коммунистическая доктрина – это феномен конкретной мобилизационной идеологии». «К коммунизму следует относиться как к духовной оболочке объективного процесса, смысл которого заключается в ключевом понятии – "модернизация"» [26, с. 9, 10].

Большинство исследователей рассматривают вопросы взаимодействия политической и экономической сфер России в годы нэпа с иных позиций. Они так же, как и Павлюченков, признают решающую роль идеологии правящей партии и ее политических интересов в судьбах нэповской экономики [4; 5; 21, с. 19]. Однако полагают, что это имело негативные последствия: политический догматизм большевиков, по их мнению, стал ключевым фактором свертывания новой экономической политики во второй половине 1920-х гг. Наиболее последовательно данную точку зрения отстаивал Е.Г. Гимпельсон [4; 5]. Отказ правящей партии от серьезных политических преобразований он объяснял ее марксистской ортодоксальностью, ее приверженностью курсу на осуществление доктринальных политических идей. Автор убежден, что решающую роль в переходе партии к социально-экономическим контрреформам на исходе нэпа играла именно идеология. «Постоянное навязывание партией большевиков стране социалистической ориентации сдерживало саморегулирующийся процесс развития общества», – резюмирует исследователь [5, с. 10, 14, 60].

Общим местом стало утверждение о том, что нэп представлял собой либерализацию народного хозяйства при усилении политического диктата. Однако авторы порой не замечают содержащегося в их текстах противоречия. Л.П. Колодовникова на одной странице монографии указывает на ужесточение контроля партии уже при переходе к нэпу, а на другой – характеризует новую экономическую политику в целом как «эпоху хотя и ограниченного, но все же плюрализма» [15, с. 7, 8]. Она приводит выразительные данные о том, что в 1923 г. треть членов ячейки центрального ведомства ОГПУ линию ЦК не поддерживала; колебания проявляли и высшие руко-

водители карательных структур: Ф.Э. Дзержинский, Г.Г. Ягода и др. [15, с. 8]. Автор прослеживает процесс нарастания противоречий между властью и обществом по мере эволюции нэпа, в результате сталинским руководством был использован – по ее мнению – единственно возможный, насильственный способ удержать страну в повиновении и обеспечить ее развитие [15, с. 340].

В современной историографии встречается и другой подход. Так, И.А. Тропов в своих работах доказывает, что ситуация на местах в 20-е гг. была намного сложнее, чем это зачастую изображается в исторических трудах. В силу целого ряда обстоятельств ни советы, ни партийные комитеты в период нэпа не стали инструментами «диктатуры партии» [35; 36; 37]. При этом исследователем отмечено важное явление: в 20-е гг. все активнее проявляли себя самоуправленческие начала, возрастала роль сельских сходов [36, с. 374]. Данный факт чрезвычайно актуален в контексте исследования сложных взаимоотношений крестьянства и большевистского государства в условиях новой экономической политики.

В вышедшей в свет в 2007 г. работе Д.В. Ковалева обнаруживаем следующее суждение: хозяйственная либерализация повлекла за собой политические преобразования, хотя эти последние он не относит к разряду «существенных». Дальнейшие объяснения словесный туман рассеивают: фактически признается «существенность» изменений [14, с. 139]. Автор объясняет, как в 1924–1926 гг. под давлением со стороны крестьянства власть смягчила свою жесткую линию и объявила политику «лицом к деревне». Пользуясь снисходительностью избирательного регламента, почти все сельские жители отказали в поддержке коммунистам и комсомольцам (их доля в сельсоветах сократилась с 11,3 до 5,9 %); в десятки раз увеличилось количество выступлений с требованием создания крестьянских союзов (профсоюзов, защищавших права земледельцев). Отчетливо определилась реальная угроза существованию системы. Большевики в целях выживания пошли на объявление войны крестьянству. Оно потерпело сокрушительное поражение и перестало существовать как самостоятельный сельскохозяйственный производитель и как независимая политическая сила [14, с. 141–143]. Думается, организованные партия и государство, объявив войну обществу, не могли не победить. Но ведь это «пиррова победа»...

Большое внимание в современной историографии уделяется социокультурной сфере в период нэпа [3; 20; 22; 1; 28; 34]. В частности, В.П. Булдаков, проанализировав «социальное пространство» нэпа, обнаружил, «как по окончании гражданской войны у населения возникла потребность в социальной релаксации», что проявилось «в заметном росте потребления спиртного, повышенной суицидальности, размывании традиционной сексуальной морали». Исходя из

всего этого, автор объясняет и мотивы поведения властей в конце 20-х гг. Он пишет: «Социокультурная сфера вышла из равновесия и государству предстояло репрессивными методами вернуть ее в прежнее состояние» [3, с. 196, 197, 204, 205].

Исследователь И.В. Нарский делает акцент на углублявшемся в первые полутора – два года нэпа распаде общественных связей; умиротворение крестьянства он объясняет не столько уступкой со стороны властей, сколько сломленностью духа крестьян [22, с. 358]. Негативную картину крестьянского досуга в 20-е гг. на примере Дона, Кубани и Ставрополья изображает С.Д. Багдасарян. По ее мнению, в российской деревне в это время распространились «наиболее отталкивающие, асоциальные явления в области деревенского досуга – пьянство и хулиганство и сопутствующие им девиации (детское курение, половые аномалии)» [1].

Другие исследователи делают акцент на динамичности и разнообразии нэповского общества. Оно располагало живыми силами для саморазвития. Один из авторов этой статьи в целях выяснения степени жизнеспособности общества в обстоятельствах нэпа сосредоточился на изучении крупной социально-профессиональной группы городских кооператоров. Он пришел к выводу, что последние умели приспосабливаться к многочисленным административным препонам и хозяйственным трудностям, создавали жизнеспособные хозяйственные структуры и самодеятельные организации. Дух иждивенчества не проник в их среду [9]. Все это указывает на огромные адаптационные возможности населения. Иной позиции придерживаются А.Я. Лившин и И.Б. Орлов. Они полагают, что в 20-е гг. «нарастало ментальное и культурное отторжение нэпа и всего, что было связано с рынком и экономической свободой. Недовольство ходом дел в стране вымывало островки либерального сознания, приводило к тому, что нэп, рынок и частное предпринимательство составляли негативный ассоциативный ряд с бедностью, неравенством, безработицей и даже бюрократизмом» [18, с. 141].

Процесс выхолащивания общественной жизни происходил поэтапно. Примечательно, что многие авторы (Е.Г. Гимпельсон, Ю.М. Голанд, Л.П. Колодовникова и др.) обнаруживают перелом в середине – начале второй половины 1920-х гг. При этом эволюция нэпа связывается ими с перипетиями политической борьбы, в результате которой сформировался режим единоличной власти И.В. Сталина. В современной историографии существует мнение о том, что победа любой партийной группы, кроме той, которая была полна твердой решимости наголову разгромить всех оппонентов и не считаться при этом ни с какими потерями (то есть сталинской группы), открывала позитивные перспективы для общества [3, с. 215; 40, с. 70–71]. Можно спорить о реальности подобной альтер-

нативы, но нельзя не учитывать выразительные данные, которые приводит Ю.М. Голанд. Он отмечает, что летом 1924 г. позиции И.В. Сталина ослабли и прозвучали требования снять его с поста генсека. Однако его заявление об уходе было отвергнуто по причине отсутствия единогласия по вопросу о выборе преемника. В итоге установилось компромиссное коллегиальное руководство и начался процесс серьезного углубления реформ. Однако после XIV съезда партии сталинское лобби значительно увеличило свое влияние. Позиции сторонников расширения нэпа (М.И. Калинина и др.) стали слабеть. Весна 1926–1927 гг. – это время ухода от экономической целесообразности и перехода к идеологическому диктату [6, с. 114, 115, 117, 119, 123].

В данной связи нельзя не согласиться с С.А. Есиковым относительно того, что так называемая «бухаринская альтернатива» актуальностью не отличалась, ибо с 1927 г. Сталин был в силах подавить любое оппозиционное движение [11, с. 478].

Рассматривая проблемы свертывания нэпа, большинство ученых, как уже отмечалось, решающую роль в этом отводят идеологии правящей коммунистической партии и политическим интересам ее руководства во главе с И.В. Сталиным. Современный исследователь В.А. Ильиных полагает, что волюнтаристское свертывание в 1927 г. рыночного механизма ценообразования имело естественным следствием ограничение продажи крестьянами хлеба государству. Это было использовано для объявления мелкотоварного хозяйства как исчерпавшего свои возможности, а соответственно – для масштабного использования внеэкономических методов отчуждения зерна и решительного перехода к ударной кампании сплошной коллективизации [12, с. 325–326, 329, 331].

В то же время в отечественной историографии наметился и другой подход. Его сторонники склонны связывать отказ от нэповской модели не столько с идеологией правящей партии, сколько с системным кризисом в экономике страны, так и не преодоленным в 20-е гг. В некоторых научных работах доказывается, в частности, что данные официальной государственной статистики с внесенными в них еще в 20-е гг. всевозможными «поправками», свидетельствующие в целом об успехах нэповской экономики, не могут считаться вполне достоверными, и, следовательно, они не отражают всей сложности происходивших в экономике страны процессов [16; 33, с. 206; 38].

Таким образом, современный этап в отечественной историографии характеризуется разнообразием научных подходов и оценок различных аспектов новой экономической политики 1920-х гг. При сохранении целого ряда спорных и дискуссионных моментов, историков, занимающихся исследованием нэповской России, объединя-

ет всё же многое. Авторы нового века отчетливо понимают, что реальная история развивалась далеко не всегда в соответствии с директивами партийно-государственных органов, что следует, безусловно, отличать директивы и лозунги от сути реальных исторических процессов.

Новая экономическая политика в восприятии современных историков – это возможность реализации творческого народного потенциала, адаптации широких слоев населения к бесчисленным трудностям административного свойства. Отсюда – большее, чем раньше, внимание не к абстрактным явлениям и процессам, а к человеку 20-х гг., к его взглядам, трудовым свершениям и иным аспектам повседневной жизни, а также к повседневным управленческим практикам, сложившимся в нэповской России. Такой подход имеет большое значение не только для развития собственно научных исследований, но, как справедливо отмечают современные ученые, и для широкого использования воспитательного потенциала истории при работе с современной студенческой молодежью [29].

Для нынешнего этапа отечественной историографии характерно также понимание того факта, что реализация новой экономической политики во многом зависела от региональных особенностей нашей страны, поэтому всё более пристальное внимание в настоящее время уделяется региональному измерению нэпа.

Полагаем, что дальнейший прогресс в изучении нэпа будет во многом связан с углубленным и беспристрастным исследованием проблем хозяйственной эффективности нэповской модели, роли политико-идеологических факторов в ее свертывании, особенностей общественного сознания и повседневных практик различных групп и слоев населения в непростых условиях 20-х гг. Важнейшим условием плодотворной научной деятельности в этом направлении является, на наш взгляд, широкое использование междисциплинарного подхода и еще более активное, чем ныне, использование региональных исторических источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот.

Список литературы

1. Багдасарян С.Д. Социальные девиации в сфере крестьянского досуга в 1920-е гг. (на материалах юга России) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб., 2013. – С. 147–153.

2. Бокарев Ю.П. Денежные реформы в России и Европе 20-х годов // Нэп в контексте исторического развития России XX века: сб. ст. / отв. ред. А.К. Соколов. – М., 2001. – С. 129–151.

3. Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX века: сб. ст. / отв. ред. А.К. Соколов. – М., 2001. – С. 196–220.

4. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. – М., 2000.
5. Гимпельсон Е.Г. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20-е гг. XX в). – М., 2004.
6. Голанд Ю.М. Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. Москва. 5–7 дек. 2008 г. – М., 2011. – С. 112–134.
7. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. – СПб., 2002.
8. Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. – СПб., 2007.
9. Давыдов А.Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. – СПб., 2011.
10. Давыдов А.Ю. Петроградский деятель А.Е. Бадаев – «плебейский революционер» или «коммерческий человек» // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI в.: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 нояб. 2012 г. / отв. ред. И.А. Тропов. – СПб., 2012. – С. 183–192.
11. Есиков С.А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. Москва. 5–7 дек. 2008 г. – М., 2011. С. 468–479.
12. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). – М., 2010.
13. Ильюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1921 гг. – М., 2010.
14. Ковалев Д.В. Политическая дискриминация крестьянства в нэповской России // Вопр. истории. – 2007. – № 5. – С. 139–143.
15. Колодовникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК-ОГПУ. – М., 2009.
16. Кочетков И.В. Зерновое производство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. – М., 2000. – С. 80–104.
17. Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. – М., 2003.
18. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. – М., 2002.
19. Лютов Л.Н. Региональный аспект социальных процессов в первые годы нэпа. 1921–1923 (По материалам периодической печати Симбирской губернии) // Нэп в контексте исторического развития России XX века: сб. ст. / отв. ред. А.К. Соколов. – М., 2001. – С. 168–185.
20. Лютов Л.Н. Советская молодежь на закате нэпа. 1927–1929 гг. // Вопр. истории. – 2011. – № 11. – С. 128–134.
21. Место НЭПа в советской общественной системе. Материалы Ученого совета ИМЭМО РАН от 13.03.2002. / сост. и ред. Ю.Б. Кочервин. – М., 2002.
22. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001.
23. Подольский С.И. НЭП и индустриализация: перелом в экономической политике – смена управленческих структур // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI в.: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 нояб. 2012 г. / отв. ред. И.А. Тропов. – СПб., 2012. – С. 58–63.
24. Поляков Ю.А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 31–42.

25. Рогалина Н.Л. Нэп как реформа (Аграрный аспект) // Нэп в контексте исторического развития России XX века: сб. ст. / отв. ред. А.К. Соколов. – М., 2001. – С. 221–237.

26. Россия нэповская / под ред. А.Н. Яковлева. – М., 2002.

27. Саблин В.А. Продовольственный налог в северной деревне в первый год нэпа // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. В.И. Голдин, П.В. Федоров. – Мурманск, 2011. – С. 203–206.

28. Савчук А.А. Проституция и изнасилования в Советской России 1920-х гг. как итог разрушения традиционного обмена женщинами // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб., 2013. С. 153–158.

29. Скворцов В.Н. Условия формирования патриотизма как основы мировоззрения современной молодежи // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб., 2013. – С. 6–8.

30. Соколов А.К. Историческое значение нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX века: сб. ст. / отв. ред. А.К. Соколов. – М., 2001. – С. 6–12.

31. Соколов А.К., Сорокина Т.В. Новая экономическая политика и военная промышленность Советской России // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты: сб. ст. – М., 2006. – С. 176–201.

32. Страницы истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди. – М., 1989.

33. Страхов В.В. Новые рубежи историко-аграрных исследований: XXXII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Рос. история. – 2011. – № 6. – С. 204–207.

34. Трефилова М.Н. Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2013.

35. Тропов И.А. РКП(б) в системе сельских и волостных органов власти в России (первая половина 1920-х гг.) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. История. № 4. – С. 123–131.

36. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). – СПб., 2011.

37. Тропов И.А. Волостные исполкомы в первой половине 1920-х гг.: состав и повседневная управленческая деятельность // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб., 2013. – С. 138–142.

38. Тропов И.А. ЦСУ и тайны советской сельскохозяйственной статистики первой половины 1920-х гг. // Ленингр. юрид. журн. – 2012. – № 4(30). – С. 257–263.

39. Файн Л.Е. Нэповский «эксперимент» над российской кооперацией // Вопр. истории. – 2001. – № 7. – С. 35–55.

40. Хлевнюк О.В. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. Москва. 5–7 дек. 2008 г. – М., 2011. – С. 62–74.

УДК 371.13(091)(47) «1850/1900»

О. В. Кузьмина

О государственной политике в отношении учительских семинарий в России во второй половине XIX в. (по материалам ревизии самарской учительской семинарии)

В статье рассмотрены изменения, произошедшие в области подготовки учителей начальных школ в связи с реформой системы образования в 60-е гг. XIX в. Речь идёт о нормативной базе существования учительских семинарий как специализированных учебных заведений по подготовке учителей. На примере самарской учительской семинарии рассматривается практика их деятельности.

The article is dedicated to changes that have occurred in the training of primary school teachers in relation to the reform of the education system in the 60-ies of the XIX century. We are talking about the regulatory framework of the existence as a seminary teacher specialized educational institutions for training teachers. The example of Samara seminary regarded the practice of their activities.

Ключевые слова: государственная политика, учительская семинария, Положение об учительских семинариях, финансирование подготовки учителей.

Key words: government policy, a teacher's seminary, the Regulation on the teachers' seminaries, financing the training of teachers.

В дореформенное время для России были характерны сословность и ведомственность образовательных учреждений, в том числе и начальных. Не существовало также и определённой системы подготовки учителей для начального обучения. «В учителя приходских училищ определяются штатным смотрителем уезда люди всякого состояния, но не иначе, как доказав на испытании в уездном училище, что имеют нужные для сего знания и способность обучать», – говорилось в Уставе учебных заведений 1828 г. [5, с. 155] Но на практике первоначальным обучением мог заниматься любой грамотный человек. В бытность министром просвещения А.С. Шишкова (1824–1828) в Казанском учебном округе сенатор Желтухин во время ревизии выявил 54 учителя, которые не имели разрешения на обучение детей.

Лишь немногие губернии имели специализированные учебные заведения для подготовки учителей, причем эта ситуация была свя-

зана с особенностями этноконфессионального состава населения этих территорий Российской империи. Традиция специальных учительских семинарий сложилась в германских государствах в XVIII в. (Гёттинген, Галле и др.). В Российской империи распространение учебных заведений этого типа началось с Остзейских губерний, где в системе образования применялась именно немецкая практика. С 1818 г. действовала учительская семинария с образцовой школой при ней, в Дерпте. Это заведение было рассчитано на 10 воспитанников и готовило учителей только для Дерптского округа, являвшегося образцово-показательным в империи. С 1842 г. семинария стала выпускать не только учителей начальной школы, но и учителей русского языка для уездных училищ округа. В 1835 г. было принято решение об открытии еще одной семинарии в Дерптском округе в Иервенском уезде для крестьян Эстляндской губернии.

В то же время – в 1839 г. – по представлению попечителя Белорусского учебного округа была закрыта витебская семинария приходских учителей, необходимость в которой якобы отпала, так как, с точки зрения учебного начальства, для 62 училищ округа не было надобности в собственном заведении, готовившем учителей. Витебская учительская семинария просуществовала всего пять лет, но это были годы после польского восстания (1830–1831), а в деятельности витебской семинарии сказывалось влияние католической церкви, проявившей себя нелояльно во время этих событий.

Учителя для приходских училищ могли получать подготовку способом взаимного обучения. Так, в 1852 г. в вятских городских приходских училищах были учреждены должности двух сверхштатных учителей. Вятский губернатор планировал таким образом постепенно готовить кадры для училищ других городов губернии, на что должны были выделяться 200 р. в год из городских доходов. Губернские власти следили за раскладкой этой суммы между городами.

В целом же до 1864 г., т. е. до появления Положения о народных училищах, предусматривавшего создание широкой сети начальных школ, прежде всего для крестьян и по их собственной инициативе, системы специальных учреждений для подготовки учителей в начальные учебные заведения в России не существовало. Со стороны государства предполагалась система формальной поддержки открытия народных школ, но финансовая сторона дела при этом находилась в зависимости от решений конкретных крестьянских, а также городских обществ. После принятия Положения о народных училищах Министерство народного просвещения (МНП) открыло в Молодечно первую учительскую семинарию для Западного края, что объяснялось беспокойной политической обстановкой в этой части империи. Необходимо было обеспечивать в Западном крае не только распространение грамотности, но и воспитывать

благонадежных подданных. Еще со времени правления Екатерины II государство рассматривало воспитательную функцию образовательных учреждений любого уровня как не менее важную, чем собственно просветительскую.

В 1870 г. было издано Положение об учительских семинариях, в соответствии с которым должны были создаваться правительственные учебные заведения по подготовке учителей народных школ. Их деятельность строилась на основании инструкции для учительских семинарий Министерства народного просвещения, действовавшей с 1875 г. В соответствии с этим документом в учительские семинарии принимались лица всех сословий православного исповедания не моложе 16 лет, предоставившие отзыв о благонравном поведении и выдержавшие приёмные испытания в объёме программы 2-классного начального училища Министерства народного просвещения. В учебный план семинарий входили закон божий, русский язык, церковнославянский язык, арифметика, геометрия, русская и всеобщая история, география, естествознание, чистописание и рисование, основы педагогики, гимнастика, пение. Организовывалась и педагогическая практика. В сущности, учительские семинарии являлись средними специальными учебными заведениями, готовившими учителей не только для начальных народных, но и для уездных училищ.

Нуждающиеся воспитанники семинарий получали стипендии и после окончания обучения были обязаны отработать учителями начальных школ не менее четырех лет. Обычно среди них преобладали дети крестьян, которые в течение трёх или четырёх лет обучения жили в интернате и обеспечивались, кроме учебных пособий, минимальным набором предметов повседневного обихода (мебелью, бельём, посудой и т. п.). Быт семинаристов предполагал освоение ими элементарных правил санитарии и гигиены, не характерных для повседневной жизни крестьян. В смете Самарской учительской семинарии, составленной ее директором для того, чтобы получить дополнительные бюджетные ассигнования, было предусмотрено даже приобретение водоочистительных машинок по 10 р. [3. Л. 9 об.]

В соответствии с утверждёнными в 1871 г. штатами учительских семинарий (в современной терминологии – штатного расписания, являвшегося обязательным приложением к любому учредительному документу) годовой бюджет учебного заведения составлял 2000 р. [3. Л. 1], из которых 1200 р. уходило на наём помещения для семинарии (они крайне редко располагались в специально построенных домах), оплату квартиры директора, а также на жалованье законоучителю и трём наставникам; поэтому средств на текущие нужды оставалось недостаточно.

Исключение составляли учебные заведения, открывавшиеся на целевые пожертвования, как это было, например, в Тамбове. Здесь в 1870 г. на средства капитала в 250 тыс. р., переданного в распоряжение Министерства народного просвещения действительным статским советником Нарышкиным, был открыт учительский институт для приготовления учителей начальных народных училищ. В память жены Нарышкина институту было присвоено наименование Екатерининского. В июне 1870 г. было утверждено Положение о новом учебном заведении [1]. При составлении этого документа за основу было взято положение о подчинённой МНП Молодечненской учительской семинарии. Екатерининский институт в Тамбове обеспечивал воспитание и полное содержание тридцати шести молодых людей всех сословий православного исповедания. На содержание одного воспитанника в год предусмотрено было 180 р., в том числе на приобретение учебников и других пособий, которые становились собственностью каждого учащегося. При этом ежегодное содержание всего учебного заведения обходилось в 15 тыс. р. В случае досрочного оставления института воспитанник должен был вернуть соответствующую сумму. Из такого же расчёта обеспечивалось содержание стипендиатов обществ, земств и других ведомств. Преподавательский корпус формировался по выбору директора из лиц православного исповедания, преимущественно получивших образование в одном из российских высших учебных заведений. Каждый из преподавателей, включая учителя начального училища при институте, кроме жалованья обеспечивался казёнными квартирами. Но ситуацию с Екатерининским институтом в Тамбове нельзя было назвать типичной: его финансовое благополучие было скорее исключением из общего правила, характерного для учебных заведений, подведомственных МНП.

Вот, например, какие материальные проблемы стали предметом рассмотрения прибывшего с ревизией в Самарскую губернию в 1880 г. сенатора И.И. Шамшина. Ревизору была предоставлена переписка директора Самарской учительской семинарии с попечителем Казанского учебного округа. Директор семинарии просил последнего ходатайствовать перед министерством о выделении ещё 1000 р. из Государственного казначейства на обеспечение оплаты квартир, дров, освещения и прочих нужд преподавателей семинарии. На отпускаявшиеся с особого разрешения попечителя Казанского учебного округа 800 р. директор на договорной основе арендовал помещения для четверых наставников семинарии и учителя начальной школы при ней, где семинаристы проходили педагогическую практику. «Таковые квартиры настолько незначительны (по размерам не превышают 10 кв. сажень), что наставникам приходится входить в особые соглашения с хозяевами, приплачивая из

собственных средств за добавочные помещения и отопление» [З. Л. 10].

Управляющий Казанским учебным округом, помощник попечителя Малиновский в ответ на просьбу директора семинарии ссылался на указания МНП «о затруднительности испрашивания сверхсметных средств» [З. Л. 10 об.], в связи с чем и он «затруднялся ходатайствовать» и не усматривал оснований согласиться с ображениями директора о необходимости обеспечения «испрашиваемых условий жизни» для преподавателей семинарии. Управляющий округом выдвигал встречное предложение: холостых учителей размещать в свободных помещениях городского училища, а также в квартире самого директора семинарии (как видим, впервые идея «уплотнения» пришла в голову вовсе не большевикам!). Расход на освещение семинарии, по мнению Малиновского, также не мог быть увеличен, поскольку в Самарской семинарии не было интерната, и воспитанники в возрасте от 17 до 22 лет жили на квартирах; в такой ситуации в смету включались только расходы на отопление здания семинарии [З. Л. 4 об.].

Управляющий учебным округом предлагал также рассмотреть возможность перевода семинарии в уездный город или село (по примеру села Порецкого Алатырского уезда) ввиду как более дешёвой жизни там, чем в губернском городе, так и готовности местного общества участвовать в содержании: «...Перевести не имеющую и не могущую вскоре иметь собственного дома семинарию из губернского шумного весьма промышленного, душного, пыльного приволжского города в один из уездных городов подобно Вольской семинарии или в местность подобно Порецкой учительской семинарии, где жить много дешевле, особенно при устройстве ученических конвиктов на артельном начале, в большинстве семинарий практикующемся, не говоря уже о нравственно-воспитательной пользе для будущих воспитателей и учителей, большею частью сельских, к чему готовятся семинаристы, жить подальше, поизолированнее от развлечений, шума и соблазнов огромного торгового города, проще и удобнее для Вашего и наставнического наблюдения, тише и ближе к будущему их быту» [З. Л. 6 об.].

В качестве примера приводилось желание жителей одного из сёл около уездного Ставрополя (ныне Тольятти) иметь у себя «высшее училище». Немаловажным аргументом в пользу решения о переводе семинарии была, как видно из письма, возможность более тщательного наблюдения за жизнью семинаристов, особенно во внеучебное время.

Проблема контроля над проведением молодежного досуга в это время волновала не только руководство учебного округа. Директор мужской классической гимназии С. Колосов в сопроводительном

письме к отчету о деятельности своего учебного заведения сенатору Шамшину считал самым важным вопрос о внешкольной жизни учащихся. Он ссылаясь на сложность условий самарской жизни, выделяя следующие вредные для юношества влияния: борьбу разнородных и противоположных начал в обществе и литературе, а также утилитаризм, охвативший большую часть общества. Под последним подразумевалось «низменное» направление жизни, когда на первый план выходили «удовольствие, удобства, выгоды, интерес» без необходимости приложения для этого собственного труда. Колосов предлагал установить в гимназии специальные стипендии для стимулирования интереса к дальнейшему продолжению образования. Необходимым, с его точки зрения, было также устройство общих ученических квартир при правительственной помощи, что облегчило бы надзор за учащимися за пределами гимназии [З. Л. 112 об.].

Следует отметить, что среди учащихся как мужской, так и женской гимназий были лишь единицы представителей крестьянского сословия; да и те, хотя и принадлежали (официально) к этому сословию, большая часть уже утратили связь с крестьянским трудом и образом жизни (их семьи жили в губернском городе и занимались различными видами деятельности, не связанной с земледельческим трудом). То же самое можно сказать об учащихся самарского реального училища. В последнем преобладали дети купцов и мещан. Необходимо также отметить, что Самара уже была городом, в котором были представлены различные этноконфессиональные группы (потомки немецких колонистов, мусульмане и др.), что отражалось на составе учащихся [З. Л. 109–168].

С 1850 г., когда Самара стала центром губернии, до 1897 г. – года проведения Первой всеобщей переписи населения – численность населения города выросла с 15 до 90 тыс. чел. [6]. Население же Ставрополя насчитывало в 1897 г. 6 тыс. чел. Небольшие города, составлявшие значительную долю в общей численности, носили преимущественно аграрный характер, соответственно, уклад жизни и система ценностей в этих поселениях были ближе к крестьянским, традиционным.

Перевод учительской семинарии в такой город вряд ли мог повлиять на состояние умов и уровень культуры в глубокой провинции, а вот учащиеся лишались бы возможностей ближе знакомиться с условиями жизни страны в процессе индустриализации, к чему так или иначе они должны были готовить и своих будущих учеников. В то же время и Самара, приближаясь в 1880 г. по численности населения к группе крупнейших городов империи (свыше 100 тыс. чел.), не могла похвастаться обилием учебных заведений. На 1880 год в ней насчитывалось 13 городских училищ (одно из них четырех-

классное), семь частных училищ, мужская и женская гимназии, реальное училище, учительская мужская семинария, земская школа сельских учительниц (отчёт о её деятельности отсутствует в деле канцелярии сенатора, ревизующего по Высочайшему повелению Саратовскую и Самарскую губернии), три сиротских дома и детских приюта и три духовных учебных заведения (в т. ч. семинария) [4. Л. 17].

Что касается тезиса о готовности представителей других городских и сельских обществ принять у себя учительскую семинарию и финансово ее поддерживать, то о очевидной невозможности осуществления данного плана говорят доклады чиновников по особым поручениям, собиравшим сведения в разных местностях губернии, в том числе в бывших немецких колониях, в 1880–1881 гг. В этих докладах, извлечения из которых в ходе ревизии губернии нашли отражение в делах сенаторской канцелярии, отмечается крайняя нужда населения вследствие неурожайных лет. Неурожайными были два предшествующих года, в целом же урожайность сельскохозяйственных культур не превышала в этой поволжской губернии сам-3 – сам-4. Крестьяне были вынуждены продавать или забивать рабочий скот, а продажа земельных наделов за бесценок (от 1,5 до 2 р.) и уход на заработки в города стали весьма распространенным явлением [2. Л. 278–294].

Из материалов для исследования экономического положения сельского крестьянского населения Самарской губернии видно, что в 1879 г. в школах обучалось 3,2 % от общего числа всех наличных душ крестьян обоего пола. По уездам этот показатель колебался от 0,9 % в Бугурусланском, где преобладало мусульманское население, до 10,3 % – в Новоузенском, где была сосредоточена значительная часть поселений бывших колонистов (в ходе реформ 60–70-х гг. колонисты утратили многие привилегии, которые получили от российского правительства еще в XVIII в., и влились в сословие свободных сельских обывателей). Во всей губернии в 1879 г. насчитывалось 659 сельских школ, 916 учителей в них и 60 545 учеников (40 108 мальчиков и 20 437 девочек). [2. Л. 49].

Наибольшее относительно численности населения количество школ было в Новоузенском и Николаевском уездах. Здесь, по официальным данным, проживало около 275 тыс. чел., из них великороссы – 32,9 %, малороссы – 18,3 %, немцы – 43,1 %, мордва – 0,9 %, татары – 3,3 % [2. Л. 342]. Наименьшее же число школ наряду с вышеупомянутым Бугурусланским уездом было в Ставропольском и Бугульминском. Совсем отсутствовали сельские школы в 59 волостях, в 71 волости вообще не было обучающихся девочек. На содержание школ общества тратили в среднем 363 р. 18 к. Для сравнения: на жалованье священникам и церковнослужителям об-

щества в среднем тратили 477 р. 80 к., а на волостных старшин и писарей – 688 р. 83 к. в год. Несмотря на необходимость высоких расходов на содержание грамотного сельского управленческого персонала, в 43 волостях общества вообще не участвовали в содержании школ [2. Л. 49 об. – 50]. Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что перекладывание содержания учительской семинарии на плечи членов конкретного общества вряд ли было бы встречено с энтузиазмом.

Таким образом, утверждение управляющего учебным округом о целесообразности перевода семинарии из Самары выглядит довольно сомнительным.

Ответ управляющего учебным округом обсуждался на заседании педагогического совета учительской семинарии. Её директор изложил в письме сенатору свои соображения, подкреплённые решениями совета. Они сводились к следующему: все помещения в здании городского училища заняты и даже недостаточны при существующем количестве учеников; холостых учителей в наличном составе нет; а помещение квартиры директора, несмотря на значительные размеры, «в настоящем виде не может быть приспособлено хотя сколько-нибудь удобно для совместной жизни двух семейных лиц...» [3. Л. 9 об.].

В деле о сенаторской ревизии мы не находим окончательного решения рассматриваемой проблемы. Но на основании представленных документов можно сделать определённые выводы. Во-первых, на примере самарской семинарии видно, что существовавшая практика расходилась с нормативными документами МНП о создании компактных интернатов для учащихся; последние размещались на съёмных квартирах, при выборе которых основным критерием была стоимость жилья, не всегда отвечавшего элементарным требованиям санитарии.

Во-вторых, несмотря на то, что учительская мужская семинария в Самаре была учреждением «бюджетным», как бы сказали сейчас, и подчинялась Министерству народного просвещения, государственные структуры как на правительственном, так и на местном уровне вынуждали её директора прибегать к ходатайствам об ассигновании дополнительных, не предусмотренных утверждёнными штатами средств, а также к поиску негосударственных источников финансирования (частной благотворительности, сборов с местных обществ). Наряду с государственными уже существовали и земские учебные заведения (упоминавшаяся земская школа сельских учительниц), которые по определению содержались за счёт общественных средств.

В-третьих, возможность «оптимизировать» расходы на содержание учительской семинарии рождала со стороны администрации

учебного округа предложения по её переводу в другие населённые пункты губернии (вплоть до сёл), где жизнь была дешевле, чем в губернском городе и с точки зрения начальства округа общества могли принимать участие в её содержании, хотя это не соответствовало действительности, как было показано выше. С другой стороны – возникало больше возможностей для наблюдения за нравственностью и политическими взглядами как учащихся, так и учителей. При этом игнорировался тот факт, что перевод такого учебного заведения, как учительская семинария, в глубинку при существовавших коммуникативных возможностях вряд ли привел бы к росту культурного уровня среди местных жителей; скорее традиционалистский характер местного общества стал бы оказывать влияние на сообщество преподавателей и учащихся.

В-четвёртых, можно констатировать установку государственных структур на то, чтобы наставники в учительской семинарии работали, руководствуясь исключительно идейными соображениями, и были готовы довольствоваться малым в своей повседневной жизни. Проблема же обеспечения научной и учебно-методической литературой и возможность поддержания профессионального уровня преподавателей, не говоря уже о повышении квалификации, вообще не рассматривалась.

Пример действовавшей в Самаре учительской семинарии, подчинявшейся Министерству народного просвещения и содержавшейся на казенные средства, показывает, что государственное финансирование такого рода учреждений, особенно в условиях отсутствия типовых учебных зданий и общежитий для слушателей, было далеко не достаточным. Общественная же поддержка данных учебных заведений носила случайный характер и в условиях экономического неблагополучия значительной части населения не могла обеспечить его достойного функционирования.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 45. № 48469.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1391. Оп. 1. Д. 3.
3. РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 4.
4. РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 5.
5. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения за 1802–1888 гг. – Т. II. Ч. 1. – СПб., 1864.
6. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=36 – Демоскоп weekly – изд. Ин-та демографии НИУ ВШЭ (дата обращения: 18.05.13).

Пролетаризация учебных заведений Вологды и Череповца в 1920-е гг.

В статье рассматривается процесс пролетаризации среднего и высшего профессионального образования, его результаты на примере Вологды и Череповца. Раскрываются методы пролетаризации учебных заведений, а именно чистки в студенческих рядах, способы осуществления классового подхода при отборе поступающих в техникумы, предварительная подготовка рабочих и крестьян через Рабфаки к поступлению в вузы и техникумы.

In this article is considered the process of proletarianization of secondary and higher vocational education and its results through the examples of Vologda and Cherepovez. Here are disclosed the methods of proletarianization of educational institutions namely a comb-out between students, how to put into practice the methods of class approach to select between enrollee entering technical colleges, preliminary preparation of workers and peasants through "Work faculties" for entering higher education institutions and technical colleges.

Ключевые слова: пролетаризация, социальное происхождение, техникум, поступающий, учащийся.

Key words: Proletarization, social origin, college, coming, student.

Важным звеном в формировании идеологически подкованной интеллигенции являлось регулирование социального состава студенчества. Ставка делалась на его пролетаризацию. Исследователи уделяли этому процессу достаточно большое внимание. Пролетаризация рассматривалась как процесс обновления состава студенчества не только по социальному положению или происхождению, но и мировоззрению. Деятельность партии и правительства в области изменения социального облика вузов и техникумов включала в себя несколько направлений: ведение массового приема в учебные заведения; развитие и укрепление рабочих факультетов; периодические чистки социального состава студенчества; рост партийно-комсомольской прослойки в вузах и техникумах; укрепление материальной базы вузов и техникумов; реорганизация системы подготовки специалистов разных областей народного хозяйства [12, с. 57].

Историки выделяют несколько причин пролетаризации: 1) потребность новой власти в «красных специалистах». Как справедливо заметила Т.Б. Котлова, отрицательное отношение партии и государства к «буржуазной» части студенчества возникло из разви-

тия идеи В.И. Ленина о том, что, как и всякий другой класс современного общества, пролетариат вырабатывает свою собственную интеллигенцию [14, с. 16]; 2) необходимость покончить с привилегированным положением имущих классов в высшей школе, не ущемляя при этом интересов трудящейся интеллигенции [1, с. 131].

В.С. Волков и С.А. Федюкин предложили заменить термин «пролетаризация» на «демократизация» как более точно отражающий сущность происходивших в 20-е гг. изменений [21, с. 28]. С.А. Красильников отмечал доминирование классовой политики государства в области высшей школы, определяемой как пролетаризация в широком социальном смысле (включая крестьянство) уже с начала 20-х гг. Однако, это явление не осуществлялось одновременно и поступательно. Это дает основание говорить о том, что в 20-е гг. процесс изменений социального состава студенчества не являлся чистой «пролетаризацией». Точнее было бы характеризовать его как «демократизацию» [16, с. 24–25]. На наш взгляд, в 1920–1930-е гг. действия по формированию интеллигенции в вузах и техникумах является пролетаризацией, так как шло целенаправленное создание специалистов, в первую очередь из представителей рабочего класса и колхозников. Вместе с тем внутри этого процесса можно выделить два периода: демократический – соответствующий первой половине 1920-х гг. и жесткой пролетаризации – вторая половина 1920-х – 1930-е гг. На первом этапе, несмотря на классовый отбор, существовали возможности для поступления и обучения студентов разных социальных категорий. Второй период характеризовался жесткой установкой по увеличению числа рабочих, а в 1930-е гг. и колхозников в числе студентов, создаются барьеры для обучения других категорий граждан.

Предпосылки для демократизации школы были заложены еще в первые годы Советской власти. Декретом ВЦИК и СНК от 11 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» упразднены все сословные привилегии. К началу 1918 г. правительство выработало целый ряд мер, обеспечивающих пролетариату доступ к высшему образованию: декретом от 2 августа 1918 г. «О правилах приема» отменен принцип отбора абитуриентов по способностям. 17 сентября 1920 г. СНК принимает декрет о создании общеобразовательных рабочих факультетов (далее рабфак) при вузах. Однако, как показала практика, отмена вступительных испытаний, хотя и вызвала большой приток в учебные заведения рабочих и крестьян, но из-за плохой подготовки они не могли обучаться [19, с. 273].

Партийные органы проводили протекционистскую политику и оказывали давление на приемную комиссию [13, с. 57]. Высшие и средние учебные заведения Вологды и Череповца не были исключением. Анкета абитуриента должна была быть заверена если не

парткомом, то профсоюзным или иным органом власти. Лица, не имевшие командировки, в подтверждение правильности изложенного в анкете должны были собрать много различных справок [6. Л. 11]. Губернские, а затем окружные комитеты партии составляли графики разверсток в вузы и техникумы, которые затем рассылали в местные комитеты партии. Таким образом, формирование будущего студенчества полностью находилось под контролем органов партии [8. Л. 10].

Социальный состав студентов Вологодского молочно-хозяйственного института (далее ВМХИ) 1923/24 уч. г. выглядел следующим образом: «не пролетарских слоев» – 44,1 %, на долю рабочих приходилось 11,3 %, крестьян – 38,1 % [7. Л. 48]. Преобладание представителей так называемых «непролетарских» слоев объясняется лучшей по сравнению с другими категориями населения образовательной подготовкой.

Коллегией Наркомпроса 29 апреля 1924 г. была утверждена секретная инструкция «О проведении качественной проверки студентов высших учебных заведений». Этой инструкцией НКП стремился решить две задачи: увеличить пролетарскую группу в вузах и техникумах и сократить численный состав учащихся. Проверке подвергались все без исключения студенты. При ее проведении учитывалась академическая успеваемость, социальное происхождение, политическая грамотность. Причем от выходцев из «буржуазной и интеллигентной среды» требовали только полную академическую успеваемость, в то время как подход к пролетарской группе был значительно мягче [23. Л. 36].

Для проведения чистки в центре и на местах создавались специальные комиссии, куда входили представители партийных, профессиональных организаций и студенчества. Материалы комиссий вузов и техникумов поступали на рассмотрение губернского отдела народного образования (далее губоно), и после ее утверждения студент мог быть отчислен.

Вскоре НКП были приняты дополнения к вышеназванной инструкции. В них говорилось, что при проверке студентов и рассмотрении жалоб следует проявлять осторожный подход «к детям интеллигентных профессий, состоящих на советской службе (врачей, инженеров, учителей, агрономов и т. д.), а также детям служащих; при наличии академической неуспеваемости к ним должно быть проявлено более бережное отношение, чем к иным выходцам из «буржуазной среды» [9. Л. 18].

В декабре 1922 г. в Череповце были созданы первые комиссии по пересмотру классового состава учащихся техникумов. Из-за становления и реорганизации системы профессионально-технического образования и одновременных материально-технических трудностей,

с которыми столкнулись все техникумы города в начале 1920-х гг., пересмотр классового состава существенных результатов не дал. В 1924 г. из Череповецкого лесомеханического техникума по причине «классовой чуждости» было отчислено 2 чел. Основной же причиной отчисления являлась академическая неуспеваемость и пропуски занятий без уважительной причины. В 1925 г. вышел циркуляр НКП, запрещающий принимать «социально чуждые» элементы, и уже в 1926 г. только приемной комиссией Череповецкого техникума животноводства и молочного хозяйства в приеме заявления по причине: «дочь или сын кулака», «из духовного сословия», «отец торговец», «отец бывший белый офицер» было отказано 40 абитуриентам, а в Череповецком педагогическом техникуме по причине социального происхождения было отчислено 6 чел. [24. Л. 17–18].

Уровень знаний поступающих или поступивших в вузы и втузы страны обсуждался и на заседании президиума Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (далее ВМБИТ) 11 ноября 1927 г. Членом президиума Е.С. Гендлером был представлен доклад об уровне знаний поступивших в вузы и втузы страны. В нем он особенно подчеркнул недопустимый разрыв в уровне знаний лиц, оканчивающих среднюю школу, с требованиями, которые предъявлялись при поступлении в высшие технические учебные заведения. По словам Е. С. Гендлера: «Если до революции для подготовки лица, окончившего среднюю школу и поступившего в высшие учебные заведения, достаточно было 2–3 месяцев занятий, чтобы восполнить те недостающие знания, которые необходимы для успешной учебы в вузе, то в настоящее время при тех же требованиях <...> срок составляет от года до 2-х лет серьезной внешкольной подготовки». Одним из способов решения данной проблемы, по мнению членов ВМБИТ, могло стать расширения курсов подготовки поступающих в высшие учебные заведения, при организации которых активное участие должны были принять профорганизации и их инжетехсекции. Основным же способом должно было стать принятие Наркомпросом мер по повышению уровня знаний учащихся средних школ [25. Л. 13–14].

Наступление на непролетарские элементы усилилось после июльского пленума ВКП(б) в 1928 г., когда в связи с Шахтинским делом был поставлен вопрос о подготовке «новых кадров красных специалистов» [15, с. 334].

В августе 1928 г. объединенный пленум Вологодского губкома и контрольной комиссии обсудил состояние образования в губернии. В итоге было принято решение, направленное на усиление потока рабочих и трудового крестьянства. Пролетарское звено при приеме в техникумы решено было довести до 80–85 %. Губпартконферен-

ция подчеркнула необходимость жесткого регулирования социального состава учащихся в техникумах.

Из всех зачисленных в ВМХИ в 1928/1929 уч. г. 80 % составляли рабочие, батраки и крестьяне. В 1929 г. был повышен процент приема рабочих в индустриальные техникумы. Здесь норма приема для рабочих составила 85 %, 10 % для батраков и колхозного крестьянства, 5 % для остальных категорий граждан [2. Л. 56 об. – 57].

На начало 1928 г. в Череповецком педагогическом техникуме доля учащихся, вышедших из рабочих и крестьян, составляла 74,5 % (при норме 75 %) [26. Л. 40 об.].

Помимо этого, в вузах и техникумах в 1928/1929 и 1929/1930 уч. гг. прошли «чистки». Кампания 1928/1929 уч. г. напоминала 1923/1924 г.: под тем же предлогом разгрузки от академически неуспевающих студентов техникумы избавлялись от «нетрудового элемента» [10. Л. 44; 32]. Кампания же 1929/1930 уч. г. приобрела уже ярко выраженный классовый характер. Вопрос о успеваемости уже даже не поднимался. Отчислению подлежали: учащиеся, лишенные избирательного права, или родители которых были лишены избирательных прав, скрывшие при поступлении свое социальное происхождение, не порвавшие связь с родителями, а также за ведение антисоветской пропаганды [3. Л. 63].

Одним из инструментов классовой политики комплектования учебных заведений были наборы «партийной тысячи». На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. было принято постановление, которое обязывало партийные организации направлять в вузы за год не менее 1000 коммунистов, «прошедших серьезную школу партийной, советской или профессиональной работы» [15, с. 360].

В августе 1928 г. в комиссии при Вологодском губкоме отобрали 21 кандидата в счет «партийной тысячи» в вузы Москвы и Ленинграда [4. Л. 63 об.]. В целом по стране в вузы было принято 949 «тысячников» в 1929 г. и в 1930 г. еще 970 [20, с. 95].

Важным звеном в пролетаризации являлась деятельность рабочих факультетов по подготовке рабочих и крестьян в вузы. Первоначально выпуск рабфаков был небольшим, так как прием начался еще в годы Гражданской войны. Так, в 1923 г. Вологодский рабфак окончили 23 чел. и все поступили в вузы [11. Л. 1]. В целом по стране доля рабфаковцев, принятых в вузы в 1923 г., составила 11 % от общего приема [18, с. 68].

К середине 1920-х гг. рабфаки увеличили выпуск. Вологодский рабочий факультет подготовил в 1925 г. 96 чел., из которых в различные вузы страны поступило 87 чел. К 1929 г. Вологодский рабфак подготовил 100 чел., из них в вузы поступили 80 чел. [11. Л. 7–8; 15–17].

Если говорить о социальном составе слушателей рабочих факультетов, то в первой половине 20-х гг. он был далеко не рабоче-крестьянским. Так, в 1922/1923 уч. г. на Вологодском рабфаке доля рабочей-крестьянской группы составила 38,4 % слушателей. Остальные относились к категории служащих, ремесленников и нетрудовому элементу. Поэтому власть в 1924 г. прибегла к «чистке» социального состава рабфака и ужесточила правила приема.

В результате принятых мер положение дел во второй половине 20-х гг. изменилось. В 1925/1926 уч. г. на дневном рабочем факультете Вологодской губернии рабоче-крестьянская группа стала доминирующей. Если посмотреть данные в целом по стране, то доля рабочих на дневных рабфаках составит 43,6 %, крестьян – 52,3 %, прочих – 4,1 % [17, с. 140–142]. Таким образом, со второй половины 20-х гг. рабочие факультеты отправляли в вузы исключительно рабочих и крестьян.

Среди учащихся техникумов количество рабфаковцев было незначительно, так как в них направлялись выпускники, которые были признаны непригодными для обучения в вузах, а таких было немного. Следовательно, рабочие факультеты в пролетаризации техникумов сыграли небольшую роль.

Во всех учебных заведениях как Вологды и Череповца, так и СССР в целом осуществлялась деятельность по привлечению студентов к общественной работе с целью формирования коммунистического сознания. Учащиеся были активными членами культпоходов по ликвидации неграмотности, обучая население чтению и письму как индивидуально, так и коллективно [5. Л. 43].

Партячейки, ячейки ВЛКСМ и профкомы оказывали значительное влияние на жизнь учебных заведений, несмотря на то, что количество учащихся, принятых в эти организации, было невелико. В Череповецком лесомеханическом техникуме в 1926/27 уч. г. из 129 учащихся членами профкома были 66 чел., комсомольцами 52 чел., т. е. к общему числу учащихся 51 %, 40 % и один являлся членом ВКП (б). По социальному составу члены ВЛКСМ распределялись следующим образом: дети рабочих – 35 %, крестьян 44 % и служащих – 21 %.

Методику преподавания определял трудовой принцип. Внедрялся лабораторный метод. Требование перехода на организацию занятий по лабораторному методу исходило от Наркомпроса и Главпрофобра. НКП оправдывал введение лабораторного метода привычкой рабоче-крестьянского студенчества к практике и отсутствием у него умения мыслить абстрактно [22, с. 219].

Отношение историков к лабораторному методу различное. Ш.Х. Чанборисов называет внедрение лабораторного метода «проекторством», Д.А. Волков считает, что лабораторный метод, или,

как его называли, Дальтон-план, ориентировал студентов на исследовательскую работу. Исследование М.В. Ермушина показало, что при отсутствии материально-технической базы и достаточного количества учебной литературы данный метод отрицательно повлиял на качество подготовки студентов [22, с. 219; 12, с. 134]. На наш взгляд, в лабораторном методе можно найти как положительные, так и отрицательные моменты. Единственно верным, считаем мы, является то, что благодаря Дальтон-плану продолжалась пролетаризация студенчества, так как этот метод официально был объявлен марксистским. В таком виде он всячески пропагандировался. Власти настоятельно требовали его внедрения в учебный процесс.

Таким образом, важным звеном в деле формирования советской интеллигенции являлась политика пролетаризации советского студенчества. К концу 20-х гг. благодаря особой системе мер властям удалось добиться преобладания рабоче-крестьянской прослойки в среде учащихся.

Эта система включала два направления: первое реализовывалось через обеспечение преимущественного права поступления рабоче-крестьянской молодежи в вузы и техникумы, что было закреплено в правилах приема.

Второе направление заключалось в подготовке рабочих и крестьян через систему рабочих факультетов и подготовительных курсов. К середине двадцатых годов происходит увеличение количества рабфаковцев, принятых в вузы.

Помимо изменения классового состава учащихся, перед властью стояла задача их идеологического воспитания. Данная работа производилась через увеличение партийно-комсомольской прослойки среди студенчества.

Список литературы

1. Борисов Ю. С. Изменение социального состава учащихся в высших и средних специальных учебных заведениях 1917–1940 гг. // Культурная революция в СССР. – М., 1967. – С. 129–143.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 1853. Оп. 12. Д. 98.
3. ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 11. Д. 107.
4. ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 11. Д. 63.
5. ВОАНПИ. Ф. 1930. Оп. 6. Д. 155.
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 111. Оп. 1. Д. 52.
7. ГАВО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 379.
8. ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 664.
9. ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 664.
10. ГАВО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 58.
11. ГАВО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 53.

12. Ермушин М. В. Формирование технической интеллигенции в 1921–1929 гг.: На материалах Верхнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2001.
13. Коммунистическая партия и студенчество в период строительства социализма в СССР и историография проблемы // Великий Октябрь и молодежь. – Л., 1978. – С. 48–64.
14. Котлова Т. Б. Партийно-государственная политика по отношению к инженерно-технической интеллигенции в годы индустриализации: проблемы подготовки и исследования 1929–1936 гг. (На материалах Ивановской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 1991.
15. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 4. (1926–1929). – М., 1984. Т. 4.
16. Красильников С. А. Социально-политическое развитие интеллигенции в Сибири в 1917 – сер. 1930-х гг.: автореф. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1995. – С. 24–25.
17. Материалы по статистике профессионально-технического образования. – М.; Л., 1928. – С. 140–142.
18. Сафразьян Н. Л. Борьба КПСС за строительство Советской высшей школы (1921–1927 гг.). – М., 1977.
19. Советская интеллигенция (История формирования и роста). 1917–1965. – М., 1968.
20. Советская интеллигенция. Красный очерк истории (1917–1975). – М., 1977.
21. Федюкин С.А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции // Вопр. истории. – 1980. – № 9.
22. Чанборисов Ш.Х. Формирование советской университетской школы. – М., 1988.
23. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД.) Ф. 758. Оп. 1. Д. 13.
24. ЧЦХД. Ф. 758. Оп. 1. Д. 6.
25. ЧЦХД. Ф. 305. Оп. 1. Д. 4.
26. ЧЦХД. Ф. 305. Оп. 1. Д. 44.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(479.24)«07/09»:316.347

Л. Р. Кафар-заде

Проблемы этнополитической истории Азербайджана периода господства Арабского халифата в англоязычной научной литературе

В статье дается анализ целей, основных направлений и характера переселения арабских племен на исторические земли Азербайджана в период господства Арабского халифата. Особое внимание также было уделено последствиям переселенческой политики, в частности, роли, которую арабы сыграли в процессе этногенеза азербайджанского народа и формировании религиозных взглядов местного населения.

The Goals, the main directions and the character of resettlement of Arab tribes in the historical lands of Azerbaijan during the rule of the Arab Caliphate were studied. Special attention was paid to consequences of resettlement policy, particularly to the role the Arabs played in the process of ethnogenesis of Azerbaijani people and formation of religious convictions of the population.

Ключевые слова: Азербайджан, Арран, Арабский халифат, переселенческая политика, арабские племена, рабат, англоязычная историография.

Key words: Azerbaijan, Arran, the Arab Caliphate, resettlement policy, Arab tribes, rabat, English-language historiography.

Непосредственным результатом завоевания исторического Азербайджана арабами в I половине VII в. стали последующие изменения в этнополитической истории как Азербайджана, так и Аррана. Со временем в Азербайджан были переселены арабские племена в большом количестве. Наряду со стратегической и миссионерской целями переселенческая политика Арабского халифата предполагала в качестве основной задачи не дать молодому централизованному государству распасться в результате вечной межплеменной розни. Несмотря на то, что именно благодаря политической консолидации различных племен создание Арабского государства стало возможным, «головной болью» руководящей арабской элиты так и остались кочевые племена, традиционно плохо поддававшиеся контролю [22, с. 251–252]. Как справедливо указывал Э. Даниэль, целью центрального правительства в

переселении кочевых племен на новые места было натравить их друг на друга [21, с. 212], тем самым отвлечь их внимание от себя.

Переселение и колонизация Азербайджана начались лишь после окончательного завоевания и упрочения здесь власти арабов. Факт основания мусульманского гарнизона и сооружения мечети в Ардебиле ал-Аш'асом ибн Кайсом после усмирения Азербайджана подтверждает это [12, с. 103; 35, с. 207]. Как утверждает Х. Кеннеди, заселение земель Азербайджана арабскими племенами на постоянной основе происходило постепенно [29, с. 71]. Первое переселение арабских племен в Азербайджан имело место быть в период правления халифа Османа (644–656), интенсивный же характер процесс переселения принял при халифе Али (656–661). Тем не менее, как отмечает К. Босворт, в период Омейядов Азербайджан был заселен негусто [19, с. 226]. С началом же второй арабо-хазарской войны (722–737), в ходе которой хазары разгромили арабскую армию под предводительством Джарраха ибн Абдаллаха аль-Хаками в битве при Ардебиле (730 г.) и проникли вглубь владений халифата, достигнув Диярбекира и Джазиры [17, с. 358; 19, с. 226; 25, с. 625; 39, с. 20–22], ввиду необходимости укрепления своих позиций в Азербайджане Арабский халифат активизировал переселенческий процесс. Резкое же сокращение числа арабских переселенцев здесь в период правления Харуна ар-Рашида (786–809) связано с прекращением вторжений хазар* [23, с. 835] и развитием народно-освободительной борьбы хуррамитов под предводительством Бабека, перетянувшей на себя все внимание центра [2, с. 176; 8, с. 13].

В Азербайджане были размещены как представители северных, так и южных племен. До воцарения династии Аббасидов переселялись главным образом северные племена – низариты племен рабиа и мудар, являвшиеся социальной опорой династии Омейядов в тот период [2, с. 171]. Рабииты обосновались в Барде, Шеки и Ширване [5, с. 50]. Однако после прихода к власти династии Аббасидов ситуация изменилась. Последние в надежде предотвратить появление центробежных сил и ослабления своей власти отдавали предпочтение заселению азербайджанских земель своими сторонниками – арабскими колонистами из Басры. Уже при первом аббасидском правителе Азербайджана Йазиде ибн Хатиме ал-Мухаллаби были переселены южные племена – йемениты [36, с. 278]. В Тебризе осели раввадиты, в Майанидже – хамданиты, в Урмии – аздиты, в Барзе – авдиты, в Наризе – таиты, в Сарате (Сарабе) – киндиты [5, с. 50; 19, с. 226; 36, с. 227; 39, с. 124–125]. Э. Даниэль утверждает, что в тот период, пока политика Аббасидов, направленная на заселение Азербайджана своими сторонниками вместо северных пле-

* Последнее крупное столкновение арабов с хазарами было в 799/800 г.

мен – сторонников прежней династии, не приносила плодов, Аббасиды придавали особое значение развитию пасторализма в Северо-Западном Иране, дабы не дать возможности северным племенам укрепиться здесь [21, с. 212]. Примечательны слова Б. Льюиса о том, что в раннеисламский период самые опасные конфликты, представлявшие угрозу стабильности Арабского государства и сплоченности исламского сообщества, возникали не из различий между арабами и неарабами, мусульманами и немусульманами, а из вражды между племенами северно- и южно-аравийского происхождения, теми, кто пришел раньше и позже [31, с. 60]. Так, со временем северный Азербайджан стал «Омейядским», а южный – «Аббасидским».

Ввиду того, что именно в Арране располагались такие стратегически важные для совершения набегов на хазарские земли опорные пункты, как Бейлаган, Шамкир, Габала, Барда, арабы придавали особое значение его заселению [18, с. 521; 26, с. 660; 36, с. 227]. Особая роль отводилась Барде как бастиону ислама [18, с. 521]. По мнению Д.М. Данлопу, захват Барды, являвшейся еще со времен Сасанидов опорным пунктом против вторжений как Византии, так и северных народов, символизировал собою начало арабского господства в регионе [24, с. 1041].

Результатом переселенческой политики халифата стало заселение арабскими племенами таких городов и стратегических пунктов, в основном на торговых путях, как Ардебиль, Тебриз, Марага, Урмия, Сарат, Мийана, Варсан, Маранд, Барда, Шамахи, Ширван, Бейлаган, Габала, Дербенд и др. [5, с. 50; 21, с. 212; 32, с. 190; 34, с. 499; 40, с. 40].

Миграция арабского населения целыми племенами неминуемо привела к возникновению многочисленных арабских кварталов в городах на захваченных территориях. Если учесть что, согласно Дж. Хоутингу, основным принципом государства, образовавшегося в результате завоеваний, было отделение арабов от неарабов [27, с. 4], то желание Умара I – инициатора переселенческой политики – поселять арабских переселенцев не в больших городах, а изолированно в специально создававшихся городах-гарнизонах (рабатах), становится понятным [14, с. 31; 16, с. 60]. Арабская родоплеменная организация предохраняла этот народ от смешения с покоренным населением [11, с. 50], ибо численное превосходство последних могло «растворить» арабов в своей массе. Как утверждает А.К.С. Ламбтон, мусульмане-арабы всегда оставались обособленными. Хотя немусульманские сообщества и могли географически совпадать с *дар уль-ислам*, но они никогда не были ассимилированы. В частности, на территориях бывшей Сасанидской империи вскоре после установления арабского господства возникла дихото-

мья между арабами и *аджам*, которая превзошла даже разграничение между мусульманами и немусульманами [30, с. 5–6]. Кроме того, согласно Х. Кеннеди, изоляция мусульманских гарнизонов препятствовала влиянию местных верований на недавно обращенных мусульман [29, с. 68]. Таким образом, как отмечает К. Армстронг, города-гарнизоны превратились в арабские анклавные территории на чужой земле, где были сохранены арабские традиции и придерживались коранические принципы [14, с. 31]. Так, согласно М. Ходжсону, арабизм был сохранен в «новой форме» [28, с. 245].

Более того, арабские переселенцы обеспечивались землями нередко за счет насильственной экспроприации земельных владений местного населения. Данный факт подтверждает Э. Даниель, отмечая, что помимо «официальной» формы колонизации существовала и несанкционированная. Так, малоземельные арабские племена с особым рвением переселялись в Азербайджан в надежде приобрести земельную собственность [21, с. 212]. По свидетельству ал-Балазури, «когда арабы поселились в Азербайджане, их родственники устремились к ним из Куфы, Басры и Сирии. Каждый из них захватил <земли> столько, сколько он смог, часть из них купили у неарабов их земли, деревни вступили в покровительство этих арабов с тем, чтобы они их защищали, и жители этих деревень стали издольщиками арабов» [12, с. 103–104]. В дальнейшем результатом приобретения земельной собственности и перехода земель местного населения в руки арабов Э. Даниэль считает появление фактически автономных малых династий, основанных арабскими колонистами, к примеру, Раввадом ал-Азди в Тебризе, Абу Дулафом ал-Шайбани в Нахчиване, Баитом ибн Халбасом ал-Рабаи в Маранде [21, с. 212].

Наряду с укреплением власти халифата в данном регионе, защитой границ, подавлением возможных выступлений местного населения против халифата, обеспечением сбора налогов [3, с. 174] одной из целей переселения арабских племен на новые территории было распространение ислама, ибо отличительной его особенностью было то, что «...ислам первоначально не знал индивидуального миссионерства и распространялся только путем завоеваний; границы мусульманских завоеваний совпадали с границами распространения ислама» [1, с. 45]. Известно, что, поселив арабов в Азербайджане, ал-Аш'ас ибн Кайс приказал им призывать жителей к исламу [12, с. 103; 39, с. 122–123]. С целью исламизации покоренных народов в каждом городе-гарнизоне создавались мечети. К примеру, в одном лишь Дербенте для переселенцев было сооружено семь кварталных мечетей и одна соборная Джума-мечеть [7]. Центрами новой религии становились в первую очередь те области,

в которых размещались арабские гарнизоны. Так, наряду с переселением началась и исламизация Азербайджана [19, с. 226].

Следует отметить, что арабы сыграли значительную роль в процессе этногенеза азербайджанского народа. Вплоть до сегодняшнего дня на территории Азербайджана сохранились населенные пункты, в которых еще со времен переселенческой политики Арабского халифата осели арабские племена. Однако возникает вопрос: почему же переселение не повлекло за собой дальнейшей арабизации населения Азербайджана? Фундаментальное изучение особенностей процесса формирования азербайджанского народа Г. Гейбуллаевым дает внятный ответ на данный вопрос. По его мнению, темп ассимиляции определяется количественным соотношением и религиозной принадлежностью ассимилирующих и ассимилируемых, утрачиванием родного языка ассимилируемых [6, с. 378–379]. На востоке халифата, в частности, на территориях, ранее подвластных Сасанидам*, местные народы сумели сохранить свою этническую самобытность. В Азербайджане процесс ассимиляции также не привел к арабизации местного населения. По всей видимости, той силы, с которой происходили процессы аккультурации и конвергенции, не было достаточно для последующей ассимиляции арабами местного населения. Во-первых, одной из основных причин этого было то, что по отношению к аборигенному населению исторического Азербайджана арабов в количественном соотношении было значительно меньше, и они были неравномерно рассеяны по всей территории Азербайджана. Согласно Э. Даниэлю, исключением в этом отношении был Дербент [21, с. 212]. Однако Д.М. Данлоп отрицает тот факт, что Дербент являлся «арабским городом», только исходя из одного его названия [23, с. 835]. Во-вторых, хотя после реформ халифа Абд ал-Малика во всех провинциях халифата, в том числе и в Адурбадагане с Арраном, канцелярским языком был арабский, со временем ставший среди различных этнических общностей халифата *lingua franca* [8, с. 14], источники свидетельствуют об использовании в IX–X вв. в Арране арранского (албанского) языка [2, с. 178; 9, с. 29; 10, с. 372; 38, с. 107].

Отметим, что в целом этнический состав Азербайджана был довольно пестрым. В момент арабского завоевания в Арране говорили на аррани, а в Азербайджане – на азери. Помимо указанных двух языков широко использовался и фарси. Академик Н. Велиханлы, ссылаясь на арабские источники, сообщает о многочисленных местных языках, используемых среди горного населения Аррана и Азербайджана. Так, в горах Кавказа говорили на 360 языках, каждое

* В период завоевания арабами земель Сасанидской империи Адурбадаган и Арран входили в состав последней.

село использовало свой собственный язык, в горных же селениях Ардебиля говорили на 60 языках [5, с. 48; 32, с. 190]. Согласно Истахри, недалеко от Баб-ал-Абваба жило более 70 племен, каждое из которых имело свой язык [9, с. 13]. Следовательно, арабскому языку изначально не было суждено «выжить» среди населения, принадлежащего к различным этно-лингвистическим группам. В-третьих, даже несмотря на то, что арабы в 703 г. ликвидировали самостоятельность албанской диофизитской церкви, подчинив ее армянской монофизитской церкви* [26, с. 660], и то, что к середине VIII в. ислам значительно укрепился в Албании, он так и не сумел полностью вытеснить ни христианство, ни зороастризм. Исследователи А. Триттон и Т. Арнольд отмечают, что даже по прошествии трех веков после арабского завоевания в Азербайджане и Арране, в основном в сельских и горных местностях [2, с. 90; 28, с. 308], сохранилось большое количество храмов огня [15, с. 179; 37, с. 44]. Академик Н. Велиханлы свидетельствует о сохранении обрядов огнепоклонства в горных селах Дербента даже спустя пять сотен лет с момента распространения ислама в историческом Азербайджане [40, с. 52–54]. Следовательно, утверждение Балазури о том, что при халифе Али (656–661) большинство населения Ардебиля приняло ислам и читало Коран [12, с. 103], кажется сомнительным, особенно учитывая столь короткий промежуток времени. Христианство в Албании также не утратило своего влияния даже в X в. [1, с. 142; 10, с. 372], что свидетельствует о том, что в Албании процесс исламизации был еще более затяжным, чем в Южном Азербайджане.

В результате процесс арабизации азербайджанского народа так и не состоялся. Наоборот, сами пришлые арабы ввиду вышеуказанных причин подверглись азербайджанизации. Возможно, это произошло по причине культурной отсталости арабов, а также «закрытого» образа жизни арабских переселенцев, размещенных в отдельных лагерях, недоступных для аборигенного населения. Так, арабы сохранили в лагерях этническую и социокультурную самобытность в «изолированном» состоянии, неудивительно, что даже новообращенные мусульмане, несмотря на коранические принципы равенства всех мусульман независимо от происхождения, не были «ровней» мусульманам-арабам. Сохранялся строгий социальный барьер между арабами и неарабами, по крайней мере, до «революционных» изменений второго века хиджры; не поощрялись браки арабов с неарабами [31, с. 57].

Так, уже к концу X в. Равваиды, потомки переселенного в Азербайджан арабского рода Азди, подверглись «курдизации» [19,

* Этот шаг был направлен на подрыв влияния Византии в Закавказье.

с. 227; 20, с. 469; 29, с. 256; 32, с. 190; 34, с. 499]. Х. Кеннеди утверждает, что уже к X в. нет сообщений об арабах, некогда заселивших Марагу и Тебриз [29, с. 253]. К. Босворт указывает на иранизацию Ширваншахов Йазидидов в Ширване [20, с. 469]. Однако позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, ибо исторически на территории Азербайджана преобладали тюркские племена [подробнее см.: 6], и к IX–X вв., в период ослабления халифата в Ширване, главную роль стали играть именно тюркские племена, разговорный язык которых в дальнейшем составил основу азербайджанского языка [13, с. 49, 51]. При этом, конечно, не стоит отрицать и сильного влияния здесь иранских племен. Следовательно, мнение В. Минорского о том, что тюркизация Азербайджана началась лишь с приходом огузов в XI в. [32, с. 190; 33, с. 504] необоснованно. Более того, арабский источник свидетельствует, что уже ко времени арабского завоевания Азербайджан был тюркской землей [38, с. 57]. Не исключено, что начавшийся процесс сближения между арабами и населением Азербайджана и Аррана был приостановлен вторжением Сельджуков и монголов [2, с. 178; 8, с. 16], повлекшим за собой дальнейшую тюркизацию указанных провинций халифата [23, с. 836; 26, с. 660].

Уже к XIV в. арабы были ассимилированы преобладающим в Азербайджане тюркоязычным населением, а частично и татами на северо-востоке [6, с. 402]. По сообщению М.Г. Велиева (Бахарлы), к середине XX в. родным языком арабских переселенцев считался тюркский с примесью арабских элементов [4, с. 46]. Свидетельством сохранения арабами своей этнической самобытности являлись многочисленные населенные пункты в Азербайджане, в названиях которых присутствует этноним «араб», а также занятие верблюдоводством, свойственное жителям пустыни и чуждое коренному населению Азербайджана до переселения сюда арабов [4, с. 46; 6, с. 403].

Таким образом, в результате арабских завоеваний и последовавшим за ними процессом переселения арабских племен Азербайджан стал непосредственной частью арабо-мусульманской культуры, определившей путь дальнейшего развития азербайджанского народа. Со временем ислам – олицетворение арабской власти – стал не только религией, но и образом жизни. Многовековое арабское господство, даже если процесс переселения арабских племен в Азербайджан и не привел к ассимиляции местного населения, отразилось на социально-экономической, идеологической и культурной сферах, на хозяйственной структуре общества.

Список литературы

1. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. – Баку, 1924.
2. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. – Баку, 1965.
3. Буниятов З.М. Из истории Кавказской Албании VII–VIII вв. // Вопросы истории Кавказской Албании: сб. ст. / ред. И. Алиев. – Баку, 1962. – С. 149–180.
4. Велиев (Бахарлы) М.Г. Азербайджан: физико-географический, этнографический и экономический очерк. – Баку, 1921.
5. Велиханова Н.М. Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания // Историческая география Азербайджана / гл. ред. З.М. Буниятов. – Баку, 1987. – С. 46–87.
6. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев (историко-этнографическое исследование). – Т. I. – Баку, 1991.
7. Дербенд-наме. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/VI/Dag_chron/Derbend_name/frametext.htm
8. Жузе П.К. Арабские племена в Закавказье // НАИИ АН АзССР. Инв. № 507.
9. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий // СМОМПК. – Вып. 29. – Тифлис, 1901. – С. 1–73.
10. Крымский А. Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки // Памяти академика Н.Я. Марра (1864–1934). – М.; Л., 1938. – С. 369–384.
11. Фильштинский И.М. Халифат под властью династии Омейядов (661–750). – М., 2005.
12. Хрестоматия по истории халифата / сост. и пер. Л.И. Надирадзе. – М., 1968.
13. Шарифли М.Х. Феодалные государства Азербайджана второй половины IX–XI веков. – Баку, 2012.
14. Armstrong K. Islam: A Short History. – New York, 2002.
15. Arnold T.W. The preaching of Islam. A History of the Propagation of the Muslim Faith. – Westminster, 1896.
16. Bonner M. Jihad in Islamic History. Doctrines and Practice. – Princeton, Oxford, 2006.
17. Bosworth C.E. Ardabil. I. History of Ardabil // Encyclopaedia Iranica. V. II, fasc. 2 / Ed. By Ehsan Yarshater. – London & etc., 1986. – P. 358–360.
18. Bosworth C.E. Arran // The Encyclopaedia of Islam. New edition. V. IV / Ed. by E. Yarshater. Vol. II, fasc. 5. – Leiden, 1997. – P. 520–522.
19. Bosworth C.E. Azerbaijan. IV. Islamic History to 1941 // Encyclopaedia Iranica / Ed. By Ehsan Yarshater. V. III, fasc. 3. – London, New York, 1988. – P. 224–231.
20. Bosworth C.E. Rawwadids // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. V. VIII / Ed. by C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs, G. Lecomte. – Leiden, 1995. – P. 469–470.
21. Daniel E.L. Arab. III. Arab Settlements in Iran // Encyclopaedia Iranica / Ed. By Ehsan Yarshater. V. II, fasc. 2. – London & etc., 1986. – P. 210–214.
22. Donner F.G. The Early Islamic Conquests. – Princeton, New Jersey, 1981.
23. Dunlop D.M. Bab al-Abwab // The Encyclopaedia of Islam. New edition. V. I / Ed. by H.A.R. Gibb, J.H. Kramers, E. Levi-Provençal, J. Schacht, B. Lewis, Ch. Pellat. – Leiden, 1986. – P. 835–836.

24. Dunlop D.M. Bardha'a // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. V. I / Ed. by H.A.R. Gibb, J.H. Kramers, E. Levi-Provençal, J. Schacht, B. Lewis, Ch. Pellat. – Leiden, 1986. – P. 1040–1041.
25. Frye R.N. Ardabil // The Encyclopaedia of Islam. New edition. V. I / Ed. by H.A.R. Gibb, J.H. Kramers, E. Levi-Provençal, J. Schacht, B. Lewis, Ch. Pellat. – Leiden, 1986. – P. 625–626.
26. Frye R.N. Arran // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. V. I / Ed. by H.A.R. Gibb, J.H. Kramers, E. Levi-Provençal, J. Schacht, B. Lewis, Ch. Pellat. – Leiden, 1986. – P. 660–661.
27. Hawting G.R. The First Dynasty of Islam. The Umayyad Caliphate AD 661-750. 2nd edition. – London, 2000.
28. Hodgson M.G.S. The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization. V. I. – Chicago & London, 1977.
29. Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphates. 2nd edition. – London, 2004.
30. Lambton A.K.S. Islamic Society in Persia. – London, 1954.
31. Lewis B. The Middle East. 2000 Years of History from the Rise of Christianity to the Present Days. – London, 1995.
32. Minorsky V. Adharbaydjan // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. V. I / Ed. by H.A.R. Gibb, J.H. Kramers, E. Levi-Provençal, J. Schacht, B. Lewis, Ch. Pellat. – Leiden, 1986. P. 188–191.
33. Minorsky V. Caucasia IV // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. V. XV. № 3/ 1953. – P. 504–529.
34. Minorsky V. Maragha // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. V. VI / Ed. by C.E. Bosworth, E. van Donzel, B. Lewis, Ch. Pellat. – Leiden, 1991. – P. 498–503.
35. Morony M. Arab. II. Arab Conquest of Iran // The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. II, fasc. 2 / Ed. by E. Yarshater. – London, 1986. – P. 203–210.
36. The Cambridge History of Iran. V. IV / Ed. by R.N. Frye. – Cambridge, 2010.
37. Tritton A.S. The Caliphs and Their Non-Muslim Subjects. A Critical Study of the Covenant of 'Umar. – London, 1930.
38. Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar / Redaktor: S.Əliyərli. – Bakı, 2007.
39. Orta əsr ərəb mənbələrində Azərbaycan tarixinə aid materiallar / Məsul redaktor: F.Əsədov. – Bakı, 2005.
40. Vəlixanlı N. Ərəb Xilafəti və Azərbaycan. – Bakı, 1993.

Хотано-караханидская война

В статье рассмотрены проблемы истории Хотано-караханидской войны, ознаменовавшей собой последний этап существования Хотанского государства и его буддийской культуры. В ходе этой войны Хотан длительное время достаточно эффективно противостоял мусульманскому Караханидскому каганату, однако в результате был захвачен и исламизирован Караханидами. Ход и результаты Хотано-караханидской войны на многие столетия вперед определили религиозно-политическую ситуацию в Центральной Азии.

The article is dedicated to the problems of history of Khotan-Karakhanid War, which marked the final period of existence of Khotan State and its Buddhist culture. During the war Khotan for a long time relatively effectively opposed Muslim Karakhanid Khanate, but finally was conquered and Islamized by the Karakhanids. The events and the results of Khotan-Karakhanid War defined the politic and religious situation in the Central Asia centuries ahead.

Ключевые слова: Хотан, Караханиды, религиозные войны, ислам, буддизм, история уйгуров.

Key words: Khotan, Karakhanid, religious war, Islam, Buddhism, history of Uyghurs.

На рубеже X–XI вв. н. э. произошло событие, которое во многом определило сегодняшний политический и религиозный ландшафт Центральной Азии. Это событие – Хотано-караханидская война – было, без преувеличения, одним из важнейших в истории региона. В этой войне в решающем противостоянии столкнулись силы буддизма и ислама, в результате чего закончилась эпоха более чем тысячелетнего доминирования буддизма в Центральной Азии, а ислам распространился по всему региону.

К сожалению, Хотано-караханидская война до сих пор остается малоизвестной даже в профессиональном сообществе специалистов по Центральной Азии. Например, в монографии Б.Д. Кочнева «Нумизматическая история Караханидского каганата», подробно и на высочайшем научном уровне повествующей о других проблемах истории Караханидов, Хотано-караханидская война только упоминается [6, с. 174].

В этом нет вины исследователей. Дело в том, что в результате войны Хотанское государство погибло вместе со всей его культурой, а у Караханидов собственная историографическая традиция, скорее всего, отсутствовала. Во всяком случае, до нас она почти не дошла.

Все сведения о Караханидах, известные современным историкам, содержатся в трудах арабских и персидских авторов, писавших за пределами каганата. Единственный дошедший до нас труд собственно караханидского историка «Тарих-и Кашгар» представлен лишь с небольшими отрывками в «ал-Мулхакат би-с-сурах» Джамаля Карши [5, с. 101–108].

Е.Э. Бертельс предположил, что в условиях феодальной раздробленности и постоянных междоусобиц ни одна из ветвей династии Караханидов не могла удерживать верховную власть настолько долго, чтобы позволить себе написание истории династии. Зато у Караханидов была очень развита придворная поэзия, и, как писал Низами Арузи: «Имена шахов [из] Дома хакана (Караханидов) сохранились [благодаря поэтам] Лулуи, Гулаби, Амаку Бухари, Рашиди Самарканди, Наджжару Сагарджи, Али Баниди, Али Сипихри, Джаухари и Али Шатранджи» [3, с. 456–458].

Развитая поэзия эпохи Караханидов породила такие сокровища тюркской литературы, как знаменитые «Кутадгу билиг» [10] и «Диван Лугат ат-Турк» [7], являющиеся важными источниками по истории Караханидов вообще, и по Хотано-караханидской войне в частности. К сожалению, оба произведения написаны через значительный промежуток времени после Хотано-караханидской войны, и из них можно извлечь лишь фрагментарные сведения о ней.

В то же время общее развитие караханидской литературы стимулировало устную традицию фиксации исторического знания. Возникли предания о героической борьбе мусульманских правителей против «неверных», такие как «Легенда о Сатуке Бугра-хане» [13]. Эти предания часто сохранялись вокруг мест погребения (мазаров) их героев, таких как Сатук Бугра-хан, Али ибн Муса Арслан-хан, Юсуф ибн Хасан Кадыр-хан. В XIX – начале XX в. европейские путешественники, посещавшие мазары, частично фиксировали многие из этих легенд. Г. Беллью писал: «Вся здешняя местность богата интересными воспоминаниями о двадцатипятилетних войнах, отчеты о которых сохраняются у хранителей различных гробниц, которыми увековечена святая для мусульман память благородных мучеников за веру. Половина их заняла бы целый том» [2, с. 279].

Ситуация накануне Хотано-караханидской войны выглядела следующим образом. Хотан, ставший одним из важнейших центров буддизма в регионе еще в начале новой эры, обладал огромным влиянием во всей Таримской впадине и далеко за ее пределами. Используя внешние силы китайских империй, хуннов, тюрков и тибетцев, он издревле боролся с другими государствами-оазисами, такими как Куча, Гаочан и Кашгар, за политическое и экономическое преобладание в регионе. Основу его могущества составляли контроль над южным трактом Великого шелкового пути, богатейшие

месторождения нефрита и успешно развивавшаяся на протяжении около тысячи лет буддийская культура. Хотанские правители официально пользовались титулами «царь царей» и «чакравартин» [4, с. 45], что говорит о восприятии ими себя универсальными монархами и защитниками буддизма по всему миру.

Кашгар был историческим центром и наиболее крупным городом Караханидского каганата. Он занимал важное положение на единственном участке Великого шелкового пути, непосредственно соединявшем Таримскую впадину с Ферганской долиной. Правители Кашгара еще до Караханидов вели длительную борьбу с Хотаном, но, как и хотанцы, исповедовали буддизм. Судя по всему, в ранне-караханидскую эпоху ситуация изменилась мало. Религиозное единство способствовало культурно-экономическому, и Хотан, несомненно, имел значительное политическое и экономические влияние в Кашгаре. Принятие Караханидом Сатуком Богра-ханом в начале X в. ислама [5, с. 103], последующий государственный переворот, поставивший его во главе государства [5, с. 104], и окончательная исламизация Караханидского каганата в 960 г. [1, с. 315–316] сильно ударили по интересам Хотана. Следует полагать, что Хотано-караханидская религиозная война началась с попытки Хотана вмешаться в дела каганата и поддержать кашгарских буддистов.

Логично предположить датой начала Хотано-караханидской войны 960 или 961 г. До 960 г. в Караханидском каганате продолжалась борьба исламской и буддийской партий, закончившаяся принятием ислама в качестве государственной религии. А уже в 962 г. ко двору китайской империи Сун прибыло хотанское посольство с богатыми дарами [14, 14106页]. Хотанские послы повторно прибыли ко двору Сун в 963 г. В 969 г. вновь прибывшие из Хотана послы предлагали Сунскому двору отправить послов в их страну, чтобы получить в дар глыбу нефрита весом в 237 цзиней (около 119 кг) [14, 14107页].

Хотанских послов в первом случае представлял манихейский учитель, а в последующих – буддийские монахи [14, 14106页, 14107页]. Очевидно, что таким образом Хотан в борьбе с Караханидами стремился заручиться поддержкой Сунского Китая. В этом им, вероятно, способствовал Уйгурский Каганат в Ганьсу, о чем говорит присутствие манихея в посольстве. Возможно, ганьсуйские манихеи (уйгуры или согдийцы) на начальном этапе выступили посредниками в установлении дипломатических связей между империей Сун и Хотаном.

В 971 г. хотанское посольство известило Сунский двор о победе их страны над «Кашгаром», а также о том, что хотанцы взяли тро-

феем «танцующего слона» и преподносят его китайскому императору [14, 14107页]. В Дуньхуане найден документ на хотано-сакском языке, повествующий о деталях этого события. Этот документ представляет собой письмо хотанского раджи Виши Шуры (правил в 967–977 гг.) давану (кит. «великий князь») Шачжоу (Дуньхуана). Имя давана в документе отсутствует, но, вероятно, речь идет о Цао Юаньчжуне (правил в 945–974 гг.) [11, р. 2].

В письме раджа обращается к давану «брат моей матери». Сестра Цао Юаньчжуна, дочь основателя династии Цао Ицзиня была супругой Виша Самбхавы (правил в 912–966 гг.) и матерью Виша Шуры. Раджа рассказывает давану, что он повел войско на Кашгар, люди которого «с надеждой смотрели» на Хотан, и захватил там «чудесные вещи, жен, детей, слона и коней» врага. «Таджики» («таджиками» в Центральной Азии тогда называли мусульман) перекрыли дорогу, чтобы нарушить пути снабжения, но потерпели поражение от хотанских войск. Он просит давана «не иметь недовольства в сердце» тем, что он пытается установить отношения с «сильным Китаем» и отправляет туда богатые подарки, пренебрегая отправлением подарков для давана. Он объясняет свою политику тем, что на захваченных у «таджиков» территориях «поддержание порядка» обходится очень дорого. Он просит давана одобрить захват им Кашгара и обещает за это богатые дары [11, р. 17–20].

Последнее особенно интересно. Семья Цао имела большое влияние во многих государствах Центральной Азии. Несмотря на формальное подчинение уйгурам Ганьчжоу, правители Дуньхуана общались с ними практически на равных. Ганьчжоужские уйгуры были в тесном союзе с уйгурами Гаочана. Кроме того, у самой семьи Цао тоже были хорошие связи в Гаочан-Уйгурском государстве. Несомненно, Гаочан-Уйгурское государство могло претендовать на захваченные Хотаном территории, что подтверждается сообщениями сунского посла Ван Яньдэ о его границах: «его территория на юге граничит с Хотаном, на юго-западе с арабами и Персией, а на западе с индийским [городом] Пурушапура» [14, 14111页], а также «под управлением государства Гаочан находились многочисленные племена: южные и северные туцзюэ, большие и малые чигили, ягма, карлуки, кыргызы, барман, геты, урунгу» [14, 14112页]. Таким образом, по сведениям Ван Яньдэ, государство Гаочанских уйгуров охватывало Западную Монголию, часть Южной Сибири, Джунгарию, Семиречье, окрестности оз. Иссык-Куль, западную часть Таримской впадины, часть бассейна Амударьи и Сырдарьи, а Караханидского каганата не существует вообще. Эти сведения носят явно фанта-

стический характер и могли быть получены китайским послом только от самих уйгуров. Поэтому они отражают не реальные границы государства, а, скорее всего, его территориальные претензии. Поскольку такие претензии существовали, Цао Юаньчжун, санкционировав захват хотанцами Кашгара, мог предотвратить возможный территориальный конфликт с Гаочаном.

Хотанцы захватили и контролировали Кашгар некоторый период времени. Этот период не мог быть долгим, уже в 90-е гг. X в. Караханиды определенно снова правили в Кашгаре. Возвращение Караханидов в Кашгар, возможно, описывается в следующих отрывках из «Легенды о Сатуке Бугра-хане»: «Падишахи Святой Хасан Бугра-хан Гази, Святой Исан Бугра-хан Гази, Святой Юсуф Кадыр-хан Гази вышли на поле битвы. Убивая неверных, они заставляли их кровь течь, как река Джейхун; они рубили их на части и захватывали их имущество... Преследуя их, падишахи достигли места под названием Кукяр. Там они сражались семь дней и ночей. Многие мусульмане стали мучениками... Неверные, сражаясь по дороге, отступили в город Китая» [13, р. 99], «...Эти падишахи, Султан Хасан Бугра-хан Гази, Исан Бугра-хан Гази, Хусайн Бугра-хан Гази и Юсуф Кадыр-хан правили на троне независимости 12 лет. В их времена, когда они слышали, что кто-то не носит тюрбан, ему в голову вбивали железный гвоздь. Земледелие расцвело так, что за чарак (около 7 кг) зерна давали один пул (самая мелкая монета)» [13, р. 101].

Из персонажей «Легенды о Сатуке Бугра-хане» в данном случае историческими являются Хасан (Харун) ибн Сулайман Бугра-хан и его сын Юсуф ибн Хасан (Харун) Кадыр-хан, все остальные, скорее всего, вымышлены. О Хасане Бугра-хан и Юсуфе Кадыр-хане повествует еще один отрывок: «Святой Юсуф Кадыр-хан Гази и Святой Хасан Бугра-хан Гази пришли в город Яркенд и поселились в нем. Они убедили людей обратиться в ислам... Они отдавали все бедным. Ради этих людей падишахи молились о благословении... Говорят, что благодаря этой молитве город Яркенд никогда не будет разрушен» [13, р. 100]. Вероятно, рассказ «Легенды о Сатуке Бугра-хане» в данном случае в общих чертах соответствует действительности. Хасан Бугра-хан и Юсуф Кадыр-хан могли вместе жить в Яркенде именно после изгнания хотанцев, когда старший двоюродный брат Хасана, верховный хан Али ибн Муса Арслан-хан, владел Кашгаром.

Одновременно с войной на востоке против Хотана Караханиды вели непрекращающуюся борьбу против Саманидского Эмирата на западе. Об этом «Легенда о Сатуке Бугра-хане» также сообщает интересные сведения: «.. сто человек во главе со своими вождями явились как послы из Туркестана... Ходжа Абдулла из Туркестана и Абу Бакр из Ташкента вошли, поцеловали землю и встали... «О

Султан, Защитник Вселенной, земля Туркестана погрузилась в неверие. Мы пришли, чтобы просить твоего вмешательства». Так они обратились с прошением» [13, р. 101].

В 990 г. Хасан Бугра-хан захватил Испиджаб, лежавший на северо-восточной границе Саманидского Эмирата, а в 992 г. – столицу Саманидов Бухару. Харун ибн Сулайман закрепился в Бухаре, что ознаменовалось выпуском «победной» эмиссии дирхамов [6, с. 149], где он именовался «малик ал-Машрик Шихаб ад-давла ва-Захир ад-дава Абу Муса Турк-хакан» («царь Востока, Звезда державы, Опора призыва к вере, Абу Муса каган тюрок») [6, с. 134]. Однако уже в этом же году Харун ибн Сулайман тяжело заболел и отступил в Самарканд. Из Самарканда хан решил вернуться в Кашгар, что было, вероятно, связано не только с его болезнью, но и с тяжелым положением Караханидов в войне с Хотаном, но по дороге скончался. Таким образом, Караханиды потеряли носителя титула «бугра-хан» – второго человека в феодальной иерархии [1, с. 318–320].

Верховный хан, Арслан-хан Али, был вынужден оборонять восточные владения Караханидов своими силами. В «Легенде о Сатуке Бугра-хане» содержатся интересные сведения об этом правителе. Матерью Али Арслан-хана была Аланур-ханим (это необычное имя, вероятно, происходит от арабского «благородный свет»). В легенде она сравнивается с Девой Марией. Сообщается, что во время молитвы ей явился ангел Джабраил, после чего в ее рот попал луч света, и она потеряла сознание. Согласно другой традиции сообщается в той же «Легенде», когда Аланур-ханим выходила ночью из дома, она увидела в дверях льва, после чего также потеряла сознание. Когда через «много месяцев» в пятницу, во время сбора к молитве у нее родился сын, правитель в гневе потребовал, чтобы мудрецы выяснили, кто отец ребенка. На собрании мудрецов и знати Аланур-ханим оправдала себя [13, р. 96–97].

«Легенда о Сатуке Бугра-хане» рассказывает о том, что 30-тысячная армия вторглась «из Китая» (в мусульманских сочинениях той эпохи Хотан было принято относить к Китаю) и осадила Кашгар. Али Арслан-хан собрал 40-тысячную армию и оттеснил неприятеля к Янгисару, после чего собрал силы в 90 тыс. чел. и продолжил преследование. В месте Уртан Кара произошло сражение, в котором «кровь неверных текла, как река Джейхун», а Али Арслан-хан был неуязвим для их «мечей и секир». Предводитель «неверных» обещал тому, кто поможет победить Али Арслан-хана, столько золота, сколько будет его вес. Выполнить задание вызвался некий «старик из Уджата». Он обманом проник в войско мусульман и устроился поваром к Али Арслан-хану. Во время отдыха после битвы он спросил Али Арслан-хана о секрете его неуязвимости, и тот ответил, что в сражении никакое оружие не может поразить его, только

во время молитвы его тело «становится подобно воде» и его может пронзить «даже соломинка» [13, р. 97–98].

Во время утреннего намаза «неверные» атаковали мусульман. Мулла хотел читать 108-ю суру (3 стиха), но перепутал ее с гораздо более длинной 48-й (29 стихов). За то время, пока он читал эту суру, «неверные» убили многих из мусульман, а когда он начал читать 29-й стих, отрубили Али Арслан-хану голову. После этого «неверные» двинулись во владения Али Арслан-хана. Его слуги мужественно сопротивлялись, но были убиты. Тогда «в знак отчаяния» в битву вступила некая Мариам-ханум с несколькими служанками. Им удалось повергнуть 25 человек из войска «неверных», но они были не в силах им противостоять, тогда земля разверзлась и поглотила Мариам-ханум, а все ее служанки погибли [13, р. 98].

Г. Беллью пересказывает легенду иначе. По его словам, человеком, выдавшим секрет неуязвимости Али Арслан-хана, был несторианин [13, р. 98]. Когда Али Арслан-хан был убит, хотанцы осадили Кашгар. Во время осады они бросили голову Али Арслан-хана в стену, тогда Аланур-ханум решила отомстить за сына собственными руками. Она оставила свой дворец в Атуше и вместе со своими служанками напала на врагов. Они убили 25 «неверных», однако подавленные численностью противника были вынуждены бежать. Земля перед ними разверзлась и приняла их в свои недра, но преследователи все равно обнаружили и убили их [2, с. 249]. Таким образом, Г. Беллью отождествляет Аланур-ханум и Мариам-ханум, хотя версия «Легенды о Сатук Бугра-хане», переведенная Р. Шоу [13, р. 87–127], не дает оснований для такого отождествления. Беллью определяет знаменитый кашгарский мазар Биби Мариам (Девы Марии) именно как могилу Аланур-ханум [2, с. 249].

Али Арслан-хан аш-Шахид Абу-л-Хасан ибн Байташ Арслан-хан ибн Сатук Бугра-хан [5, с. 104] стал одним из первых мучеников-шахидов. В полном соответствии со свидетельствами «Легенды о Сатук Бугра-хане» его тело захоронено в местности Уртан-кара, а голова – в Кашгаре, оба мазара активно посещаются паломниками-уйгурами [13, р. 374]. Из сообщения «Легенды о Сатук Бугра-хане» однозначно недостоверными могут быть признаны свидетельства о чудесном рождении, неуязвимости и «ахиллесовой пяте» Али Арслан-хана. Во всех этих эпизодах явно прослеживается мифологическая основа. С другой стороны, общий ход войны Али Арслан-хана против хотанцев и его смерть в результате внезапного нападения врага во время молитвы выглядят очень правдоподобно. Интересно также сообщение о наличии в войске Караханидов «старика из Уджата» – хотанского лазутчика. По сообщениям письменных источников, Али Арслан-хан «принял мученическую смерть» в последних числах января 998 г. [5, с. 104].

После гибели Хасана Бугра-хана и Али Арслан-хана Караханидский каганат оказался фактически обезглавлен. Трон великого кагана перешел к старшему сыну Али Арслан-хана Ахмаду ибн Али. Кашгар снова оказался в руках хотанцев: «Неверные обратили людей Кашгара в свою веру, они ели мясо собак, ослов и свиней и считали нечистых змей дозволенной пищей» [13, р. 102].

Ситуация сложилась так, что все владения каганата оказались разделены между сыновьями Али Арслан-хана, а сыновья Хасана Бугра-хана остались обделены. В Семиречье правил верховный хан Ахмад ибн Али, недавно захваченный Мавераннахр достался его последнему завоевателю Насру ибн Али, их младшие братья владели более мелкими уделами в этих регионах. Старший сын Хасана Бугра-хана Юсуф Кадыр-хан, как предполагал В.В. Бартольд, не получил удела [1, с. 342–343]. Б.Д. Кочнев возражал на это: «... теперь в свете всего того, что известно о каганате, трудно представить, чтобы один из старших представителей правящего дома мог остаться без владений: какая-то часть общекараханидского достояния в принципе была «положена» каждому Караханиду, тем более одному из старших» [6, с. 134]. На наш взгляд, оба исследователя правы: с одной стороны, Юсуф Кадыр-хан должен был получить удел (его последующие владения в Таримской впадине никогда и никем не оспаривались) и он его получил, с другой стороны, он получил Кашгар, захваченный хотанцами и, вероятно, все прочие владения, которые он сможет отбить у хотанцев силами «беспокойных элементов народа» [1, с. 342–343].

«Легенда о Сатуке Бугра-хане», хотя и несколько туманно, но подтверждает эту версию: «Султан Хасан Бугра-хан сказал князю Юсуфу Кадыр-хану: "отправляйся в Мадайн, обратись к Святым Имамам, скажи, что, мы считаем, земля Кашгара впала в неверие и нуждаемся в помощи Их Святейшеств"» [13, р. 102]. Мадайн – арабское название Ктесифона-Селевкии, неизвестно, отправлялся ли Юсуф Кадыр-хан в столь долгий путь, но для борьбы с хотанцами он должен был привлечь дополнительные силы, которые можно было призвать, только объявив джихад против «неверных».

Ключевую роль в мобилизации воинов ислама должно было сыграть духовенство, и оно поддержало Юсуфа Кадыр-хана: «Падшах Юсуф Кадыр-хан уважительно стоя в Присутствии, обратился: "О, Семя Пророка Божьего! Мы прибыли из Кашгара. Земля Кашгара полностью обратилась в неверие. Если победа не будет обретена во времена таких потомков Пророка, как вы, после уже не будет победы. Если бы позволите, да будут с нами силы ислама"...». Святой Имам Наср ад-Дин сказал: «О, Предводители! Быстрее соберите войско и выступайте вместе с Его Высочеством

падишахом Юсуфом, и, если вы будете побеждены, отправьте нам весть» [13, р. 103].

«Узнав, что Его Высочество Юсуф Кадыр-хан идет из Мадайна с армией в сто тысяч человек, Джукта-рашид бежал со всеми своими силами в города Китая. Люди Кашгара вышли навстречу Святому Юсуфу Кадыр-хану в горах Андижана с подарками и драгоценностями, они прижимали полы его одежд к своим глазам и целовали ему ноги» [13, р. 104]. «Святые Имамы, увидев письмо, сказали: «О, друзья! Письмо пришло к нам из земли Кашгара. Мы намерены завоевать неверных. Нет у нас другого дела, помимо этого». Они отбыли в направлении Кашгара... Через некоторое время, поставив правителем Кашгара Юсуфа Кадыр-хана, они направились в Китай» [13, р. 105]. Юсуфу Кадыр-хану удалось собрать значительные силы, которые без особых усилий вытеснили хотанские войска из Кашгара. «Легенда о Сатуке Бугра-хане» далее повествует о войне с «неверными» уже на собственно хотанской территории.

«Легенда о Сатуке Бугра-хане» рассказывает, что имамы (Наср ад-Дин, Муин ад-Дин, Захер ад-Дин и Кауам ад-Дин) осадили некий хотанский город, в котором укрылся Джукта-рашид. Они отправили к хотанцам посланника с таким сообщением: «Те, кто явились сюда – потомки Святого Мустафы (Да благословит его Аллах и приветствует). Их Святые имена: Имам Наср ад-Дин, Имам Муин ад-Дин, Имам Захер ад-Дин и Имам Кауам ад-Дин. Они пришли из Мавараннахра, чтобы завоевать землю Кашгара, с армией в сто сорок тысяч человек... Повесьте свои луки на шеи, явитесь перед ними и станьте мусульманами, исповедующими Веру. Если они не обратятся к Вере, то, начиная с Джукта-рашида, мы убьем их всех, захватим их детей и разрушим их города». Когда неверные услышали эти слова, свет мира стал для них тьмою. Подумав, они ответили: «Мы не отвергнем нашу веру» [13, р. 105–106].

Благодаря магии «визиря» Джукта-рашида и других хотанских колдунов город, пока в нем пребывали войска хотанцев, становился невидимым каждую ночь (у Караханидов было принято атаковать врага ночью [11, с. 194]), в результате чего войска имамов не могли его взять в течение сорока лет. Наконец, войска Джукта-рашида и Никта-рашида отступили, и город был взят. Имамы начали преследование врага, но подверглись нападению во время намаза и были убиты [13, р. 106–107].

На месте гибели имамов близ селения Полур расположен мазар «Четыре имама». Устное предание, зафиксированное Н.Н. Пржевальским, удивительно точно сохранило дату обращения местных жителей в ислам – 390 год хиджры (1000 г. н. э.) [9, с. 430]. Надо сказать, что в окрестностях Хотана подавляющее большинство мазаров расположены именно в местах гибели реальных или

вымышленных шахидов. Это такие мазары, как «Султан Гул Фаризед-ата», «Джафар Садык», «Улуг-мазар», «Унчелик-ханым», «Кои мамон» [10, с. 188, 191–193]. Обилие мазаров шахидов говорит о кровопролитной и продолжительной борьбе между мусульманами и буддистами, вероятно, продолжавшейся гораздо дольше военного противостояния Караханидов и Хотана.

Так или иначе Хотан был захвачен Юсуфом Кадыр-ханом не позднее 1007 г. [1, с. 342]. «Осадив Хотан и сражаясь в течение двадцати пяти лет, он захватил землю Хотана и убил Джигалу Алхалхала из Китая... Он забрал товары и добычу из Хотана; на берегах Хан-арыка он купил Семь Деревень Тазгуна по цене мискаль золота за чарак земли и посвятил их религиозным нуждам» [13, р. 104]. В «Сунши» в разделе, повествующем о Хотане, сохранилась запись о прибытии к императорскому двору в 1009 г. посольства от правителя «Черной династии ханов» Хотана. [14, 14107頁]. Это более чем красноречиво свидетельствует о том, что Караханиды (тюркское слово «кара» означает «черный») окончательно захватили политическую власть в Хотане.

Мы видим, что Хотано-караханидская война была событием особенной важности. В ходе нее решалась судьба дальнейшего развития Центральной Азии. Караханиды сумели победить в итоге исключительно в силу благоприятного стечения обстоятельств. Победа Хотана в этой войне означала бы продолжение доминирования буддизма в Таримской впадине, которое в свою очередь привело бы к затяжному противостоянию между исламом и буддизмом в Центральной Азии. В этих условиях ислам никогда бы не занял тех позиций, которыми он сегодня обладает в Китае, а противостоянии буддизма и ислама в Евразии только бы усилилось.

В истории Хотано-караханидской войны до сих пор остается много неизвестного. Однако более тщательное изучение зачастую отрывочных свидетельств письменных источников разных стран, а также работа по исследованию событий, зафиксированных в устной традиции, и отделению в них правды от вымысла обязательно приведет к более четкому пониманию логики событий Хотано-караханидской войны. Исследование устной традиции Таримской впадины только началось, и на этом пути нас ждет множество интересных открытий.

Список литературы

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. – М., 1963. – Т. I.
2. Беллью Г.У. Кашмир и Кашгар. – СПб., 1877.
3. Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы // Бертельс Е.Э. Избр. тр. – Т. I. – М., 1960.

4. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. – М., 1992.
5. Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. – Т. I. – Алматы, 2005.
6. Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). – М., 2006.
7. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. – Алматы, 2005.
8. Пржевальский Н.Н. От Кяхты на истоки Желтой реки. – СПб., 1888.
9. Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв. – М., 2006.
10. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М., 1983.
11. Bailey H.W. Śī Viśa Śūra and the Ta-uang // Asia Major. – V. 11 part I. – 1964. – P. 1–26.
12. Bellew H.W. Kashmir and Kashghar. – L., 1875.
13. Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language. – Calcutta, 1878. – P. 87–127.
14. 宋史卷490外国六/脱脱等。 – 北京, 1985。 – 14103-14126页。

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.323) «176/196»:279.99

А. В. Апанасенок, А. В. Черныш

Путь к «царской печати»: из истории распространения скопчества в Курской губернии в XIX в.¹

В статье проанализирована история распространения скопческой секты на территории Курской губернии в XIX в. Авторы характеризуют основные особенности сообществ скопцов на региональном уровне, а также анализируют причины, побуждавшие верующих уходить из православия. В качестве примера подробно рассматривается случай оскотления, имевший место в курской арестантской роте.

The work is devoted to the history of propagation of skopcheskaya sect on the territory of Kursk region. The authors describe the main features of skoptcy's communities on the regional level and analyze the reasons which induced believers to abandon Orthodoxy. As example the case of castration in Kursk prisoner's company is considered.

Ключевые слова: сектантство, скопчество, православие, государственная вероисповедная политика, Курская губерния.

Key words: sectarianism, skopchestvo, Orthodoxy, state confessional policy, Kursk region.

Имперский период в истории России ознаменовался быстрым ростом количества последователей различных внецерковных религиозных движений. Не находя себе места в православной церкви, все более приобретающей характер государственного ведомства, многие «богоискатели» покидали ее ради других, казавшихся по настоящему «праведными» духовных сообществ. Одним из таких сообществ стала секта скопцов. Появившись в 60-е гг. XVIII в. в Орловской губернии в среде христоверов, скопчество довольно быстро распространилось в Тамбовской, Курской, Воронежской и ряде других губерний Российской империи. Это сообщество никогда не относилось к числу наиболее распространенных, однако его влияние, оригинальность вероучения и материальное благосостояние последователей часто привлекали внимание современников.

© Апанасенок А.В., Черныш А.В., 2013

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-31-01231.

Церковные деятели, чиновники, публицисты и медики в Российской империи немало спорили о природе скопчества, в большинстве случаев связывая ее с «изуверством» или психическими отклонениями членов секты [8, с. 15–36]. Не особенно отличалась от такого рода мнений оценка скопцов и в советское время: и исследователи, и представители власти, и судебные инстанции исходили из представления о невежестве людей, пополнявших собою скопческое общество и крайнем вреде скопческих идей [11, с. 245–257]. Несколько изменился взгляд на природу скопчества (на уровне научных кругов) лишь в последнее время, что связано с выходом ряда интересных монографий о мистическом сектантстве. Самая обстоятельная из них принадлежит А.А. Панченко, который полагает, что скопчество, несмотря на радикализм, – довольно естественное порождение массовой религиозной традиции, «вполне органический элемент той мозаики религиозных практик, которую непредвзятый наблюдатель видит в простонародной культуре России XVIII–XIX вв.» [8, с. 421]. Свою концепцию (серьезно аргументированную) исследователь выстраивает на основании анализа фольклора сектантов-мистиков. Очевидно, что она может быть подтверждена либо скорректирована путем обращения к конкретным историческим фактам, в том числе с использованием микроисторического подхода. В данной статье представлен анализ материалов Курской губернии, «лидировавшей» по количеству скопцов среди других российских губерний в середине XIX столетия.

История скопчества в Курском крае уходит в 1760-е гг. Его появление здесь, по свидетельству православных миссионеров XIX в., «совпадает с зарождением его на Руси вообще» [4, с. 1073]. По данным Ф.В. Ливанова, еще в 1764 г. начал распространяться слух о том, что ожидаемый сектантами Христос – Петр III, отождествляемый с личностью родоначальника русского скопчества К. Селиванова, скрывается в Курске (с особенным нетерпением появление последнего ожидалось в Курском и Фатежском уездах) [5, с. 481]. Этот факт говорит о желании многих жителей данной местности, принять «скопческую веру» в 1760-е гг.

С начала XIX в. местные власти начали предпринимать попытки установить численность сектантов, однако это оказалось делом достаточно сложным. Переход в секты верующими не афишировался, а новая конфессиональная принадлежность скрывалась, поскольку скопчество признавалось в Российской империи «вреднейшей сектой». Уличить обычно удавалось лишь тех, кто имел явные физические признаки оскпления, и то лишь случайно. Согласно такой весьма неполной статистике в 1805–1839 гг. в Курской губернии было обнаружено 102 скопца и 26 скопиц; в 1840–1859 – 111 скопцов и 23 скопицы; в 1860–1870 гг. – 283 скопца и

3 скопицы. В начале XIX в. Курская губерния по числу выявленных скопцов находилась на пятом месте в Российской империи, а в середине того же столетия – на первом [4, с. 1072]. При этом Курский статистический комитет признавал неполноту своих данных [7, с. 72].

Ориентироваться на приведенные цифры действительно нельзя, так как число «тайных» сектантов могло серьезно превосходить количество «уличенных». Например, центр скопчества в Курской губернии, с. Щелоково Корочанского уезда, вплоть до конца XIX в. по статистике считался «нормальным» православным населенным пунктом. Характеризуя эту ситуацию, священник-миссионер И. Дмитриевский в 1900 г. писал на страницах «Курских епархиальных ведомостей»: «Довольно тихо и безмятежно издавна жили щелоковские скопцы. Обстоятельства им благоприятствовали – прежний священник держался мирной политики. Он взял с них слово не умножаться количественно. А поскольку даже самые известные скопцы называют себя православными, то и число скопцов как бы и не росло. Так продолжалось 35 лет...» [4, с. 1076].

Представление о географии расселения и социальном составе мистических сектантов можно получить благодаря сохранившимся материалам из переписки курских губернаторов с Департаментом полиции МВД, в которых есть списки поставленных под полицейский надзор «опасных» сектантов-мистиков. Согласно им в 1869–1873 гг. под полицейский надзор попали 58 чел. из Белгородского, 36 из Щигровского, 16 из Обоянского, 9 из Старооскольского, 5 из Курского, 4 из Новооскольского, 3 из Корочанского уездов [2. Оп. 1. Д. 7558. Л. 4–8]. Большую часть из них (106 чел.) составляли крестьяне, меньшую (26) – мещане. При этом наибольшее количество «уличенных» в скопчестве мещан (11 чел.) проживало в то время в г. Белгороде [2. Оп. 1. Д. 7558. Л. 4–5].

Сведения об особенностях религиозных традиций и быта курских сектантов мы имеем благодаря данным православных миссионеров, в течение второй половины XIX в. посещавших «неблагополучные» в религиозном отношении населенные пункты Курской губернии. В частности, интересные сведения имеются по трем селам Корочанского уезда (Щелоково, Красное и Тетеревино), где скопцы составляли значительную часть населения.

В миссионерских записках отмечается, что сектанты вели весьма скрытную жизнь, «глубоко презирая» окружающий их мир, и в то же время внешне демонстрируя лояльность и «кротость» по отношению к властям, церкви, соседям. «Постоянное посещение богослужений, истовое крестное знамение, видимое благочестие, жертва в церковь – их неотъемлемые добродетели», – писал один из курских православных служителей [4, с. 1076]. Он же, однако, от-

мечал, что все это делается лишь для отвода глаз: «здесь и светская, и церковная власть равно воспринимаются в качестве «антихристовых слуг» и «безбожных иудеев», а посещение православного храма допускается лишь «ради страха иудейского» – из боязни быть обнаруженными властями». Среди своих одноверцев скопцы жили по-другому. Определяющую роль в этой, «другой», жизни играла община, называвшаяся «кораблем». Во главе каждого «корабля» стоял свой «кормщик» (он же – учитель и пророк). Этот человек считался блюстителем веры и нравственности, неограниченным управителем в своем «корабле», так как в нем, по представлениям сектантов, жил «Дух Святой». Кроме того, в каждой общине имелась и «кормщица» («богородица»). Она рассматривалась как «мать корабля», принимавшая в него новых членов, вместе с кормщиком разделявшая труд управления и руководившая религиозными собраниями.

Общины скопцов были автономными, т. е. не зависели от какого-либо центрального духовного органа. Тем не менее из их среды периодически выдвигались люди, которые, благодаря харизматическим свойствам приобретали высокий авторитет и могли оказывать влияние на религиозную жизнь христоверов и скопцов на территории нескольких губерний. Так, сохранилась переписка курского и таврического губернаторов за 1864–1868 гг. по делу о проживании в г. Белгороде «некоей Акулины Ивановны, признаваемой за Царицу Небесную». Как следует из писем, в 1860-е гг. в Бердянском уезде Таврической губернии была открыта «скопческая секта значительного размера», представители которой почитали «Богородицу», проживающую в г. Белгороде Курской губернии [2. Оп. 1. Д. 711. Л. 2–4].

Современниками часто отмечалась хорошая материальная обеспеченность сектантских общин Курской губернии, особенно скопческих. «Где скопчество, там и материальный достаток, там откуда-то идут таинственные субсидии, вот почему со скопчеством бороться труднее, чем с какой-либо другой сектой», – находим в миссионерских записках [4, с. 1076].

Как же происходило обращение в скопцы, чем руководствовались верующие, вступавшие в секту? На этот вопрос помогают ответить материалы судебных инстанций, разбиравших дела о «сращениях» православных. В частности, весьма интересно дело о переходе в скопчество заключенного арестантской роты С.А. Канунникова.

Судя по материалам дела, Сергей Канунников был «обычным» крестьянином среднего возраста, не замеченным до своего попадания в арестантскую роту в интенсивных духовных исканиях. К скопчеству отношения не имел – об этом говорит хотя бы тот факт, что

Канунников имел склонность к пьянству. Скопцы же, как известно, категорически не признавали спиртных напитков, равно как и старались не есть мяса, не участвовать в увеселениях, что абсолютно противоречило поведению арестанта. Согласно же показаниям его жены, Сергей часто находился в состоянии алкогольного опьянения, в результате чего у него случалось «ненормальное поведение» (мог дебоширить, ходить по улице голым и т. п.) [3. Оп. 1. Д. 132. Л. 112]. В арестантскую роту С.А. Канунников попал по подозрению в краже. Именно здесь ему было суждено переосмыслить свою жизнь.

Согласно рапорту командира арестантской роты, в два часа ночи 13 ноября ему было доложено о том, что заключенный Сергей Антонов Канунников в своей камере совершил оскотление путем «отсечения себе ядер бритвою» [3. Оп. 1. Д. 132. Л. 3]. Первоначально на вопрос командира Курской арестантской роты о причинах оскотления Канунников отвечал, что «ядра сильно чесались», однако впоследствии изменил свои показания, указав на то, что совершил это «по научению скопца Прокофия» из Щигровского уезда Курской губернии, с которым он некоторое время содержался в Курском тюремном замке [3. Оп. 1. Д. 132. Л. 5]. Что же в действительности могло послужить главным мотивом его самооскотления?

Согласно учению христоверов, из которого скопчество переняло большую часть ритуалистики и идеологии, условия «при которых человек может достигнуть таинственного воскресения, состоят: а) в самоотвержении, преданности и уничтожении, б) в погребении самого себя и в) в умерщвлении плоти» [6]. Что касается самого скопчества, то ключевая роль в нем принадлежала именно умерщвлению плоти, как способу борьбы с «грешной природой» человека. Иными словами, хлыстовской дуализм человеческой природы, подразумевающий, что «дух есть начало доброе, чистое, непорочное», в скопческом учении трансформируется и приобретает гипертрофированные формы, что в свою очередь выражается в отождествлении тела с чем-то злым, созданным дьяволом, а заботы о нем со «служением Адамовому греху, угождением сатане» [10, с. 3].

Несмотря на то, что оскотление не являлось обязательным условием принадлежности к секте и далеко не все члены скопческих общин были оскотлены, тем не менее те адепты, кто «принял на себя оскотление», среди сектантов почитались за «пророка или апостола и святого, а совершенно оскотленный, т. е. у коего вовсе детородные члены отняты, почитался за главного сектатора или спасителя» [1, с. 10]. В соответствие с этим «апостолы» и «спасители» воспринимались как абсолютно освобожденные от плотских грехов. Иными словами, член скопческой общины, добровольно решившийся на оскотление, мог надеяться на прощение всех грехов, совершенных ранее, и «очищение духа», превращение «в шести-

крылого Ангела». Это обстоятельство, вероятно, выглядело весьма привлекательным в глазах человека, обвиненного в преступлении и вынужденного переосмыслить свою прежнюю «грешную» жизнь.

Стоит отметить, что случай, произошедший в курской арестантской роте, имел аналогии. Так, в докладе Н. Боженова «О возникновении, распространении и мерах борьбы со скопческой сектой» упоминается аналогичный случай свмооскопления в тюремном замке крестьянина Бирюкова. Однако в отличие от случая, произошедшего в Курской губернии, Бирюков был заключен в тюремный замок уже по подозрению в принадлежности к скопческой секте, в то время как курский арестант выбрал путь скопца, уже находясь под стражей [9. Оп. 1. Д. 286. Л. 18].

«Скопческую веру» Сергей Антонов Канунников перенял от Прокофия Дмитрова, который уже ранее отбывал ссылку в Сибири за оскотление [3. Оп. 1. Д. 132. Л. 6]. Именно от Дмитрова Канунников узнал об особенностях вероучения, а также месте операции оскотления в обрядовой практике скопцов. Методы пропаганды скопческого учения, подкрепленные приведением цитат из Священного Писания, оказались весьма эффективными в условиях заключения, о чем свидетельствует тот небольшой промежуток времени, который понадобился для того, чтобы привлечь в секту Сергея Канунникова. Вероятно, до заключения Канунников уже что-то слышал о скопчестве и не считал принадлежность к нему пороком. После оскотления в соответствии с идеологией скопчества арестант всячески скрывал свою принадлежность к секте, утверждая, что совершил «отсечение ядер, потому что они сильно чесались». Впоследствии, при опросе сокамерников, выяснилось, что он неоднократно в разговорах упоминал о «своей вере» [3. Оп. 1. Д. 132. Л. 7–10]. Еще позже на допросе Сергей признался, что «отрезать ядра» научил его Прокофий в тюремном замке. Он также дал ему бритву, которой и было совершено оскотление [3. Оп. 1. Д. 132. Л. 21].

Признание это вряд ли было вызвано «раскаянием» – скорее оно базировалось на прагматичном расчете. История скопческих процессов свидетельствует, что довольно часто новооскопленные вину за свое оскотление возлагали на тех, кто уже ранее был осужден за это преступление или в данный момент находился под стражей из-за подозрения в принадлежности к скопческой секте. Согласно действовавшему закону оскотленный не признавался виновным в принадлежности к «скопческой ереси», если он выдаст своих оскотителей [9. Оп. 1. Д. 286. Л. 25]. Поскольку между общинами скопцов существовали развитые каналы коммуникации, то весть о том, что кто-либо из членов секты находится под следствием или сам изъявил желание взять на себя вину за оскотление других, весьма быстро достигала других общин, а такая жертва во имя

своих «братьев и сестер» воспринималась среди сектантов-мистиков с восторгом, в то время как человек, жертвующий собой, возводился в ранг святого мученика, пострадавшего за «истинную веру», что, в свою очередь, давало возможность тем, кто был оскроплен недавно, заявить на допросе о насильственном оскроплении указанным лицом.

Аналогичным приемом воспользовался и Сергей Антонов Канунников, обвинив в своем оскроплении сектанта Прокофия Дмитриева Дмитрова, крестьянина Щигровского уезда, который якобы опаивал его несколько раз «чем-то, что подсыпал в чай», и велел совершить самооскропление, дав для этого бритву. И это, вероятно, могло бы дать возможность Канунникову быть оправданным на суде, если бы не принятое им чуть больше, чем через полгода, повторное оскропление, так называемая «царская печать», которое он совершил уже, вновь оказавшись в Курском тюремном замке.

Несмотря на попытки Сергея Канунникова объяснить свое поведение состоявшимся припадком, гневом на зрителей, он был подвергнут суду по существующим законам Российской империи и признан виновным в самооскроплении, за что сослан в «отдаленный край Восточной Сибири с поручением его строжайшему надзору тамошнего гражданского начальника» [З. Оп. 1. Д. 132. Л. 141].

История оскропления С.А. Канунникова, вписанная в контекст развития скопческого движения в Курской губернии, дает возможность сделать некоторые выводы. Судя по положительной динамике распространения скопчества на территории Курского края в XIX в., эта форма вероисповедания находила искреннее сочувствие в душах отдельных православных. Сплоченность и взаимная поддержка, которую демонстрировали сектанты, не лишены грубой логики проповеди их «апостолов», скептическое отношение к сексу (созвучное традиционным народным представлениям о его «греховности») делали скопческое сообщество, по крайней мере, интересным для некоторых верующих. Конечно, скопчество было слишком радикальным движением, чтобы интересовать многих, однако оно могло серьезно привлечь людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, а учитывая различные методы пропаганды своего учения сектой, доля заинтересованных лиц могла значительно увеличиваться. Случай Канунникова является здесь характерным примером. Попав в заключение и будучи вынужденным переосмыслить свою жизнь, он принял решение присоединиться к сообществу, показавшемуся ему более «благочестивым», отрицавшему «похоть» и пьянство, обещавшему помощь и духовное возрождение. Это решение оказалось твердым: несмотря на суровое наказание, которое грозило за вторичное, «полное» оскропление, арестант все-таки завершил свой путь к «царской печати».

Список литературы

1. Георгиевский А.И. Заметки о скопцах. – СПб., 1839.
2. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Канцелярия Курского Губернатора.
3. ГАКО. Ф. 421. Судебные следователи Курского окружного суда.
4. Дмитриевский И. Из записок миссионера. Скопцы // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1900. – № 48.
5. Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники: в 4 т. – СПб., 1873. Т. 4.
6. Мельников П.И. Белые голуби [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/m/melxnikowpecherskij_p/text_1868_bely_golubi.shtml (дата обращения: 21.06.2013).
7. Обзор Курской губернии за 1907 год. – Курск, 1908.
8. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М., 2004.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1609. Документальные материалы, собранные Г.В. Юдиным (коллекция).
10. Скопчество как секта и обличение ее заблуждений // Ред. журн. Миссионерское обозрение. – 1902.
11. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: скопческий путь к искуплению. – М., 2002.

В. А. Веремenco

**«Ничтожные» и «благородные»:
общественная дискуссия о домашней прислуге
накануне отмены крепостного права в России**

В статье дан анализ развернувшейся в российском обществе в конце 50-х гг. XIX в. дискуссии о правах и обязанностях домашней прислуги и нанимателей («хозяев»), а также о характере их взаимоотношений. Охарактеризован состав участников данной общественной дискуссии, проанализированы позиции споривших сторон.

The article is devoted to the discussion in the Russian society in the late 50's of XIX century about the rights and responsibilities of domestic workers and employers (the «owners»), as well as the nature of their relationship. The author describes the composition of participants in the public debate, analyzes the positions of the parties.

Ключевые слова: общественная дискуссия, публицисты, домашняя прислуга, наниматели, «хозяева», «служительская книга».

Key words: public discussion, publicists, domestic workers, employers, «the owners», «servants' book».

В конце 1850-х гг. в условиях наступившей «гласности» в российском обществе активизировались дискуссии по различным вопросам настоящего и будущего страны. Некоторые из них (об условиях освобождения крестьян от крепостной зависимости, о конституционализме, о «женском вопросе» и др.) уже становились предметом специального изучения в исторической литературе [11; 12; 8; 9, 27; 4; 5; 30]. Вместе с тем осталась фактически не замеченной еще одна – на наш взгляд, весьма немаловажная – дискуссия, развернувшаяся на страницах отечественной периодической печати в самом конце 50-х гг. XIX в. Ее темой стали взаимоотношения домашней прислуги и нанимателей («хозяев»).

«Обыденность» вышеупомянутого сюжета отнюдь не должна принижать значимости самой дискуссии. Во-первых, потому, что проблема взаимоотношений хозяев и прислуги в силу постоянства и интенсивности их «домашнего» общения приобретала для обеих сторон исключительно большое значение, становясь не просто фоном жизни для тех и других, а неким укорененным атрибутом этой жизни, той незаметной для постороннего глаза деталью, без которой современным исследователям невозможно воссоздать историю

повседневной жизни различных слоев населения России середины XIX в. Во-вторых, вопрос о домашней прислуге оказывался естественным образом «встроенным» и в другие, наиболее значимые сюжеты общественного обсуждения. Ведь тема прислуги сама собой проявлялась при рассмотрении таких проблем, как: судьба и способы выхода из крепостной зависимости дворни – одной из наиболее бесправных категорий крепостного населения; освобождение женщин (имелись в виду, конечно, женщины высших социальных групп) от «пут хозяйства» и предоставление этой сферы деятельности «профессионалам»; права и свободы населения России и т. д. [13–17].

И, наконец, в-третьих, анализ позиций спорящих сторон в ходе этой дискуссии предоставляет исключительно ценный материал для исследования особенностей общественного сознания «верхов» российского общества накануне Великих реформ.

Охарактеризовать состав участников дискуссии непросто. Одни скрывали себя под различными инициалами, другие принимали на себя какую-либо вымышленную роль, например, «необразованной кухарки», третьи и вовсе не подписывали свои статьи и заметки.

И всё же из контекста газетных и журнальных публикаций можно выяснить, что спор о прислуге вели представители городских привилегированных слоев, причем среднего уровня достатка или даже ниже среднего. Так, один из авторов, подписавшийся как «В. П.», особо отмечал: «Я не говорю о богатых; люди богатые от слуг не страдают. Что богатому? Он заплатит 10, 20, 30 руб. в месяц и будет иметь слугу; наконец, если и за эти деньги не найдет, то выпишет его хоть из-за границы. Но что должен делать недостаточный? А недостаточных в Петербурге, да и везде, гораздо больше, нежели богатых...» [6, 1 февр.].

Обращает на себя внимание также стремление многих авторов говорить не только (а порой и не столько) от собственного имени, но и от имени больших групп людей (от «большинства прислуги», от «многих обывателей» и пр.). Трудно сказать, чего здесь больше – попытки выразить взгляды и защитить интересы той или иной социальной группы или же стремления придать дополнительный вес своим аргументам в споре по принципу «не один я так думаю». Однако даже в последнем случае резонно предположить, что отсылки к «общественному мнению» едва ли могли вообще появиться, если бы проблемы взаимоотношений слуг и нанимателей, поиска «хорошей» прислуги не были на слуху у общественности и не вызывали бы определенного беспокойства и разночтений у самых разных представителей этой общественности. Подтверждение этому находим не только в материалах общественной дискуссии о домашней прислуге, но и в мемуарах современников [28; 20], в публиковав-

шихся в прессе фельетонах [24, 10 мая], да и в заявлениях редакторов и редколлегий, призывавших, как это сделал, например, «Одесский вестник», отзываться на публикуемые дискуссионные материалы «всем, кто может дать полезный совет» [25, 30 сент.].

Дискуссия о прислуге на страницах отечественной периодики началась с публикации ряда статей, авторы которых выступали с резкой и беспощадной критикой «класса наемных служителей».

Многие представители этого «класса», утверждал один из современников, лишь немного «оглядевшись» на месте и «понаучившись», сразу же «делаются грубы, горды и своенравны» [25, 30 сент.]. «Кто такие наши наемные слуги? – подхватывал другой корреспондент. – Это толпы гуляк (разумея здесь и мужчин, и женщин), поступающих к вам на службу не с тем, чтобы служить, но чтобы вас объедать, обпивать, обманывать и, наконец, обкрадывать. Это бы еще не беда, но вот беда, что они все это нередко делают безнаказанно... Это перекатная голь, которая что у вас заработала, то в другом месте пропила; которая не пашет, не сеет, а живет, как птицы небесные, не думая о завтрашнем дне...».

Тот же автор вполне определенно заявлял о том, что сладить с такой прислугой не представляется возможным: «Отнимаю у себя полтинник в месяц от табаку и прибавляю к жалованью моей кухарки, моей горничной: авось, думаю, она будет довольна и будет служить как следует. Ничего не бывало... Пусть, думаю себе наконец, она служит как ей угодно, по крайней мере лишь бы она не грубила. Ничего не бывало! Вы не смеете ей сказать, что она груба, ленива, нерадива, вы не смеете ей сделать никакого замечания, потому что она знает, что все наши слуги такие же, как она, что выбирать вам не из чего, что если вы ее смените, то на место ее к вам поступят еще худшие грубияны и лентяи, потому что она знает, что не она зависит от вас, а вы от нее, что не она должна угождать вам, а вы ей...» [6, 1 февр.].

Почти теми же словами выражал свое недовольство петербургской прислугой известный публицист и издатель И.И. Панаев: «Если вы господин кроткого нрава, добрый по сердцу, не слишком взыскательный, и обращающийся деликатно и по человечески с вашей прислугой – горе вам! Через несколько месяцев ваша прислуга совсем избалуется, зазнается и заленится до того, что не она вам, а вы ей уж должны будете прислуживать и в довершение всего будет еще грубить вам при малейшем замечании с вашей стороны» [22, с. 30–31].

Итак, позиция критиков выявилась вполне отчетливо. По их мнению, большинство прислуги – это ничтожество, отличающееся безнравственностью и явным нежеланием добросовестно работать. Причем между этими двумя проблемами публицисты усматривали

определенную взаимосвязь: поскольку, дескать, вся прислуга «нерадива», выгонять одну и нанимать другую бессмысленно, а это ведет к еще большему развращению нравов среди «наемных слугителей». Получался своеобразный «замкнутый круг».

Разорвать его пытались представители другого лагеря, который условно можно обозначить лагерем защитников домашней прислуги.

В подготовленных ими публикациях четко видны два основных мотива. Первый из них – идея о трудолюбии, добросовестности и даже благородстве прислуги. Один из публицистов, некто Чернышев, написавший статью от имени «слуги», напоминал своим оппонентам, что «слуга, кто бы он ни был, отправляющий рекрутскую повинность, платящий государственные и общественные подати, считается таким же членом общества, как и он, и, следовательно, по закону имеет гражданскую честь» [29, с. 3].

Второй мотив – о поведении «хозяев», об их ответственности за то, что происходит с прислугой. Тот же Чернышев (по-прежнему от имени «слуги») отвечал своему оппоненту: «Жестко ошибается и заблуждается г. В. П., если подозревает в нас отсутствие всякого благородства, всякого сознания своих достоинств. Знает ли он, что не только дурное обращение, но даже небольшая незаслуженная грубость со стороны нанимателя, нас глубоко оскорбляет, и заставляет, вместо преданности, питать к нему чувство отвращения. А нужно знать, что большая часть нашего сословия (т. е. слуг – *В.В.*) живет именно у таких добрых господ, для которых назвать в глаза человека болваном, дураком, скотиной ничего не значит – и все это слуга из-за куска хлеба принужден бывает переносить». В подтверждение своих слов автор привел следующую историю: «Не очень давно мещанин Царского Села находился на службе у полковника N, жена которого была дочь известных родителей и имела характер в высшей степени капризный. Однажды, во время обеда, слуге приказано было пододвинуть поближе к столу барышню, только что вставшую от сна. Слуга это исполнил, но близко что ли пододвинул к столу стул и прижал девочке ножку, или просто, девочка закапризилась – только она заплакала. Барыня вскочила с места, посыпались на слугу ругательства; он хотел было оправдываться – как вдруг тарелка с горячим супом полетела ему в лицо!» [29, с. 5].

На данную проблему – плохое, а порой и жестокое обращение со своими слугами – указывали многие публицисты. Некая дама, писавшая от лица «кухарки», приводила в пример таких господ, «у которых жить нет возможности: работы требуют сверх сил, дурно кормят, помещение до нельзя худое (так в тексте – *В.В.*), жалованье платят неисправно, доброго слова не услышишь...». «От таких хозяев, – продолжала она, – и отойти довольно трудно, потому что они взяли в обыкновение не отпускать старой прислуги, пока она не представит себе на смену другой. – Насильно отойти затруднитель-

но: я могу указать на десяток семейств, которые за несколько лет не отдали жалованья ни одной прислуги, под разными предлогами, и которые на расставании людей избивают или объявляют, что прислуга их обокрала» [23, с. 70]. А автор статьи, помещенной 25 апреля 1859 г. в «Экономическом указателе», прямо заявлял: «...ошибаются те, которые думают улучшить одну часть общества, не улучшив другой – уничтожить разврат в наемных слугах тогда, как сами наниматели часто отвлекают их примером своим от добродетели... Избалованные крепостною обстановкой, господа часто забывают, что наемный отдает в найм *не себя*, а – свой труд, и при том труд известного рода, и вот от кучера требуют услуг истопника или лакея, от кухарки – услуг няньки и т. п., не выговорив этого ясно при найме, и потом удивляются, что их приказания не исполняются, что им грубят!» [26, с. 378–379].

Тезису о незавидном положении господ такие авторы противопоставляли другой тезис – о бедственном положении домашней прислуги. По расчетам уже упоминавшегося нами Чернышева, слуга, получавший в месяц жалованье в размере 10 р., едва мог свести концы с концами, поскольку за вычетом всех расходов (на «плакатный паспорт», питание, баню, сапоги и пр.) у него оставалось около 1 р. 15 к. «В таком положении слуга находится не год, не два, а весь свой век, без всякой надежды хотя несколько обеспечить в будущем свое существование, тогда как каждому необходимо прикопить что-нибудь для себя на черный день, на старость», – резюмировал Чернышев [29, с. 2].

Эти расчеты вызвали ответную критику оппонентов. Так, В.П. указывал на нарочитое завышение расходов прислуги, в частности, на приобретение сапог, на пользование баней, а также отмечал, что траты на питание «надобно исключить, потому что не только пища, а даже чай, а в иных местах и кофе и сахар, всегда хозяйские». В результате, по подсчетам данного автора, выходило, что месячные расходы прислуги в Петербурге составляли около 2 р. 90 к., следовательно, резюмировалось в статье, и при относительно небольшом, 10-рублевом жаловании «даже оброчный слуга может жить ... честно и безбедно» [7, с. 13].

Критики «наемного служилого класса» полагали, что суть проблемы – не в количественном недостатке домашней прислуги, не в ее материальной обеспеченности и, разумеется, не в притеснениях со стороны «господ». Все эти положения резко отвергались ими как надуманные и несостоятельные. Основную причину плохой работы и грубости слуг и служанок они усматривали в отсутствии должного «надзора» за ними.

Некоторые участники дискуссии предлагали решать эту проблему радикальным образом – путем формирования «особой» полицейской власти, «представители которой могли бы сами

наведываться по домам, и прекращали бы неудовольствия между хозяевами и прислугой» [25, 30 сент.]. Дальнейший ход обсуждения проблемы «слуг и господ» показал, что эта идея не встретила поддержки. Даже редакция, предпочитавшая не вмешиваться в содержание дискуссии, сделала на этот раз небольшую ремарку, в которой мысль «вводить в домашнюю жизнь полицейского чиновника» оценивалась как «крайне неблагоприятная» [25, 30 сент.].

Большая же часть публицистов из лагеря «критиков» склонялась к другому мнению. «Решить этот вопрос сразу невозможно, – резонно замечал один из корреспондентов «Санкт-Петербургских ведомостей», – ... но нельзя не заметить, что обращение строго внимания на аттестации может служить одним из действительнейших средств к уменьшению зла. Особенно хорошо было бы, если бы на каждом вновь выдаваемом служительском билете означалось, сколько мест переменил слуга в течение предшествовавшего года и какие аттестации получал в этих местах» [1, 10 дек.]. О необходимости «правильной отметки паспортов» для «исправления» прислуги (прежде всего, кухарок) писал К. Микешин в статье, опубликованной в одном из номеров газеты «Северная пчела» [18, 10 дек.].

Идея организации четкого контроля над прислугой получила свое развитие в статье, опубликованной 1 февраля 1859 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях». Ее автор предложил целый комплекс мер «для устройства сословия наших наемных служителей». Главнейшие из них сводились, по его мнению, к следующему: «1) Устроить быструю и словесную расправу для разбора по делам и жалобам между слугами и их нанимателями. 2) В этой расправе завести книгу для вписывания в нее всех здешних наемных слуг разного рода, как-то: кухарок, горничных, лакеев, поваров, кучеров и проч. 3) В эту книгу (назвать ее положим "служительской книгой") записывать всякий штраф или другое наказание, которому подвергаются слуги вследствие расправы; эта записка будет служить живым кондуитом сословия служителей. 4) Вместо нынешних адресных билетов, выдавать выписку из служительской книги каждому слуге с прописанием значекого кондуита. 5) За повторение одних и тех же проступков взыскание (разумеется, полицейское) увеличивается, а все это вписывается в служительскую кондуитную книгу» [6, 1 февр.].

Учреждение «кондуита» было воспринято защитниками домашней прислуги буквально в штыки. По их мнению, недобросовестный «хозяин» стал бы использовать «служительскую книгу» сугубо в своих интересах: «Малейший свой каприз, терпимый только в беременной женщине, он стал бы туда вписывать... Это было бы перенесено на паспорт, или на особый лист, и слуга потерял бы всякую возможность поступить на место, без всякой со своей стороны вины. Где же тут справедливость?» [29, с. 5]. «Дело в том, – добавлял со

своей стороны «Экономический указатель», – что грязь – к несчастью – существует не в одном только сословии наемных слуг, а – и в сословии, нанимающем их». Поясняя свою мысль, неизвестный автор заметки продолжал: «...конduitные книги ничего не помогут в испорченном обществе, и страх не исправит его...». Надежду на будущее он связывал с наступлением «новой свободной эры», указывая, что для «исправления наемных слуг должно ждать образования; а оно придет, когда настанет в этой отрасли труда – свободная конкуренция, т. е. когда окончится крепостная зависимость, а с нею и прикрепление многих хороших слуг к дурным господам, и дурных слуг к хорошим господам. Изменится запрос, расширится предложение, а вследствие того сделки найма получат более рациональную форму» [26].

Наверное, мы не погрешим против истины, если скажем, что дискуссия о домашней прислуге накануне отмены крепостного права так и осталась незавершенной. Спорящие стороны высказали свои суждения, наметили некоторые меры по упорядочению ее взаимоотношений с «хозяевами». Впрочем, суждения оказывались зачастую слишком субъективными и эмоциональными, а предлагаемые меры касались в большей мере прислуги, чем нанимателей, да к тому же вовсе не гарантировали благополучного сосуществования под одной крышей и тех, и других. Недаром и спустя десятилетия «хозяева» продолжали сетовать, что «вопрос о прислуге для нас давно стал вопросом «проклятым»» [21. Л. 9 об.], а выступавшие в защиту слуг публицисты по-прежнему акцентировали внимание на том, что «...мы, интеллигенты, так много кричащие (в особенности в последнее время) о пробуждении человеческого достоинства в простолудине, мы, ратующие о всеобщем равенстве и свободе, общественной совести, забываем, что у себя же дома мы ежечасно нарушаем свой человеческий долг в отношении своей же прислуги» [10, с. 9; см. об этом подробнее 2; 3].

И все-таки, дискуссия 50-х гг. XIX в. имела как минимум два важнейших последствия: во-первых, она вскрыла наличие острых и не урегулированных в то время проблем в сфере трудового найма в России; во-вторых, она привлекла внимание к проблеме социально-экономического и морально-психологического положения «класса наемных слугителей», о правах которого общество и власть мало задумывались вплоть до начала подготовки Крестьянской реформы.

Список литературы

1. А.С. Женская прислуга // Санкт-Петербургские ведомости. – 1858.
2. Веремеенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). 2-е изд. – СПб., 2009.
3. Веремеенко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. История. № 1. – С. 181–191.

4. Верременко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб., 2004.
5. Верременко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков – СПб., 2001. – С. 55–63.
6. В.П. О сословии Петербургских наемных служителей // Санкт-Петербургские ведомости. – 1859.
7. В.П. Ответ г. Чернышеву // По вопросу о наемных слугах в Санкт-Петербурге. – СПб., 1859. – С. 7–22.
8. Гусман Л.Ю. В тени «Колокола». Русская либерально-конституционная эмиграция и общественное движение в России (1840–1860-е гг.). – СПб., 2004.
9. Гусман Л.Ю. Страницы истории русского либерализма. – СПб., 2010.
10. Де-Турже-Туржанская Е. Белые невольники. (Домашняя прислуга в России). – Смоленск, 1906.
11. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968.
12. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. – М., 1984.
13. И.В. Об улучшении быта женщин // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. – 1859. – № 152.
14. М.В. Дворовые люди // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. – 1859. – № 106.
15. М.В. Домашнее хозяйство // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. – 1859. – № 105.
16. М.В. Назначение женщины // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. – 1859. – № 132.
17. М.В. Свобода выбора труда // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. – 1859. – № 145.
18. Микешин К. Петербургские кухарки (Письмо в редакцию Северной Пчелы) // Северная пчела. Газ. литературная и политическая. – 1858.
19. Нечто об устройстве квартир и домов // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. – 1859. – № 111.
20. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 1196, 1206.
21. ОР РНБ. Ф. 1362. Д. 71 а.
22. Панаев [И.И.]. В петербургских окрестностях. Очерки из петербургской жизни. – СПб., б/г.
23. Петербургская кухарка. Письмо в редакцию (в защиту петербургской прислуги) // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. – 1859. – № 107.
24. Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. – 1859.
25. [Письмо И.Л. о прислуге] // Одесский вестн. 1858.
26. По поводу вопроса о наемных слугах // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. – 1859. – № 121.
27. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60-е гг. XIX в. – Л., 1984.
28. Францева М.Д. Воспоминания // Исторический вестн. – 1888. – Т. 32. – № 6.
29. Чернышев. О прислуге // По вопросу о наемных слугах в Санкт-Петербурге. – СПб., 1859. – С. 1–7.
30. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб., 2007.

Система налогообложения при Лжедмитрии II в замосковских городах

В статье рассматривается налоговая система, созданная в Смутное время при Лжедмитрии II и действовавшая на территории замосковских городов. Автором подробно изучаются особенности системы налогообложения, показывается вся двойственность структуры взимания податей, собиравшихся одновременно и польскими наемниками из армии самозванца, и дьяками тушинской администрации. В результате делается вывод о том, что невозможность создания эффективной системы сбора налогов стала основной причиной поражения Лжедмитрия II. Это позволяет совершенно по-новому взглянуть на события Смутного времени.

In given article is considered tax system, created in the Time of troubles under Lzhedmitrii II and acted on territory of Moscow region cities. The author are in detail studied particularities of the system of the taxation, appears whole duality of the structure of the charging the taxes, been going to simultaneously and polish mercenaries from army impostor, and clerks of the Tushino administration. Is it as a result done conclusion that impossibility of the making the efficient system of the collection of the taxes became the main reason of the defeat Lzhedmitriya II. This allows absolutely newly to take a look at events of the Time of troubles.

Ключевые слова: Смутное время, налоговая система, Лжедмитрий II, замосковские города.

Key words: Time of troubles, tax system, Lzhedmitrii II, cities of Moscow region.

В 1608 г. Московское государство раздирали гражданская война. С одной стороны, был очередной самозванец, «Тушинский вор», с другой – Василий Шуйский, избранный на трон по воле московских бояр, а не согласно воле «всей Земли». Москва была осаждена. Большая часть городов перешла на сторону Лжедмитрия II [6, с. 48; 7, с. 175]. Верными царю Василию Шуйскому остались только сама Москва, Нижний Новгород, Коломна, Рязань и ряд других городов. Поморские города – Великий Устюг, Пермь, Вятка заняли нейтральную позицию, ожидая пока кто-либо из соперников одержит окончательную победу [2, № 88, с. 179–181; 11, с. 243–244].

Положение Шуйского было даже хуже, чем в период восстания И.И. Болотникова, когда не было такой широкой «измены» большинства городов. Казалось, еще немного, и «Тушинский вор» полностью захватит власть в стране. Однако вскоре начался постепенный переход городов, в большинстве своем замосковных, обратно на сторону Василия Шуйского. Весной 1609 г. с севера, из Новгорода, подошел князь Михаил Скопин-Шуйский с иноземными войсками и начал освобождать поселения одно за другим [3, с. 566–568; 4, с. 328(об.); 9, с. 21–29].

В чем же причины поражения Лжедмитрия II? Главной из них стало его неумение наладить систему сбора и сдачи налогов. При этом у «Тушинского вора» действовали и своя Боярская дума, и государев двор, и система приказов [1, с. 150–151, 213–214; 2, с. 186; 5, с. 82–86, 248–260; 10, № 12.67]. Однако зарождавшаяся система налогообложения была в корне подорвана польскими наемниками.

Зимой 1608–1609 гг. [6, с. 48], когда войско Лжедмитрия II стало испытывать реальные проблемы со снабжением, поляки разделили подконтрольные Самозванцу территории на приставства. Суть системы приставств заключалась в следующем. За каждым воинским отрядом закреплялись определенные села и деревни, которые вместе с уплатой обычных налогов должны были кормить и этот отряд. Кроме того, на замосковные города была возложена уплата чрезвычайных налогов – поносовщины и т. д. [4, с. 327; 6, с. 49–50], для чего в города вместе с должностными лицами от Лжедмитрия II стали посылаться и поляки.

Однако наряду с пахоликами – слугами польских наемников, собиравших подать с приставств, это продолжали делать и приказные люди Лжедмитрия II. Местным жителям приходилось уплачивать налоги по несколько раз. Так переяславцы платили и отрядам Яна Сапеги, снабжавшим свое войско, и дьякам Лжедмитрия II, и атаману Ф. Копнину, посланному от тушинских казаков [10, № 12.18, с. 27–29].

Постепенно пахолики стали утаивать часть полученных налогов от своих хозяев и объединяться в банды, занимавшиеся откровенным грабежом [6, с. 51]. В результате уменьшился объем поступавшего в тушинский лагерь собранного налога. Почувствовав конкуренцию, поляки стали собирать специальные карательные отряды, которые занимались уничтожением загонных банд. Иногда в составе карательных экспедиций выступали и местные дворяне, защищавшие родные города и селения. Так, во Владимирском уезде был разгромлен отряд атамана Наливайко [1, № 116, с. 145–146]. Однако вскоре слуг заменили сами поляки.

Постепенно система приставств превратилась в инструмент грабежа и отъема имущества у населения. Поляки совершенно не

считались с экономическими возможностями жителей сел и деревень. Они не только забирали у крестьян все, что захочется, но и не мешали грабить их другим тушинским отрядам, проходящим через села. Правда, иногда случались и стычки. Все это привело к обнищанию населения и его невозможности выплачивать налоги.

По данным челобитных местных жителей и отписок воевод, правление «Тушинского вора» буквально во всех замосковных уездах заключалось в следующем. Сначала в села приходили польские загонные отряды, состоявшие из простых воинских людей и пахоликов – слуг наемников. Они превращались в банды, которые затем громились совместными отрядами поляков и замосковных дворян. Позже уже сами поляки грабили селения. Так было в Юрьевском, Переяславском, Костромском, Ярославском и Суздальском уездах. В Ростовском уезде местные жители были еще вынуждены платить за постои татарским тушинским отрядам. Некоторое послабление было в Суздальском уезде, так как его воеводой был назначен местный дворянин, Ф.К. Смердов-Плещеев, который достаточно быстро по сравнению с другими уездами привел Суздаль к присяге Самозванцу [3, с. 564 (об.)]. Однако и он не мог остановить поляков, бесчинствовавших в уезде.

Исключения составили Московский и Владимирский уезды. Прямых доказательств, засвидетельствованных документами, существования в них системы приставств нет. Причиной этому стала близость к ним основных земских центров борьбы с движением Лжедмитрия II – Москвы, Нижнего Новгорода, Коломны. В Московском уезде для борьбы с загонными отрядами Василия Шуйского были созданы местные отряды, которые возглавил талантливый командир Иван Салков [7, ст. 215, 218]. Он причинил много вреда московским войскам, пока не был разгромлен князем Дмитрием Пожарским [7, ст. 215, 218]. Примечательно, что жители Московского уезда присягнули на верность Василию Шуйскому только после поражения отряда И. Салкова.

Во Владимирском уезде не было системы приставств, там был разгромлен отряд атамана Наливайко. Однако здесь уже действовали тушинские загонные отряды, собиравшие корма для армии Лжедмитрия II [1, № 185, с. 214–215]. Именно поэтому во Владимирском уезде крестьяне восстали против «Тушинского вора» и поддержали земское движение против самозванца.

Лжедмитрий II пытался бороться с бесчинствами польских наемников, однако реально сделать ничего не мог. К нему поступало большое число челобитных от крестьян, посадских людей, местных воевод с жалобами на грабежи и жестокости поляков. В них люди просили или прислать сильного воеводу, могущего прекратить беспорядки, или самому царевичу обратиться к полякам «с великою

грозою». Самозванец приказывал своим воеводам унимать бесчинствующих поляков, просил об этом Яна Сапегу [1, № 198, с. 229–230; 10, № 12.62, с. 69]. Но поляки в ответ на угрозы воевод продолжали грабить и насиловать.

Весь государственный аппарат, созданный Лжедмитрием II, не имел никакой реальной силы по отношению к полякам. Самозванец даже раздавал земли и села своим близким сподвижникам [1, № 124, с. 151, № 123.2-3, с. 150–151], однако те, прибыв в пожалованные владения, находили там поляков, не пускавших их на земли. Лжедмитрий II не мог бороться с польскими наемниками, так как не мог противопоставить им никакой реальной силы. Они же составляли основу его армии и представляли собой грозную силу, не раз громившую московское войско на полях сражений.

Таким образом, неспособность Лжедмитрия II наладить систему налогов привела его к поражению. Большую часть войска Самозванца составляли поляки, требовавшие большого денежного содержания. Система приставств, распространившаяся на замосковные города и земли, смогла обеспечить их жалованием. Однако грабежи и жестокости, происходившие при взимании налогов, полностью разорили население Замосковья, сделали невозможным дальнейшую уплату налогов и привели к восстаниям местных жителей. Всяческие попытки прекратить бесчинства поляков не имели успеха. Замосковные же города восставали один за другим. Польские отряды пытались подавить восстание, но как только недовольные были разгромлены в одном месте, мятеж происходил в другом. Позже земские рати влились в войско князя Михаила Скопина-Шуйского, и он с помощью земцев и шведских наемников разгромил «Тушинского вора», заставил бежать его в Калугу и снял осаду с Москвы.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией (1828–1834 гг.). – СПб., 1841. – Т. 2. – URL: <http://www.prlib.ru>
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией (1828–1834 гг.) Императорской академии наук. – СПб., 1836. Т. 2. – URL: <http://www.prlib.ru>
3. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. Текст воспроизведен по изданию: С.А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). – М., 1907. – URL: <http://www.vostlit.info>
4. Бельский летописец. Оп.: Полное собрание русских летописей. – М., 1978. Т. 34. – URL: <http://www.krotov.info>
5. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. – М., 1979.
6. Мархоцкий Н. История московской войны. Текст воспроизведен по изданиям: Н. Мархоцкий. История московской войны. – М., 2000.

7. Новый летописец / пер. С.Ю. Шокарева. Текст воспроизведен по изданию: Хроники смутного времени. – М., 1998.
8. Пискаревский летописец. Оп.: Полн. собр. рус. летописей. Т. 34. – М., 1978. – URL: <http://www.krotov.info>
9. Повесть о победах Московского государства / пер. Г. П. Енин. Текст воспроизведен по изданию: Повесть о победах московского государства. – М., 1982. – URL: <http://www.vostlit.info>
10. Сборник кн. Хилкова. – СПб., 1879. – URL: <http://bookfi.org>
11. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II. – Волгоград, 1999.

Регламентация оплаты труда архитекторов Министерства императорского двора при Александре II

В статье анализируются три редакции документов, устанавливавших порядок оплаты работы архитекторов при проведении работ для нужд Министерства императорского двора, составленные в 1850–1860-х гг. Рассматриваются цели пересмотра или продления сроков действия документов. При этом особо отмечаются изменения каждого нового варианта нормативных актов.

The article scrutinizes three editions of the documents published under Alexander II, which determined the architects' of the Ministry of the Imperial Court payment. The author pays special attention to goals pursued by their revisions and to causes of extension of their duration. The essay particularly emphasizes the amendments made to every new edition.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, Александр II, строительная контора, архитекторы, нормативный акт, строительная деятельность.

Key words: the Ministry of the Imperial Court, the Building bureau, Alexander II, architects, legislation, building activity.

Деятельность Министерства императорского двора (МИДв) в области градостроительства оставила значительный след на архитектурном облике Санкт-Петербурга. Благодаря работе Придворного ведомства на карте города появились такие памятники зодчества, как Михайловский, Александринский и Мариинский театры, Мариинский, Николаевский, Ново-Михайловский, Владимирский, Алексеевский и Мало-Михайловский дворцы, Новый Эрмитаж и целый ряд других зданий.

В историографии существует значительное число трудов, посвященных отдельным объектам или творческому пути отдельных архитекторов, однако комплексных исследований, посвященных изучению архитектурно-градостроительной деятельности МИДв, на настоящий момент не опубликовано.

Одним из основных вопросов в работе по данной проблематике является вопрос взаимодействия министерства и архитекторов, в частности, о вознаграждении лиц, руководивших производством строительных работ. В настоящей статье будет рассмотрено, как именно Придворное ведомство при Александре II регламентировало выплаты зодчим.

В годы правления Александра II при непосредственном участии учрежденной в 1857 г. строительной конторы МИДв была сформирована нормативная база, представленная несколькими редакциями документов, установивших схему оплаты труда архитекторов и их помощников и ограничивших верхний предел выплат, достигавший ранее 15 % от общей стоимости зданий [6].

8 июня 1857 г. императором было одобрено введение в действие на три года в порядке опыта «Положения о соразмерном определении расходов технического, художественного и хозяйственно-полицейского управления при производимых по Министерству императорского двора постройках» [2]. В соответствии с ним вознаграждение архитекторов и их помощников, т. е. младших архитекторов, архитектурских помощников, производителей работ с помощниками, относилось к разряду расходов по техническому и художественному управлению.

Положение предусматривало два типа выплат: постоянное жалование по месту службы архитектора и проценты со стоимости производимых работ [2, с. 2].

Постоянное жалование выплачивалось архитектору за руководство ремонтными работами, а также за составление смет и выполнение плановых работ, производимых им на месте работы в одном из департаментов министерства [2, с. 2].

Процентное вознаграждение следовало выплачивать за новые постройки и внеплановые капитальные работы, осуществляемые под надзором архитектора, как по месту службы, так и в других учреждениях Придворного ведомства.

Процентная выплата производилась общей суммой главному архитектору, который должен был распределять ее между своими подчиненными по взаимному согласию. Кроме того, архитектор должен был согласовать со строительной конторой МИДв как число своих помощников, так и персоналии младшего архитектора, который мог заменять главного архитектора, и производителя работ, распорядившегося казенным имуществом. При назначении своих помощников главный архитектор заключал с ними письменные соглашения, в которых должны были быть прописаны все условия.

Размер процентного вознаграждения зависел от нескольких факторов, таких как стоимость самой работы, ее качество и место производства работ [2, с. 2–3].

Положение делило все работы на четыре класса в зависимости от сложности их выполнения. В первый класс включались дворцы, музеи и театры как здания, требовавшие богатой художественной отделки. Вторым классом составляли дворцовые служебные постройки и жилые дома. К третьему классу были отнесены казармы, служебные постройки, деревянные здания, а также пристани, плотины и

мости. Работами четвертого класса считались работы по художественной отделке, как внутренней, так и внешней, требовавшие составления большого числа рисунков и эскизов [2].

Процентное вознаграждение дифференцировалось в зависимости от классности строения и его стоимости, при этом в качестве базы для расчетов были приведены расценки за здания первого класса, которые отражены в табл. 1 [2, с. 4].

Таблица 1

Размер процентного вознаграждения за постройки первого класса по Положению 1857 г.

Стоимость здания, р.	Процент вознаграждения	Вознаграждение, р.
До 25 000	10	До 2 500
25 000 – 50 000	10–9	2 500 – 4 500
50 000 – 75 000	9–8	4 500 – 6 000
75 000 – 125 000	8–7	6 000 – 8 750
125 000 – 250 000	7–6	8 750 – 15 000
250 000 – 500 000	6–5	15 000 – 25 000
500 000 – 1 000 000	5–4	25 000 – 40 000
1 000 000 – 1 500 000	4–3,5	40 000 – 52 500
1 500 000 и более	3,5–3	От 52 500

За здания, относившиеся ко второму классу, полагалось выплачивать на полпроцента меньше; а за здания третьего класса – на процент. Работы по художественной отделке, считавшиеся в четвертом классе, стоили больше на один процент по отношению к первоклассным.

Вознаграждение должно было вноситься архитектором в смету, после проверки которой и производства торгов строительной конторой МИДв составлялся окончательный расчет вознаграждения в соответствии с реальной стоимостью работ по контракту с подрядчиком. Сумма вознаграждения утверждалась по решению министра императорского двора.

Вознаграждение не увеличивалось в том случае, если архитектор по своей вине не включил в смету какие-либо работы, однако изменение проекта, повлекшее за собой изменение качества и стоимости работ, приводило к соответствующему изменению суммы вознаграждения [2, с. 4–5].

Архитектор, добившийся в ходе строительства экономии выделенных средств при условии сохранения качества выполненных работ, не только не подвергался взысканию, но мог получить дополнительную выплату из сэкономленной суммы по усмотрению и разрешению министра [2, с. 5].

Общая сумма процентного вознаграждения разделалась на годы в соответствии с продолжительностью строительства и соразмерно с количеством ассигнованных на каждый год средств. Выплаты происходили каждые четыре месяца, согласно стоимости работ, произведенных за отчетный период. При этом к моменту окончания работ архитектор должен был получить не более трех четвертей от общей суммы, тогда как последняя четверть выплачивалась только после сдачи постройки и приема отчетной документации [2, с. 5], служа залогом должного выполнения архитектором и его помощниками своих обязанностей.

В случае прекращения архитектором по какой-либо причине своей работы расчет вознаграждения должен был делаться до этого дня [2, с. 5–6] в соответствии с общими правилами.

Введение в действие Положения обеспечило регламентацию системы оплаты труда архитекторов и их помощников. Однако срок его действия оказался достаточно непродолжительным, и уже через полтора года, в феврале 1859 г., министр императорского двора поручил строительной конторе МИДв провести пересмотр самых главных статей документа, касавшихся процентного вознаграждения в сторону сокращения выплат архитекторам [8. Л. 60]. Новые правила процентного вознаграждения архитекторов были утверждены императором 6 марта 1859 г. и должны были действовать в течение трех лет [8. Л. 61].

Этот документ недвусмысленно установил замену практики составления временных штатов по технической части с казенными окладами единой выплатой процентного вознаграждения, общего как для архитектора, так и для его помощников [8. Л. 64–65].

В процессе подготовки новой редакции был внесен целый ряд изменений, касавшихся как принципов деления построек на классы, так и системы расчета вознаграждения. Именно эти изменения и станут предметом нашего рассмотрения.

Так, работы, производимые архитектором на месте его постоянной службы, отделялись от тех, которыми он руководил в других местах. Вторые вне зависимости от их стоимости относились к разряду экстраординарных и давали право на получение процентного вознаграждения [8. Л. 61–62, 63 об.–64].

За постройки, осуществляемые по месту служения зодчего, не превышающие по стоимости 25 000 р., никаких выплат более не предполагалось [8. Л. 74]. Однако при заведовании несколькими разными работами архитектор мог получить небольшую ежемесячную выплату, используемую для найма помощника или десятника [8. Л. 62 об.–63]. Руководство строительством здания, стоившего от

25 000 до 50 000 р., давало зодчему право на получение небольшой особой выплаты [8. Л. 74], ее размер варьировался от 2 до 3 %, и она могла выплачиваться как частями во время производства работ, так и единовременно по их окончании [8. Л. 63].

По новым правилам все сооружения, цена которых начиналась от 50 000 руб., вне зависимости от места их производства предлагалось считать экстраординарными и выплачивать за них процентное вознаграждение.

При этом такие строения разделялись вместо ранее существовавших трех классов на пять. В первый класс вошли главные корпуса дворцов и прочие здания, выполненные с роскошной отделкой и предназначенные для размещения особ императорской семьи, а также архитектурные монументы. Ко второму классу были отнесены остальные дворцы и, кроме того, музеи, театры и павильоны. Третий класс составляли дворцовые службы и жилые каменные дома. В четвертый класс включались казармы, деревянные жилые дома и службы, пристани и плотины. В пятом классе значились земляные и садовые работы, шоссе, парки, а также каменные стены, ограды и заборы [8. Л. 65 об.–66]. Новое деление на классы позволило сократить выплаты за счет разделения первого класса Положения 1857 г. на первый и второй классы Правил 1859 г.

Вне классов были вынесены работы по художественной отделке существующих строений: внутренняя и внешняя отделка дворцов, украшение фасадов и прочие работы, требующие составления большого числа рисунков и эскизов [8. Л. 66].

Размер процентной ставки был сокращен, что показано в табл. 2 [8. Л. 66 об.–67], а сам принцип ее расчета усложнился [8. Л. 74–75]. При расчете процентного вознаграждения не учитывались средства на внутреннюю отделку, меблировку и приобретение для помещений произведений искусства [8. Л. 70].

Правила предусматривали возможность изменять классность постройки на основании решения, принятого строительной конторой МИДв после рассмотрения проекта и утвержденного министром императорского двора [8. Л. 68–68 об.].

Помимо вышеперечисленного, вводились вычеты из процентного вознаграждения для работ, производство которых по сроку контракта с подрядчиком должно продолжаться менее двух лет: -10 % при длительности строительства менее двух лет и -20 % при сроке ведения работ менее года [8. Л. 68, 76].

Таблица 2

Ставки процентного вознаграждения по Положению 1859 г.

Стоимость по контракту с подрядчиком, р.	Схема расчета	Проценты вознаграждения				
		I класс	II класс	III класс	IV класс	V класс
До 100 000		7	6	5	4	3,5
100 000 – 300 000	За первую сотню тысяч рублей как в пункте 1, со второй и третьей сотен тысяч	6	5	4	3	2
300 000 – 600 000	С 300 000 р. как в пунктах 1–2, с четвертой, пятой и шестой сотен тысяч	5	4	3	2	1,5
600 000 – 1 000 000	За 600 000 р. согласно пунктам 1–3, с седьмой, восьмой, девятой и десятой сотен тысяч	4	3	2	1,5	1
1 000 000 – 2 000 000	На сумму до миллиона как показано выше, и с каждой сотни тысяч, составляющей второй миллион рублей	3,5	2,5	1,5	1	0,5
От 2 000 000	С каждой сотни, составляющей третий и следующие миллионы	3	2	1	0,5	0,25

Когда работы производились не по месту жительства или службы архитектора, зодчему с разрешения министра могла дополнительно выделяться 1/5 от суммы процентного вознаграждения для покрытия расходов на проезд и наем помещения для помощников [8. Л. 68 об.–69].

Изменилась также и схема выплаты вознаграждения. По новым Правилам следовало в самом начале работ выдать архитектору 1/10 всей суммы за составление проекта, затем в течение строительства выдавать деньги соразмерно с уже произведенными работами в сроки, установленные по договоренности со строительной конторой, а при расчете за последний год удержать 1/3 положенной выплаты до момента сдачи постройки и представления отчетной документации [8. Л. 70–70 об.].

В заключительной статье редакции 1859 г. было указано, что из процентного вознаграждения архитекторов не полагалось производить вычеты на пенсионный капитал и инвалидов, поскольку оно рассматривалось как плата за определенную работу [8. Л. 72 об.].

Правила первоначально вводились в действие на три года в порядке опыта, по прошествии которых был начат пересмотр документа [7], и на рубеже 1863–1864 гг. он был передан для рассмотрения и внесения изменений архитекторам, состоявшим при строительной конторе МИДв. При этом промедление с началом процедуры пересмотра объяснялось в докладе строительной конторы необходимостью учесть опыт работ, завершившихся летом 1863 г. [9. Л. 1–2].

Предложения архитекторов по большей части сводились к указаниям на необходимость увеличения процентных выплат, и строительная контора МИДв, отметив, что редакция 1859 г. имела основной целью сокращение выплат, в конце 1864 г. обратилась к министру императорского двора для получения решения императора продлить срок действия документа еще на один год [4. Л. 45–46]. Такое повеление последовало 27 ноября 1864 г. [5. Л. 76; 10. Л. 310]. Через год срок действия Правил по представлению конторы был продлен еще на два года, поскольку в ведомстве не видели веских причин для их пересмотра [5. Л. 76–76 об.; 10. Л. 310–310 об.].

Однако в конце 1867 г., когда строительная контора МИДв в очередной раз обратилась к министру императорского двора за разрешением отложить пересмотр еще на два года, министр распорядился приступить к рассмотрению проектов новой редакции документа и представить выбранный вариант на утверждение [11].

В конце января 1868 г. контора представила министру свои соображения по изменению Правил процентного вознаграждения архитекторов [12]. Они состояли в следующем.

1. Установить, что при ведении архитектором по месту своей службы нескольких работ, совокупная стоимость которых превышает 25 тыс. р., ему полагается вознаграждение в размере от 2 до 3 % от общей цены. Эта мера обосновывалась большими затратами труда и времени, а также значительностью расходов на наем отдельных для каждой постройки помощников и десятников.

2. Предлагалось перевести каменные ограды и металлические садовые решетки из пятого класса работ в четвертый, поскольку, как небезосновательно отмечалось, они требовали значительно больше затрат на отделку, чем, например, также состоявшие в пятом классе деревянные заборы.

3. Строительная контора МИДв полагала возможным отказаться от пункта о сокращении процентного вознаграждения при производстве работ сроком до двух лет, поскольку для обеспечения

быстрого производства работ зодчим требовалось больше помощников, а практика вычетов стимулировала архитекторов по возможности затягивать сроки строительства для получения полной суммы.

Проект Положения о соразмерном определении расходов по техническому и хозяйственно-полицейскому управлению постройками МИДв, составленный с учетом этих изменений, был представлен министру 30 января 1868 г. Министр императорского двора граф В.Ф. Адлерберг не утвердил этот проект и положил 4 февраля 1868 г. резолюцию «лично объясниться» [12], таким образом предложив продолжить работу над новым Положением.

В начале марта 1868 г. строительная контора МИДв направила министру новый доклад с предлагаемыми изменениями. Департамент отказался от внесения изменений в распределение построек по классам, сохранив пункты о расширении практики выплат процентного вознаграждения и об отказе от вычетов за краткосрочные работы [12]. Кроме того, было предложено изъять из Положения статьи, касавшиеся определения расходов по хозяйственно-полицейскому надзору за постройками, т. е. на наем смотрителей, вахтеров и сторожей. Это было связано с тем, что на смену ведению работ поденными рабочими с использованием казенных строительных материалов пришла практика заключения договоров с подрядчиками, использующими своих рабочих икупающими материалы на собственные средства [12].

Эти предложения удостоились одобрения министра, и после сделанного им доклада императору с указанием предложенных изменений [12] 8 марта 1868 г. была утверждена новая редакция «Положения о вознаграждении строителей при производимых по МИДв постройках» [1; 3].

Документ подразделял все выплаты архитекторам за возведение новых зданий и реконструкцию существующих на три разряда [1; 3]:

1) штатное жалование;

2) особые вспомогательные выдачи, к которым были отнесены выплаты за руководство несколькими постройками стоимостью до 25 тыс. р. и вознаграждение от двух до трех процентов за работу или работы стоимостью от 25 тыс. до 50 тыс. р., производимые по месту постоянной службы зодчего;

3) процентное вознаграждение за любые работы, производимые не по месту постоянной службы, и за работы, производимые на месте постоянной службы стоимостью свыше 50 тыс. р.;

Таким образом, была незначительно уточнена классификация типов оплаты труда архитекторов с разделением процентного вознаграждения за значительные постройки и выплат за небольшие сооружения.

Кроме этого, в новой редакции был переработан перечень строений пятого класса, включивший ранее вовсе нигде не обозначенные киоски и парники, а также незначительно изменено процентное вознаграждение за такие постройки [1; 3].

По рассмотрении серии документов, изданных во время царствования Александра II и регулировавших вопросы имущественных отношений между Министерством императорского двора и архитекторами, занятыми на работах, проводимых для нужд этого ведомства, можно сделать ряд выводов.

Придворным ведомством в царствование Александра II проводилась постоянная работа по формированию юридической базы в сфере имущественных взаимоотношений с архитекторами и их помощниками, в результате которой последовательно было подготовлено три редакции правил о вознаграждении архитекторов.

Появление правил положило конец системе формирования временных штатов при постройках с выплатой отдельных сумм архитектору и его помощникам, заменив ее принципом единой выплаты главному архитектору, формировавшему свою команду и распределявшему полученные деньги между подчиненными.

Создавая каждую новую редакцию, чиновники строительной конторы МИДв учитывали опыт применения ранее действующих юридических актов и вносили соответствующие поправки. Так, во второй редакции была введена более дробная классификация построек, что позволило точнее определять процент вознаграждения для каждой из них. Кроме того, появившийся во втором издании пункт о вычетах за краткосрочные работы был изъят из следующего по причине отрицательного влияния на практику производства работ, проявлявшегося в затягивании сроков сдачи объектов.

Для всех трех редакций характерна декларируемая направленность на ограничение выплат архитекторам, что в наибольшей степени проявилось в издании 1859 г. как в виде сокращения процентов вознаграждения, так и в виде снижения выплат при сроке производства работ менее двух лет.

Правила о вознаграждении архитекторов наряду с Правилами о производстве строительных работ по МИДв, Правилами составления кондиций для производства строительных работ по МИДв и Нормальными кондициями на производство подрядом строительных работ стали основой для осуществления строительной деятельности Придворного ведомства и выполняли функцию регулирующего документа по крайней мере до упразднения строительной конторы МИДв в середине 1880-х гг.

Список литературы

1. Положение о вознаграждении строителей при производимых по Министерству императорского двора постройках. – СПб., 1868.

2. Положение о соразмерном определении расходов технического, художественного и хозяйственно-полицейского управления при производимых по Министерству императорского двора постройках. – СПб., 1858.

3. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4.

4. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 11.

5. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 12.

6. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 14.

7. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 21.

8. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 28.

9. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 38.

10. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 39.

11. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 41.

12. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 42.

Заблаговременный наем в сельском хозяйстве России в конце XIX – начале XX в.

В статье раскрывается сущность, география, ценовой аспект и последствия заблаговременного найма на работу в русской деревне в конце XIX – начале XX в. Особо подчеркивается ростовщический характер возникающих отношений найма, препятствующих функционированию капиталистического рынка.

The article reveals the essence, geography, price aspect as well as consequences of advance paid labour hire in the Russian country-side in the late XIX – early XX century. It emphasizes the usurious nature of the employment relations thus arising, which hindered the functioning of capitalist market.

Ключевые слова: заблаговременный наем, зимняя наемка, задаток, договор, стоимость, цена.

Key words: advance paid labour hire, winter contract hiring, deposit, contract, value, price.

Повсеместным явлением в жизни русской деревни конца XIX – начала XX в. была так называемая *зимняя наемка*, при которой за небольшой «задаток» и по низкой цене (в среднем на 50 % ниже «летней» цены) крестьянин обязывался в будущем выполнить ряд работ [1, с. 132; 9, с. 50; 4, с. 186, 193; 6, с. 186, 206; 7, с. 243; 2, с. 42–70; 3, с. 18].

Некоторые помещики честно фиксировали создавшуюся ситуацию. Например, по словам участника Мценского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности Хвостова, «эта форма грубого ростовщичества распространена у нас, как известно, повсеместно..., ее придерживаются все наниматели, выдавая деньги вперед чуть ли не за два года» [10, с. 7]. В записке, представленной Кирсановскому комитету о нуждах сельскохозяйственной промышленности, помещики Журавлев и Ерофеев писали следующее: «Подгоняемый нуждой, потерявший всякую способность здраво рассуждать, крестьянин закабляет себя сразу несколькими землевладельцам, нисколько не заботясь о том, как он оправдается перед ними, когда настанет время отработки; у него одна мысль, одна цель: взять побольше задатков и как-нибудь частью из них заткнуть хоть – две из своих бесчисленных нужд. Но самый трагизм положе-

ния начинается, когда настает время отработки взятых задатков: все лица, у которых он таковые взял, требуют его сразу, и вот он мечется от одного к другому, от другого к третьему и пока, таким образом, как говорится, всеми правдами и неправдами не удовлетворит всех, у него не останется уже времени для нужной обработки своего жалкого клочка, но хотя бы как-нибудь всковырять его» [10, с. 7–8].

О зимней наемке мы находим указания в бумагах губернских совещаний.

Санкт-Петербургское совещание: «Отдельные крестьяне из местного населения привлекаются в летнее время к исполнению различных работ на мызах за забранные вперед в течение зимы деньги и продукты» [8, с. 20].

Тамбовское совещание: «Наем сдельных рабочих совершается большей частью осенью, т. е. за 8–10 месяцев до начала предстоящих работ» [8, с. 27]; «Вследствие неблагоприятных экономических условий, под давлением крайней нужды, чтобы как-нибудь пережить зиму и управиться с различными домашними потребностями, а в особенности с уплатою повинностей, очень многие из бедных крестьян-домохозяев берут работу на предстоящую уборку полей еще с осени, за крайне дешевую цену, чтобы только получить деньги вперед, при этом подряжаются у нескольких хозяев разом...» [8, с. 86].

Уфимское совещание: «...рабочие сами являются к землевладельцам с предложением работ, обыкновенно зимою – гораздо ранее производства таковых, именно когда у них начинают истощаться запасы продовольствия, причем такие рабочие стараются получить плату вперед, хотя бы в размере половины полной суммы за всю принятую сдельную или срочную работу» [8, с. 32]; «крайне низкий размер сей платы» [8, с. 157].

Бессарабское совещание: «Землевладельцы, чтобы обеспечить себя рабочими нанимают их заблаговременно – зимою или весною... рабочим этим выдается вперед вся или большая часть договорной платы» [8, с. 59].

Волынское совещание: случаи ухода рабочих встречаются «преимущественно среди сроковых рабочих в горячую пору и то тогда лишь, когда договоры совершены значительно ранее срока их исполнения и по ценам значительно меньшим, чем те, которые существуют в самый период исполнения работ» [8, с. 62].

Могилевское совещание: рабочие самовольно уходят с работы «при найме на отдельные работы по уборке полей в самую горячую пору; в этих случаях договаривают рабочих обыкновенно вперед, зимой или даже осенью, причем в задаток дается им значительная часть или даже вся договорная плата» [8, с. 71].

Новгородское совещание: «...условия на выполнение тех или иных работ (уборка полей, покосов и т. п.) заключены были заблаговременно...» [8, с. 73].

Оренбургское совещание: «...уклонение от работ усматривается по преимуществу со стороны пришлых рабочих, а также со стороны рабочих, заключивших договоры на уборку полей значительно ранее срока их исполнения» [8, с. 109].

Пензенское совещание: уклонения от работы встречаются «при найме на отрядные работы, значительно ранее времени их выполнения, с выдачею задатков» [8, с. 74].

Подольское совещание: «...были заключены договоры зимой или ранней весной... исполнение договора состоит в отработке раньше полученных задатков» [8, с. 75]; «Разница в ценах на рабочие руки, нередко весьма значительная, зимой, когда заключаются договоры, и летом, в страдную пору, когда эти цены сильно повышаются (вместо 20 коп. один рубль в день)» [8, с. 131].

Полтавское совещание: «Зимой заключаются договоры и на срок, и на уборку хлеба...» [8, с. 77].

Псковское совещание: «...договоры совершаются значительно ранее их исполнения ввиду того, что, в противном случае, затруднительно найти работников» [8, с. 78].

Самарское совещание: «...выдача вперед значительной части заработной платы во время заблаговременного найма сельскохозяйственных рабочих является самым главным неустройством в области отношений между нанимателями и рабочими...» [8, с. 80].

Симбирское совещание: местные рабочие уклоняются от исполнения по договорам «на уборку полей, заключенным значительно ранее срока их исполнения» [8, с. 83].

Казанское совещание: «Под влиянием нужды рабочий подряжается задолго до выполнения самых работ и получает в задаток всю или значительную часть следующей за взятую работу платы» [8, с. 111].

Нижегородское совещание: «Постоянная нужда в деньгах на уплату податей, на содержание семейства заставляет рабочего требовать жалованья или задельной платы вперед...» [8, с. 127].

Олонецкое совещание: рабочий «в силу необходимости... берет вперед сравнительно значительный задаток и соглашается на наем по сравнительно низкой цене» [8, с. 129].

Воронежское совещание: «...нанимают рабочих зимою по дешевой цене» [8, с. 64].

Киевское совещание: «...по договорам, заключенным задолго до срока исполнения их по ценам более низким, чем те, какие существуют во время исполнения договора» [8, с. 68].

Тульское совещание: «...договоры на уборку полей совершаются всегда значительно ранее срока» [8, с. 88].

К этому следует добавить тот заблаговременный наем, который осуществляли южные помещики, их приказчики и подрядчики в центрально-черноземных губерниях [11, с. 67].

Заблаговременный наем терял свою привлекательность для крестьян по мере того как они находили альтернативные источники пополнения своего скудного бюджета через участие в различных формах промысловой деятельности или через расширение земле-владения [5, с. 48].

В целом работы по заблаговременным договорам были почти в два раза дешевле, чем при найме своевременном. Этот вывод подтверждается данными по некоторым центрально-черноземным губерниям (таблица).

Таблица

Стоимость работ при заблаговременном и своевременном найме

Губернии	Стоимость работ на 1 оз. дес. заблаговременно	Стоимость работ на 1 оз. дес. своевременно	Стоимость работ на 1 дес. по средним по-денным ценам (1889–1899)	Средний процент потери при заблаговременном найме
Тульская	4,75	9,50	10,27	50%
Курская	5,30	10,0	10,29	47%
Орловская	4,75	9,0	9,25	47%
Рязанская	5,0	9,75	10,93	48%
Тамбовская	5,13	9,99	9,76	48%
Казанская	4,50	8,50	8,08	47%

Источник: Липский. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме. СПб., 1902. С. 141.

Заблаговременный наем осуществлялся при помощи ростовщической кредитной операции и кабального арендного договора. В результате зимние или даже осенние оценки труда, будучи свободны от воздействия урожаев и неурожаев, влияния спроса и предложения, действующего лишь в условиях нормального своевременного найма, складывались под воздействием жестокой нужды крестьян и монопольного произвола помещиков и кулаков, закрепляясь и освещаясь обычаями, и слабо коррелировали с изменением цен на труд и продовольствие [5, с. 96, 104, 143].

Этот феномен, с одной стороны, приводил к появлению подневольного рабочего, а с другой – через понижение заработной платы

вызывал эффект рыночно-кабального понижительного усреднения цен на рабочие руки, который препятствовал развитию рынка труда и в конечном итоге нормальной рыночной нивелировке. Это возникло потому, что наем приурочивался помещиками к осени и зиме, когда предложение рабочих рук сильно превышало спрос в отличие от «летней» наемки, при которой должна была действовать обратная закономерность: превышение спроса над предложением.

Зимняя наемка порождала не только социально-экономические проблемы, но и приводила к серьезным нравственным последствиям, развращая крестьянина: «Будучи обременен работой сверх физической возможности, последний привыкает небрежно относиться ко взятым на себя обязательствам и понемногу становится негодным к деловым сношениям вообще» [2, с. 62]. В ответ на произвол и кабалу у крестьян рождалось «стремление обмануть, провести» [10, с. 6].

Таким образом, через зимнюю наемку реализовывались экономические интересы различных социальных слоев. Используя ее, наниматели (сельскохозяйственные и промышленные) понижали уровень заработной платы, повышали прибыль и гарантировали свои предприятия рабочей силой, землевладельцы увеличивали ренту, кулачество усиливало кабалу односельчан, подрядчики получали гешефт, волостное начальство выбивало налоги, крестьяне пытались выжить и решить свои податные и долговые проблемы.

Список литературы

1. Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве. Общественно-юридические очерки. – М., 1899.
2. В.В. Зимняя наемка // Наблюдатель. – 1885. – № 2.
3. Голубев П.А. Подать и народное хозяйство // Русская мысль. – 1893. – Кн. VII.
4. Клиngen И. Описание Волчанского уезда Харьковской губернии в сельскохозяйственно-статистическом отношении. – Харьков, 1882.
5. Липский. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме. – СПб., 1902.
6. Материалы для оценки земель Херсонской губернии. – Херсон, 1886. – Т. II. Елисаветградский уезд (Статистико-экономическое описание уезда).
7. Нужды сельского хозяйства и меры их удовлетворения по отзывам земских собраний. – СПб., 1899.
8. Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 г. о найме на сельские работы. – СПб., 1898. – Ч. 1. Заключение губернских совещаний.
9. Свидерский Ф.И. Народные скитания // Земский сб. Черниговской губернии. – 1890. – № 2.
10. Хижняков В.В. Об условиях найма на сельские работы. – СПб., 1904.
11. Шаховской Н.В. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. – СПб., 1895.

«Греческий проект» Екатерины II и стиль *goût grec* в русском декоративно-прикладном искусстве последней четверти XVIII в.

В конце 1760-х гг. в России появляются предметы декоративно-прикладного искусства, подражающие французскому *goût grec*. В 1770–1780-е гг. в связи с идеей «греческого проекта» русские художники-декораторы пытаются разрабатывать собственные произведения в «греческом» стиле. В предметах интерьера стали применять древнегреческие пластические мотивы, появились изделия, оформленные многофигурными «античными» сценами.

At the end of the 1760s. the objects of decorative art, imitating the French *goût grec*, appear in Russia. In the 1770-1780-ies. in connection with the idea of the Greek project Russian painters, decorators attempt to develop their own work in "Greek" style. The interior objects use ancient plastic Greek motives, there are products designed in multifigured "antique" scenes.

Ключевые слова: Россия, классицизм, Екатерина II, «греческий проект», «греческий» стиль, декоративно-прикладное искусство.

Key words: Russia, classicism, Catherine II, Greek Project, «Greek" style, decorative art.

Большую половину царствования Екатерины II «греческий проект» был для России главным стимулом её внешнеполитической жизни и темой многих культурных начинаний. Главной целью этого грандиозного плана было отвоевание у Османской империи побережья Малой Азии, Константинополя и проливов, в конечном счете освобождение территорий бывшей Византийской империи. «Планировалось основательно перекроить турецкие владения: из Молдавии, Валахии и Бесарабии создать новое независимое государство под древним именем Дакия и управлением православного государя; восстановить греческую империю, на престол которой посадить Константина¹» [31, с. 27].

Агрессию первой проявила Османская империя. Подстрекаемая Англией и Францией, своей давней союзницей, в 1768 г. турецкая армия начала военные действия на юго-западных рубежах России. Летняя кампания 1770 г. принесла русской армии небывалые побе-

ды, одержанные П.А. Румянцевым при Ларге и Кагуле и А.Г. Орловым при Чесме. Эти события вызвали невероятный резонанс в искусстве. Возникли Чесменский дворец и Чесменская церковь; в Большом Петергофском дворце был устроен Чесменский зал, в Гатчинском дворце – Чесменская галерея; в императорских садах появились обелиски, посвященные Чесменскому сражению; Кагульский обелиск был сооружен в Царском Селе, Румянцевский – почти через три десятилетия в Санкт-Петербурге и т. д.

Первые победы привели к формированию идеи «греческого проекта», составленного Г.А. Потемкиным в 1777–1778 гг. [10]. Жизнь огромного государства и частная жизнь членов императорской семьи стала подчиняться этому плану. Родившийся в 1777 г. внук Екатерины II был назван Александром в честь Александра Великого. Когда же в 1779 г. родился ее второй внук, его назвали Константином в память последнего византийского императора Константина XI. Государыня «приставила к нему няньку-гречанку и камердинера-грека (гр. Курута)», благодаря которым мальчик получил греческое воспитание [28, с. 442, прим. 109], овладел новогреческим языком и азами древнегреческого [7, с. 481]. Древнегреческий язык изучал Г.А. Потемкин¹.

В конце 1770-х гг. затея с «греческим проектом» привнесла новизну в зарождающийся стиль классицизма в России. В это время античная традиция стала превалировать, хотя славянские государства и Закавказье и ранее также были тесно связаны в лице Византии «с собственно эллинистическим античным художественным наследием» [23, с. 12]. Древняя Русь, восприняв в IX–X вв. позднеантичное искусство через призму христианства от Византии, пронесла эти традиции вплоть до XVIII в. Многие исследователи усматривали преемственность между образностью греческой классики и русским церковным искусством [12, с. 39–42; 1, с. 24; 41, с. 122]. В русской культуре XVIII в. определение «греческий» нередко всё еще означало «византийский» [27, с. 64; 26, с. 264–265]. Возникшие в связи с «греческим проектом» устремления Екатерины II подталкивали ее к изучению истории и искусства Древней Греции и Византии, но их материальные памятники были недоступны из-за отсутствия культурных контактов с Османской империей.

Новое увлечение классикой пришло в Россию из Франции, как считают, в связи с приглашением в 1759 г. Ж.-Б.-М. Валлен-Деламота (1729–1800). Ни в Европе, ни в России в это время не ис-

¹ Он же способствовал тому, что в 70-80-х гг. XVIII в. чиновником из Новороссии Петром Екимовым был впервые сделан русский перевод произведений Гомера. Наиболее популярным стал стихотворный перевод «Илиады» Е.И. Кострова 1787 г., выполненный легким и изящным александрийским стихом [37, с. 103–104].

пользовались термины «классицизм» и «неоклассицизм». В конце 1761 г., т. е. еще в правление Петра III, Валлен-Деламот спроектировал дворец графа И.Г. Чернышева на углу Мойки и Вознесенского проспекта. Будущий владелец этого новаторского сооружения писал: «Я льщусь, что выйдет хороший дом очень простой архитектуры, но хорошо убранный, великолепно, благородно и со вкусом, но без золота и серебра» [38, с. 345]. Парадные фасады этого дворца, возможно, соответствовали греческому вкусу (*goût grec*), популярному во Франции с начала 1760-х гг., так как современник графа И. Бернулли после осмотра дворца определяет его стиль так: «построен на французский манер» [38, с. 347].

Когда в Западной Европе в 1750-е гг. стало формироваться мнение, что всем хорошим архитектура и искусство обязана древним грекам, точно никто не знал, как выглядела их архитектура и материальный мир. При начале раскопок в Геркулануме в 1738 г. (обнаружен в 1709–1711 гг.) найденные предметы считали греческими. Во Франции около 1760 г. предметы в стиле *à la grecque* или *goût grec* делали по Геркулануму и по Помпеям, руины которых были открыты в 1748 г. Один из очевидцев – Фердинанд Галиани, секретарь неаполитанского посольства в Париже, – писал в 1763 г.: «После того как были изгнаны картушки, растительный орнамент и изогнутые линии, порождения французских архитекторов, все предалось увлечению древностью, причём с такой страстностью, что этот вкус, возникший всего четыре года назад, уже перешёл всякие границы. Эта новая мода называется *à la grecque* (или – что то же самое *-all'Erculanum*). Но по Геркулануму копируют не только бронзу, резьбу и картины, но и табакерки, веера, серьги, мебель; всё это имеется уже *a la grecque*. Все золотых дел мастера, ювелиры, маляры, обойщики, столяры, все без геркуланумовских гравюр не могут обойтись» [5, с. 74]. Копировали предметы как с оригиналов, доставляемых с раскопок, так и благодаря своеобразным официальным отчетам – «геркуланским» книгам, издаваемым под покровительством «короля Неаполя, Испании и Индии» Карла III [43].

Посетить памятники непосредственно в Греции первыми отважились члены английского Общества дилетантов после поездки в 1748 г. в Неаполь и к архаическим храмам Посейдонии. «Самые энергичные из них Дж. Стюарт и Н. Реветт, архитекторы и художники, предприняли путешествие в Грецию с целью зафиксировать и издать шедевры античности. Спонсоры помогли их пребыванию в Афинах в 1751–1755 гг. и их контактам с турецкой администрацией» [42, р. 793–794, цит. по 19, с. 101]. По итогам их экспедиции вышло четыре тома «Афинских древностей...» (1762–1816). Второй том, посвященный Акрополю, впервые дал европейцам возможность судить о вершинах зодчества античной Греции [19, с. 101].

В то время, когда еще не были изданы отчеты Дж. Стюарта и Н. Реветта, в путешествие по Греции в 1754–1755 гг. отправился французский архитектор Давид Леруа (*Le Roy*), осуществивший его при поддержке графа А.-К.-Ф. Кейлюса де Леви (1692–1765). В 1758 г. Леруа опубликовал «Руины лучших памятников Греции», второе переработанное издание вышло в 1770 г. [44, с. 150].

В 1750–60-х гг. началось «открытие» Пестума. Рисунки французского архитектора Ж.-Ж. Суффло (1713–1780), зарисовавшего доричку древних храмов, впоследствии гравировал Дюмон (1764) [35, с. 67]. Как раз в это время вышли в свет «Греческие храмы Сицилии» Д'Орвиля (1764 г.) [16, с. 12]. Ряд других фундаментальных исследований ввели в научный и художественный оборот архитектурное наследие Великой Греции и Малой Азии¹. «*Les Ruines de Pestume...*» (вероятно, Major, 1768) получила в дар от И.И. Бецкого библиотека Российской Академии художеств [21, с. 142].

Уже было известно, что многие римские статуи сделаны по греческим оригиналам, но определять, какая именно греческая, не умели. Этому начал учить историк античного искусства И.И. Винкельман (1717–1768), который писал с раздражением: «Чуть только хорошая фигура оказывается облаченной не в сенаторское одеяние, как ее объявляют греческой, хотя мы располагаем статуями сенаторов работы известных греческих мастеров» [6, с. 8]. И.И. Винкельман приводил и другие интересные свидетельства о том, с какой наивностью «знатоки» древности проводили экспертизу [6, с. 496–497, прим. 8].

Произведения Винкельмана дошли до России не ранее 1769 г., когда Д.А. Голицын (1734–1803), состоявший с 1765 по 1768 г. русским посланником в Париже, прислал в Академию художеств три собственных компилятивных сочинения, в которых излагались идеи Винкельмана [20, с. 156]. В 70-е гг. профессор Московского университета И.Г. Рейхель (1727–1778) призывал студентов изучать труды немецкого ученого «с великим прилежанием» [30, цит. по 13, с. 149]. «История искусства древности» Винкельмана была в библиотеке Е.Р. Дашковой. Книгу подарил ей испанский посланник при папском дворе Х.-Н. Азара во время ее путешествия по Италии в 1781 г. [36, с. 148]. Труд Винкельмана встречается и в библиотеке боевого генерала и библиофила П.И. Панина (лейпцигское издание 1787 г.) [13, с. 148].

¹ Можно назвать J. Berkenhout «*The Ruins of Poestum or Posidonia, a City of Magna Graecia in the Kingdom of Naples*» (London, 1767), Th. Major «*The Ruins of Paestum otherwise Posidonia*» (London, 1768), N. Revett «*The Antiquities of Ionia*» (London, 1769–1797).

С идеями И.-И. Винкельмана была знакома Екатерина II, в начале 80-х гг. XVIII в. она приобрела для себя трехтомное лейпцигское издание на французском языке (1781–1784), наградив между прочим «золотой медалью Михаэля Губера (1727–1804), переводчика на французский язык «Истории искусства древности», а ее титул – «S. M. l'impératrice de toutes les Russies» – открывает список подписчиков этого издания» [13, с. 147]. У нас, однако, нет сведений, чтобы Екатерина читала Винкельмана.

В Риме на протяжении не одного десятилетия продолжался спор между сторонниками *греческого* (И.-И. Винкельман, А.-Р. Менгс, И.-Ф. Рейфенштейн и др.) и *римского* (Дж.-Б. Пиранези, Ш.-Л. Клериссо, Ж.-М. Вьен, составлявшие одно время триумvirат [22, с. 234] и др.), который вели художники, археологи-самоучки, коллекционеры, скульпторы-реставраторы. Русская императрица, скорее всего, предпочитала Винкельману (и лагерю «греков») рисунки прекрасного знатока античной архитектуры и римских памятников Ш.-Л. Клериссо и гравюры знаменитого Дж.-Б. Пиранези (оба сторонники той точки зрения, что «римский» стиль существовал как самостоятельный), не имея никакого представления о борьбе этих двух направлений.

Постепенно, к 60-м гг. во Франции «греческий» стиль вошел в декоративно-прикладное искусство. Первые проекты с неоклассической мебелью были изданы здесь в 1765 и 1768 гг. Жаном-Франсуа Нефоржем (1714–1791). Другим дизайнером этого тяжеловесного стиля был Жан-Шарль Делафосс (1734–1789), который опубликовал свои гравюры в 1768, 1773, 1776 и 1785 гг. [44, с. 150]. Уже в те времена считалось, что новый стиль был заведен в год окончания Семилетней войны (1763) и стал популярным в связи с быстрым экономическим подъемом. От него так же легко отказались незадолго до 1770 г., обвинив в неоправданных трудностях и перегруженности [44, с. 150]. Греческий вкус «оказывается слишком выпрненным и тяжеловесным. Общество, воспитанное в рокайльном уюте, пока еще не согласно встать на античные котурны и отказаться от человеческого масштаба окружающих предметов, от форм, ласкающих глаз...» [29, с. 14], но конкретные проекты мебели, бронзовых изделий и каминов в подобном стиле публиковались в 70 – 80-е гг. XVIII в. Р. Лоланд, Ж.-Б. Форти и др. [29, с. 14].

Возможно, что впервые интерес к французскому *goût grec* продемонстрировала Екатерина II, когда в конце 60-х гг. заказала парижскому мастеру Ж.-Н. Ретье серебряный сервиз для графа Г.Г. Орлова. Почти одновременно на Императорском фарфоровом заводе для Орлова был выполнен туалетный сервиз (кон. 1760-х, проект Г.И. Козлова, роспись А.И. Черного), оформление которого балансировало на грани между принципами декорирования в стили-

стике русского барокко и французского *goût grec*, что особенно заметно в фарфоровом чайнике.

В том же стиле в 1769 г. французский мастер «формовального, литейного, чеканного и золотарного» дела А. Симон создал, возможно для императрицы, баллотировщик и зеркало [34, с. 258–260; 33, с. 42; 17, с. 250–251].

Факты говорят о том, что предметы в явном «греческом» стиле создавались в России до оформления идеи «греческого проекта». Предметы, тематически связанные с ним, появились уже после того, как «проект» был сформулирован. «Пограничное» местоположение как по теме, так и по стилистике занимают четыре «Орденских» сервиза, созданные на заводе Ф. Гарднера в Вербилках под Москвой в 1777–1785 гг. Н.В. Сиповская, отмечая «значимость орнаментального проекта», созданного для них Г.И. Козловым, невольно приводит нас к мысли, что сервизы можно отнести к стилистике *goût grec*. «Очевидно, что инвентар идет простым и практичным путем, самым очевидным образом расположив знаки орденов на предметах, – ленты по борту и звезды в центре. Однако этот ход неожиданно придает декору бóльшую строгость и входящую тогда в моду классичность. При этом из-за простого сочетания зеленого фона <...> с горячей гаммой орденской символики конечный продукт является контрастную, если не сказать, варварскую цветность, нарядную полихромия, которая спокон веку занимает чуть ли не ведущее место в национальном представлении о прекрасном. И все это как-то само собой, без умствования и натуги, без углубленных раздумий на тему специфических свойств фарфора...» [32, с. 233].

Возможно, воздушные грациозные столики на тонких ножках из дворцов екатерининского времени восходят к греческому столику-трапедзе, хотя они пришли в русский классицистический интерьер не из античности, а из западноевропейской мебели. Такие столы специально проектировались для вновь созданных личных комнат Екатерины II. В их отделке применялись поделочный камень, стекло, серебряная фольга и другие материалы, что говорит о моде на эти предметы обстановки.

Собственной оригинальной находкой в «греческом» стиле можно считать дамский рабочий столик с кариатидами из глазурированного фарфора и фарфоровой столешницей – шедевр русского декоративно-прикладного искусства конца XVIII в. (1789 г.), находящийся в Будуаре Павловского дворца. Возможно, этот предмет интерьера был создан по рисунку Н.А. Львова. Модель фигур на ножках предположительно принадлежит Ж.-Д. Рашетту¹.

¹ Это не подтверждено документально, и всегда было предположением. Однако, в сводном каталоге Павловска по фарфору и Н.В. Сиповской эта мысль высказывается уже без сомнения [8, с. 28; 33, с. 72].

И.Р. Багдасарова сравнила фигуры фарфоровых кариатид, задрапированных покрывалом, с портиком кариатид храма Эрехтейона на Афинском акрополе [2, с. 112], но здесь исследователь имеет в виду не буквальное подражание пластике фигур, а использование обобщенного образа этого сооружения как знака самых необычных построек античного мира и одновременно самых модных тенденций в русском мебельном искусстве последних десятилетий XVIII в.

Сейчас ученым удастся увидеть в фарфоровой пластике «Кабинетского» и «Приданных» сервизов (1793–1802 гг.) реплики знаменитых древнегреческих скульпторов Скопаса, Лисиппа, Бозфа [2, с. 95, 99, 113]. Краснофигурную греческую керамику наиболее близко повторяли в отечественном фарфоре в последнее десятилетие XVIII в., применив для ее стилизации роспись золотом по кобальтовому фону. В этом отчасти подражали стилю Дж. Веджвуда, а также декору, придуманному мастерами Королевской фарфоровой мануфактуры в Севре. Несмотря на то, что еще в 60-е гг. XVIII в. И.-И. Винкельман писал о необоснованности названия «*этрусские сосуды*» для всей античной керамики [6, с. 95], греческую расписную керамику в XVIII в. не считали греческой, она долго фигурировала как этруская, и стиль русских ваз, оформленных таким образом, называли «*этрусским*».

Около 1780 г. на Императорском фарфоровом заводе, вероятно по проекту Ж.-Д. Рашетта, были подготовлены вазы с портретами правителей Сирии и Египта Селевка и Птолемея (ГРМ), правителей-диadoхов Македонии Кассандра и Антигона (ГЭ) [39, с. 35; 25, с. 91; 2, с. 120]. Изначально ансамбль состоял из четырех ваз, который, видимо, был создан в связи с визитом в Россию в 1780 г. австрийского императора Франца-Иосифа II [14, с. 46]. Портреты великих правителей древности символизировали русско-австрийский союз [39, с. 35], который и был тайно заключен в 1780 г. в Могилеве для осуществления «греческого проекта» [27, с. 61].

В начале 90-х гг. XVIII в. на двух знаменитых бюро крепостного столяра статского советника А.В. Салтыкова Матвея Яковлевича Веретенникова в технике маркетри были виртуозно выполнены многофигурные «античные» сцены, связанные сюжетной линией с «греческим проектом». На одном из них, находящемся в экспозиции Гатчинского дворца, – эпизоды из жизни Александра Македонского, на втором, из собрания Царского Села, – сцены путешествия Екатерины II в Крым [24; 15; 4].

Вскоре после «бескровного» присоединения Крыма (1783) Потемкин устроил для императрицы грандиозное турне по югу России. В 1787 г. Екатерина осматривала свои владения «в сопровождении многочисленной свиты – министров, дипломатов, художников, поставив целью посещение Херсона – нового военного порта, Бахчи-

сарая – столицы крымских ханов и Севастополя – одной из лучших гаваней, в которой ее встречал созданный князем Потемкиным флот» [4, с. 251]. После возвращения русской императрицы из путешествия по южным землям Потемкин получил прибавку к фамилии «Таврический» (1787), а политическая демонстрация Екатерины II вскоре привела Россию ко 2-й русско-турецкой войне (1787–1791).

Центральная композиция бюро Веретенникова из собрания музея в Царском Селе с изображениями Павловска, Гатчины, Константинополя и Тавриды «изображает высадку императрицы со свитой на берег навстречу процессии, направляющейся к ней с ключами (в символическом смысле – от Царьграда)» [4, с. 140].

Когда в 1787 г. Рашетт работал над барельефами для Таврического дворца, то два из них носили название «Путешествие Екатерины II в полуденный край России» и «Милосердие Екатерины II в Херсоне» (оба в ГРМ) [9, с. 316–317]. В рельефах он изображал те же события, что застыли в филе «Арабескового» сервиза (1784), и те же сцены, которые в виде «наклеенных» картин помещены на полуциркульном бюро Веретенникова из собрания музея в Царском Селе. Есть предположение, что к разработке сцен на крышках бюро имел отношение Н.А. Львов. По поводу Царскосельского бюро И.К. Ботт предполагает авторство англичанина У. Хэдфилда, находившегося в свите императрицы во время путешествия в Крым [4, с. 142].

На цилиндрической крышке гатчинского бюро Веретенников, по видимому, изобразил сцену в Иерусалимском храме, где Александру было прочитано пророчество Даниила о покорении царем греческим Персидского царства. События происходили сразу после взятия г. Тира. На торцах бюро, возможно, изображены сцены «Плененная Роксана перед Александром Македонским» и «Александр Македонский оказывает почести семье Дария». На эту мысль наводят параллели с живописными произведениями. В 1756 г. для Екатерины Алексеевны П. Ротари исполнил картину «Александр Великий и Роксана». Позже гамбургским художником, преподавателем класса исторической живописи Академии художеств А.-К. Гюне (1749–1813), были написаны большие полотна «Таврида принимает законы Российские» (1789) и «Взятие города Тира Александром» (1791). С. Эрнст в 1916 г. описывал одну из картин, находящуюся в Гатчинском дворце: «"Взятие Тира" отлично по своему движению – среди смятенных толп, к полуразрушенным великим стенам Тира, увенчанным бранным пламенем, спешит на белом коне прекрасный герой, в сияющем шлеме – навстречу ему склонилось несчастное семейство Дария» [40, с. 95].

Не только в русских, но и в заграничных предметах декоративно-прикладного искусства отразились русские внешнеполитические

события. В Музее тканей в Лионе Н.Ю. Бирюковой удалось обнаружить несколько образцов шелка, исполненных знаменитым французским мастером Ф. де Лассалем (1723–1804) для русского двора на фабрике Пернона. Среди них наиболее интересны фрагменты с аллегорической композицией, посвященной победе Г.Г. Орлова при Чесме (среди цветов герб в медальоне, гибнущий в волнах турецкий корабль и тонущий турок), и ткань с символическим изображением завоевания Крыма [3, с. 188].

Часто употребляемым греческим мотивом можно считать медальоны и профильные портреты императрицы Екатерины II и членов ее семьи, восходящих к греческой вазописи и искусству камеи. Рельефные изображения Екатерины II в образе римской богини Минервы помещали на вазах, монетах, на золотых табакерках и костяных медальонах. Характер личности Екатерины II соответствовал представлению классицизма о правителе: сильном, благородном, умном, бесстрашном. Екатерина, умевшая смолоду примениться к любой обстановке, говорила про себя: «Я как Алкивиад, уживусь и в Спарте, и в Афинах» [11, с. 27]. Сохранился другой характерный анекдот. И.И. Шувалов, вернувшись из Италии, сообщил Екатерине, что там художники делают ее профиль по бюстам и медалям Александра Македонского и вполне довольны получаемым сходством. Она шутила над этим с видимым самодовольством [11, с. 295].

Несмотря на значительные результаты своей внешней политики, к концу жизни русская императрица потеряла веру в возможность возродить Византийскую империю. Со смертью всесильного фаворита Г.А. Потемкина, её главного единомышленника в греческих делах, наступила длинная пауза в решении восточного вопроса. К тому же события во Франции поменяли расстановку сил на европейской арене. С воцарением Павла I «греческий проект» ушел в прошлое и трансформировался в идею объединения двух христианских ветвей. Главным внешнеполитическим делом стал мальтийский вопрос.

Наш неполный обзор декоративно-прикладного искусства последней четверти XVIII в. позволяет сделать вывод, что в начале екатерининского правления предметы убранства модного интерьера в России испытали влияние стилистической ситуации во Франции. С конца 70-х гг. XVIII в. в ограниченном количестве произведений искусства мы можем наблюдать самостоятельные шаги стилизации «под греков». В дальнейшем, несмотря на большее увлечение искусством Древнего Рима, в предметы русского декоративно-прикладного искусства последней четверти XVIII в. были заложены сюжеты о военных и мирных акциях «греческого проекта».

Список литературы

1. Алленов М.М. Образы античности в русской живописи // Античность в европейской живописи XV – начала XX в.: альбом. – М., 1984. – С. 24-32.
2. Багдасарова И.Р. Античные реминисценции в русском императорском фарфоре второй половины XVIII в.: дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2011.
3. Бирюкова Н.Ю. Прикладное искусство Франции XVII–XVIII веков. – СПб., 2002.
4. Ботт. И.К. Царскосельская мебель и ее коронованные владельцы. – СПб., 2009.
5. Винкельман И.-И. Избранные произведения и письма / пер. А.А. Алявдиной; под ред. Б. Пшибышевского. – М., 1996 (репринт изд. 1935 г.).
6. Винкельман И.-И. История искусства древности. Малые соч. Подг. И.Е. Бабанов. – СПб., 2000.
7. Выскочков Л.В. Император Николай I и античные древности // История: мир прошлого в современном освещении: сб. науч. ст. к 75-летию проф. Э.Д. Фролова / под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. – СПб., 2008. – С 475–495.
8. Государственный музей-заповедник Павловск. Т. VII. Фарфор. Вып. 1. – СПб., 2009.
9. Карпова Е.В. Памятник П.А.Румянцеву-Задунайскому (материалы к изучению творчества Ж.-Д. Рашетта) // Карпова Е.В. Русская и западноевропейская скульптура XVIII – начала XX в. – СПб., 2009. – С. 309–325.
10. Керсновский А.А. История русской армии. – М., 2004. – URL: http://www.oldru.com/army/04_03.htm А.А.
11. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Курс русской истории. – М., 1989. Т. IV.
12. Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: Программа-конспект лекционного курса. – М., 2000.
13. Космолинская Г.А. Что знал русский читатель XVIII в. о раскопках Геркуланума? // Век Просвещения: Le Siècle des Lumières. IV. Античное наследие в европейской культуре XVIII в. – М., 2012. – С. 140–158.
14. Кудрявцева Т.В. Русский императорский фарфор. – СПб., 2003.
15. Кучумов А.М. Русское декоративно-прикладное искусство в собрании Павловского дворца-музея. – Л., 1981.
16. Лансере Н.Е., Голлербах Э., Талепоровский В. и др. Камерон: сб. ст. – М.; Пг., 1924.
17. Литвин Т.А. Образ античного треножника в русском декоративно-прикладном искусстве второй половины XVIII в. // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 15 (Искусствоведение). Вып. 4. – СПб., 2012. – С. 245–260.
18. Лосева А. Петергоф и Ореанда эпохи романтизма // Вопр. искусствознания. – № 2 (XI). – М., 1996. – С. 92–108.
19. Михайлова М.Б. Тема акрополя в русском и европейском градостроительстве первой половины XIX в. // Архитектурное наследие. Вып. 40. НИИ теории архитектуры и градостроительства. – М., 1996. – С. 101–108.
20. Мозговая Е.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Идеи И.И. Винкельмана и Петербургская Академия художеств в XVIII столетии // XVIII век. Сборник № 22 Рос. АН, Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). – СПб., 2002. – С. 155–179.
21. Молева Н., Белютин Э. Педагогическая система Академии художеств XVIII в. – М., 1956.

22. Неверов О.Я. Д.-Б. Пиранези – собиратель античной скульптуры // Музей 4: худ. собр. СССР. – М., 1983. – С. 234–244.
23. Памятники мирового искусства. Искусство этрусков и Древнего Рима. – М., 1982 / авт. Ю.Д. Колпинский, Н.Н. Бритова.
24. Попова З.П. Русская мебель конца XVIII в. / под ред. А.Б. Салтыкова. – М., 1957.
25. Попова И.П. Фарфоровые вазы екатерининской эпохи в коллекции Русского музея // Звезда Ренессанса. – СПб. – 2007. – № 6. – С. 90–93.
26. Путятин И. Образ храма в России эпохи Екатерины // Вопр. искусствоведения. № 1 (X). – М., 1997. – С. 262–268.
27. Путятин И.Е. София Константинопольская и «греческий проект» в русской церковной архитектуре // Николай Львов. Прошлое и современность: материалы науч. конф. Гатчина; СПб., 2005. – С. 56–66.
28. Пыляев М.И. Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы. – СПб., 2003.
29. Ракова А.Л. XVIII век в зеркале орнаментальной гравюры. Каталог выставки из собрания Эрмитажа. – СПб., 1997.
30. Рейхель И.Г. Слово о способе, каким древние возбуждали в гражданах любовь к отечеству. На высокотожественный день рождения <...> Екатерины II <...> празднованный апреля 22 дня, 1775 г. в Императорском Московском университете / пер. с лат. Х. Чеботарев. – М., 1775.
31. Санкт-Петербург и античность: сб. ст. / авт. Л.И. Давыдова и др.; науч. ред. Е.В. Мавлеев. – СПб., 1993.
32. Сиповская Н.В. Фарфор в России XVIII века. – М., 2008.
33. Сычев И. Русская бронза. – М., 2003.
34. Тройницкий С.Н. Баллотировальник екатерининского времени // Изв. Рос. Академии истории материальной культуры. Т. I. № 24. 1921. – С. 258–260.
35. Турчин В.С. Французское искусство от Людовика XVI до Наполеона. – М., 2007.
36. Тучков И.И. «Записки» Екатерины Романовны Дашковой о пребывании в Италии // Итальянский сб. Вып. 1. – М., 1999. – С. 121–150.
37. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. – СПб., 1999.
38. Шуйский В.К. Жан Батист Валлен-Деламот // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. – СПб., 1997. – С. 326–378.
39. Эмме Б.Н. Русский художественный фарфор. – М.-Л., 1950.
40. Эрнст С. Из картинной галереи Гатчинского дворца. Несколько картин иностранных художников, работавших в России // Старые годы. 1916. Окт.-дек. – С. 92–98.
41. Янсон Х.В., Янсон Э.В. Основы истории искусства (1-е изд. на рус. яз.). – Нью-Йорк; СПб., 1996.
42. Colvin, H. A biographical dictionary of British architects 1600–1840. – London, 1978.
43. Della Antichità di Ercolano. T. I-IX. Napoli, Nella Regia Stamperia. 1757–1831.
44. Ottomeyer H., Pröschel P. Vergoldete Bronzen. Die Bronzearbeiten des Spätbarock und Klassizismus. Munich, 1986. B. I.

УДК 94(47) «132/133»:745/749

Н. А. Петрова

Митрополит Феогност и псковско-новгородские церковные взаимоотношения

В статье исследуется проблема управления митрополией Киевской и всея Руси во время святительства митрополита Феогноста. Автор рассматривает этот вопрос на основе анализа псковско-новгородских церковных отношений во второй половине 20-х-начале 30-х гг. XIV в.

На основе событий региональной истории делается вывод о том, что управление церковью, осуществляемое Феогностом, определялось, прежде всего, нормами канонического права и традиционной для патриархата политикой, направленной на сохранение централизованного управления церковью, а не личными предпочтениями и симпатиями по отношению к Великому князю Московскому.

The article considers the issue of administering the Kievan Metropolia and the Church of Rus under Metropolitan Theognostus. The author's analysis is based on the study of the church relationships between Pskov and Novgorod from the 2nd half of the 1320s till the beginning of the 1330s.

On the basis of the regional history it is deduced that the manner of Church administration chosen by Theognostus was determined by the rules of canon law and traditional patriarchal policy aimed on preserving the centralized Church administration, rather than personal preferences and affection towards the Grand Prince of Moscow.

Ключевые слова: Средневековая Русь, Северо-Западная Русь XIV в., Северо-Восточная Русь XIV в., Великое княжество Литовское, Константинопольский патриархат, митрополия Киевская и всея Руси, новгородское архиепископство, церковное управление.

Key words: medieval Rus, northeastern Russia in the 14th century, northwestern Russia in the 14th century, Velikoe Kniazhestvo Litovskoe, Grand Duchy of Lithuania, Patriarchate of Constantinople, Metropolia of Kiev and of All Rus, archdiocese of Novgorod, Church administration.

В эпоху средневековья границы церкви и «гражданского» общества совпадали, а социально-политические и культурные процессы взаимообуславливали друг друга. Поэтому анализ исторических событий и явлений средневековья невозможен без рассмотрения церковного и мирского начал общественной жизни эпохи в их тесном взаимодействии.

В историографии сформировалось традиционное представление о том, что церковь и ее глава митрополит Киевский и всея Руси были верными сторонниками великих князей Московских, что явилось одним из факторов, предопределивших возвышение Москвы как общерусского политического центра [11, с. 225; 15, с. 305; 43, с. 49].

Однако полагаем, что деятельность митрополита Киевского и всея Руси определялась не политическими симпатиями, а, прежде всего, нормами канонического права и традиционной для константинопольского патриархата политикой, направленной на усиление административного контроля над митрополией Киевской и всея Руси, на противостояние центробежным тенденциям и сохранение единства митрополии как части «византийского содружества» [26, с. 390–391].

Последовательным проводником византийской политики являлся митрополит Феогност. Участие иерарха в жизни псковской вечевой общины стало практическим воплощением этой политики.

Псков являлся составной частью Новгородской епархии, церковное управление здесь осуществлял новгородский владыка. Архиепископ пользовался большим авторитетом, все клерикальные дела области находились в его ведении, от него же зависело экономическое управление епархией. Владыка обладал правом суда над церковными людьми и разбирательства по некоторым гражданским делам. Помимо этого, в XIII–XIV вв. в ведение главы епархии перешли некоторые внешнеполитические функции: регулирование отношений с другими странами и русскими князьями, заключение и утверждение договоров. К 30-м гг. XIII в. в крупных городах русских епархий появился владычный наместник, который осуществлял управление от имени главы местной церкви. Заботясь о своей пастве, владыка совершал регулярные объезды территории епископии, осуществлял суд, получал полагающиеся ему пошлины, «подъезды», рукополагал священников, освящал храмы и участвовал в богослужениях, а в период между этими визитами управление областью осуществлял его наместник [49, с. 40, 42, 44–45; 50, с. 70–73, 93, 99].

Вопрос о появлении института владычных наместников на территориях, подвластных Новгородской церкви, из-за отсутствия данных письменных источников решается на основе анализа сфрагистического материала. Традиционным типом анонимных владычных печатей Новгорода, прикладывавшихся от имени архиепископа его уполномоченными, были буллы, несущие на лицевой стороне изображение креста, а на оборотной – поясное изображение Богоматери «Знамение». Имеющиеся сегодня в распоряжении исследователей данные свидетельствуют о том, что в конце XIII в.

постоянные представители новгородского архиепископа были в Ладогe и Торжке [4, с. 190–192; 52, с. 79; 24, с. 205–216].

Вероятно, в Пскове институт представителей архиепископа формировался по аналогии с таким же учреждением в других областях новгородской епархии, о чем свидетельствует традиционный тип владычных печатей, использовавшихся в канцелярии псковского наместника архиепископа.

Обращаясь к анализу псковских печатей, связанных с владычным наместничеством, Н.П. Лихачев полагал, что к началу XIV в. этот властный институт церкви в городе на берегах р. Великой уже существовал [21, с. 234]. В целом это мнение разделили С.В. Белекций [2, с. 79; 3, с. 83] и А.Е. Мусин [27, с. 274–275]. Последний предположил, что владычное наместничество в Пскове существовало с конца XIII в., и эту должность занимали настоятели Мирожского монастыря [27, с. 274–275].

Согласно наблюдениям В.Л. Янина, институт представителей архиепископа в Пскове появился в первой половине XIV в. [51, с. 252–254]. С этими выводами согласились И.К. Лабутина, О.К. Волочкова, В.И. Лабутин [20, с. 226–227].

Возможно, владычные наместники появились в Пскове одновременно с учреждением этого института в Ладогe и Торжке в конце XIII в. – самом начале XIV в. На это указывают не только данные сфрагистики, но и то, что первые упоминания о конфликтах псковичей с их владыкой относятся к началу XIV в. [40, с. 88].

Причинами конфликтов было то, что Псков с последней трети XIII в. стремился к политическому обособлению от Волховской столицы¹, одновременно пытался ограничить влияние новгородцев в области организации церковного управления. Псковичи настаивали на том, чтобы должность наместника архиепископа занимал представитель местной общины, и таким образом влияние новгородцев в церковных делах Дома Святой Троицы было бы ограничено регулярными визитами главы епархии. Эти устремления псковичей приводили к «немирьям» с новгородским владыкой. Первый известный нам конфликт Пскова с архиепископом Феоктистом произошел в 1307 г. [40, с. 88]. Впоследствии такие «немирья» стали довольно частым явлением, в продолжение всего XIV в. они влияли на политику этой вечевой общины Северо-Западной Руси, ее взаимоотно-

¹ Эти устремления мы связываем с тридцатитрехлетним княжением в Пскове Довмонта-Тимофея (1266–1299 гг.). В годы его правления в общественно-политической жизни этой вечевой общины появляются новые явления – стремление к обособлению от Новгорода, определяются основные интересы и направления как внутренней, так и внешней политики Пскова, отстаивая которые жители этого города действовали самостоятельно, противопоставляя себя не только силе князей «низовских» земель, но и Новгорода.

шения с Новгородом, а также Великими князьями Литовскими и Владимирскими.

Так, социально-политическая эволюция псковской вечевой общины происходила параллельно с изменениями в области организации церковного управления Псковом и формирования института владычного наместничества.

15 августа 1327 г. в Твери произошло знаменитое антиордынское восстание [34, с. 98, 341; 37, с. 138; 28, с. 92; 30, с. 198; 46, с. 28–29; 17, с. 121; 7, с. 216; 13, с. 60–61]. Великий князь Тверской Александр Михайлович, в то время также владевший ярлыком на главный город Северо-Восточной Руси – Владимир-на-Клязьме, бежал из города и был принят в Пскове и посажен там на княжеский стол [34, с. 98, 341; 35, с. 260–261; 36, стб. 43–44, 416–417; 39, с. 16; 40, с. 23, 90–92]. Этим псковичи противопоставили себя Новгороду, что явилось проявлением центробежных устремлений этой общины.

Но в 1329 г. под давлением подошедшего к границам Псковской земли объединенного московско-новгородского войска во главе с Иваном Калитой, выполнявшим распоряжение хана Узбека «искати князя Александра» [34, с. 98, 341], а также отлучения от церкви, наложенного митрополитом Феогностом на всю общину Пскова и их князя, Александр Михайлович ушел из города через Ливонию в Литву, где прожил полтора года [35, с. 263; 39, с. 17; 40, с. 23, 91–92].

Действия иерарха в 1329 г. в историографии оцениваются как проявление дружественной по отношению к Ивану Даниловичу Калите политики [11, с. 225; 15, с. 305; 43, с. 49]. Однако Н.С. Борисов объясняет позицию митрополита в 1329 г. тем, что архиерей выполнял приказ «царя», т. е. хана Узбека [8, с. 49].

Подчеркнем, что мера, предпринятая Феогностом, была чрезвычайной: псковичи и Александр Михайлович отлучались от церкви, им запрещалось участвовать в таинствах, значит, богослужения прекращались, и храмы закрывались. По канонам церковного права такое решение является дисциплинарным и носит временный характер. Оно действует до тех пор, пока отлученные не покаются и не исправятся, в отличие от анафемы оно не требует соборного решения, а принимается главой епископата. В данном случае решение было принято митрополитом как наиболее авторитетным церковным лицом, оказавшимся в это время в Новгороде. Мы не склонны усматривать в этом акте «воплощение на практике кидемониальных прав митрополита» [44, с. 55], полагаем, что это позиция обоих иерархов.

Тем не менее для отлучения крупной влиятельной городской общины должны были быть достаточные основания, а не простая просьба Ивана Даниловича.

Во-первых, отказавшись выдать Александра Михайловича, псковичи воспротивились власти и авторитету их непосредственного пастыря – архиепископа Моисея, который во главе новгородского посольства обратился к псковичам с требованием выдать князя-беглеца [36, стб. 44, 417; 39, с. 16; 40, с. 23, 91–92], а это нарушало сложившиеся нормы взаимоотношений членов церковной общины с их главой. Во-вторых, власть ордынского правителя на Руси рассматривалась как власть «царя», данная от Бога, что предполагало подчинение его воле [26, с. 384; 12, с. 136–137; 42, с. 111]. В-третьих, между Ордой и Византийской империей существовали союзнические отношения [32, с. 481]. В-четвертых, псковичи отказались подчиниться власти Великого князя Владимирского, что также противоречило политике патриархата, который последовательно поддерживал великокняжескую, но не московскую власть в Северо-Восточной Руси [32, с. 485–486]. Все это давало Феогносту право отлучить псковичей и их князя от церкви. Эта позиция совпала с интересами Ивана Даниловича и новгородцев.

В следующий раз митрополит Киевский и всея Руси принял участие в жизни псковской вечевой общины в 1331 г., когда псковичи при поддержке Великого князя Литовского Гедимина предприняли попытку открытия собственной епископской кафедры, что являлось проявлением псковско-новгородских церковных противоречий в вопросах организации церковного управления.

Из летописных записей за 1331 г. мы узнаем о том, что новгородцы выбрали себе нового архиепископа, который для поставления поехал на Волынь, где в это время находился митрополит Феогност [34, с. 343–344; 35, с. 264]. Но когда новгородцы прибыли во Владимир Волынский, они встретилось с неожиданным требованием Пскова об открытии отдельной от Новгорода епископии, поддержанным послами великого князя Литовского: «приихаша послове изъ Плескова от князя Александра, и от Гидимена послове, и от всех князеии литовьских к митрополиту и приведоша со собою Арсениа, хотяще его поставити на владычество въ Плесковъ, не потворивше Новагорода ни во чтоже, възнесошася високоумьемъ своимъ. Но богъ и святая Софея низлагаеть всегда же высокыя мысли, зане плесковици измениле крестъное целование к Новугораду, посадили себе князя Александра из литовьския руки. Арсении же со плесковици поиха посрамлень от митрополита из Волыньской земли», – сообщает Новгородская Четвертая летопись [35, с. 264]. Таким образом, псковичам не удалась попытка получить церковную независимость.

Подчеркнем, что это не ординарное явление в истории псковско-новгородских церковных взаимоотношений. События, описанные в летописной статье под 1331 г., затрагивали помимо псковских

и новгородских интересов, интересы Литвы и Великого княжества Владимирского, а также митрополии Киевской и Всея Руси в целом. Если разрешение вопроса об организации владычного наместничества в Пскове в пользу жителей этого вечевоего города только ограничивало власть архиепископа в пределах епархии, то возникновение новой церковной области выводило бы Псков из-под юрисдикции архиепископа, а удовлетворение митрополитом этой просьбы в дальнейшем могло привести к нарушению церковного единства русских земель, объединявшихся вокруг двух политических центров – Вильно и Москвы.

Обращаясь к анализу событий 1331 г., как дореволюционные и советские историки, так и современные исследователи писали о том, что псковичи стремились добиться церковной независимости от Новгорода посредством открытия самостоятельной епископской кафедры [6, с. 64, 245–246; 18, с. 266–267; 29, с. 103; 37, 141–142; 33, с. 390–396; 48, с. 503–504; 47, с. 64; 19, с. 7; 25, с. 207–217; 9, с. 247–251; 45, с. 165–168]. В отличие от своих коллег А.Е. Мусин писал о том, что сообщение летописи о попытке открытия псковской епископии является «своеобразной интерпретацией событий новгородским книжником» [27, с. 277]. Исследователь предположил, что целью псковского посольства, поддержанного Гедимином и литовскими князьями, являлось не открытие новой кафедры, а утверждение на новгородском архиепископстве своего ставленника, которым являлся Арсений [27, с. 277]. А.Е. Мусин подчеркнул, что «современникам были хорошо известны все трудности перекройки епархиальных границ, которой препятствовали нормы церковного права» [27, с. 277].

Полагаем, что события 1331 г. следует рассматривать в тесной связи с тем, что происходило в 1327–1329 гг. в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Известно, что в 1331 г. Александр Михайлович Тверской вернулся в Псков из Литвы, где прожил полтора года. Летописные данные не дают возможности определить точнее дату возвращения князя, по-видимому, это произошло незадолго до отправления посольства на Волынь, а может быть, стало одной из причин этого посольства. Принятие через полтора года беглого князя, лишённого своей «отчины», т. е. Тверского стола, еще и отлученного от церкви – акт абсолютно самостоятельный, свидетельствующий о зрелости псковской общины, стремившейся к независимости как в организации внутреннего управления, так и в проведении внешней политики; в условиях христианского средневекового общества – неординарный. Отправив посольство к Феогносту, псковичи проявили себя как самостоятельная община.

Вопреки мнению А.Е. Мусина полагаем, что целью псковского посольства к митрополиту было открытие самостоятельной епи-

скопской кафедры. Нет никаких данных, свидетельствующих в пользу предположения историка о том, что Арсений являлся псковским ставленником на архиепископскую кафедру, а новгородский книжник «интерпретировал» это как попытку к автокефалии. Относительно изменения границ церковных областей еще в Правилах митрополита Иоанна, написанных в начале XI в., содержится положение: «Иже оучастить епископью свою по земли той, паче кде мнозь народъ и людие и гради о немже се тцание и попечение и намъ любезно мниться се быти; боязньо же; но обаче и первому столнику рускому изволиться и сбору страны всея тоя невъзбранно да будеть» [31, стб. 19]. Правила Иоанна были включены уже в первоначальный состав древнерусской Кормчей книги [49, с. 165]. Современники их хорошо знали. Считаем, что опираясь на это положение, псковская община решила добиваться открытия собственной кафедры, что указывает на определенный уровень ее самоопределения как независимой городской общины, а также на серьезные разногласия с Новгородом, выразившиеся в стремлении к церковной независимости от архиепископа. Второй раз жители Пскова предприняли попытку учреждения своей епархии только в 1463 г. в условиях конфликта с новгородцами при поддержке Великого князя Владимирского и Московского, но также безрезультатно [39, с. 69–71; 40, с. 53, 157–159]. Отметим, однако, что, руководствуясь тем же Правилем, митрополит Феогност отказал жителям Пскова: разделение епархии противоречило нормам церковного права, так как Псковская земля была небольшой и управление ею мог осуществлять новгородский архиепископ.

Итак, целью посольства псковичей к митрополиту были переговоры об учреждении новой епископии. Для реализации столь амбициозного плана жителям Пскова необходим был покровитель, обладающий властью и авторитетом, способный обеспечить поддержку и защиту. Это мог быть либо великий князь Владимирский, либо великий князь Литовский. Псковская городская община опиралась на поддержку Литвы, поэтому во Владимир Волынский приехали «послове изъ Плескова от князя Александра, и от Гидимена послове, и от всех князии литовьскихъ» [34, с. 342].

Отметим, что, поддерживая Псков и его жителей, Великий князь Литовский преследовал свои цели. Вопрос о крещении Литвы для Гедимина был средством политического маневрирования. В 1323–1324 гг. он активно проводил кампанию, направленную на укрепление связей с Римским папой [5, с. 78–79; 1, с. 64; 41, с. 194–198, 201–202; 14, с. 113]. Однако в состав Великого княжества Литовского входили русские земли, и постепенно среди литовцев, прежде всего князей и их приближенных, распространялось православие. Все это способствовало тому, что Гедимин стал предпринимать по-

пытки открыть у себя собственную православную митрополию, что удалось сделать в 1317 г. Литовским митрополитом стал Филофей. Митрополия включала в себя только две епископии – Полоцкую и Туровскую. Она, правда, существовала недолго: после смерти Филофея, около 1330 г., митрополит Феогност, который являлся последовательным сторонником сохранения единства митрополии Киевской и всея Руси как части Византийской ойкумены, настаивая на том, что в Литве мало христиан и потому она не может быть самостоятельной церковной единицей, добился ее упразднения [22, с. 56–58; 38, с. 56–58; 15, с. 313–314; 33, с. 389–390; 16, с. 12]. Но Гедимин продолжал попытки восстановления литовской митрополии. А непрерывная борьба с рыцарями позволяла этому князю позиционировать себя как защитника православия, что должно было способствовать укреплению авторитета Гедимины среди православного населения тех земель, которые входили в Великое княжество Литовское, а также упрочнению союза с Псковом. Поэтому желание псковичей обособиться от Новгорода в области церковного управления встретило поддержку со стороны великого князя Литовского, стремившегося сохранить и упрочить позиции Литвы в этом вопросе. К тому же «свой» псковский епископ в будущем мог поддерживать притязания Гедимины на открытие литовской митрополии. Полагаем, что в качестве аргумента в пользу открытия отдельной от Новгородского архиепископства владычной кафедры литовский правитель и жители Пскова могли привести тот факт, что распространению православия в Великом княжестве Литовском способствовала миссионерская деятельность приглашенных из Пскова священников. А создание Псковского епископства, как отмечал митрополит Макарий, благоприятствовало бы миссионерской деятельности в Литве [23, с. 28]. Поэтому в 1331 г. к митрополиту Феогносту на Волынь было отправлено представительное посольство от Гедимины.

В записях Феогноста об избрании и поставлении русских епископов наряду с Василием в качестве кандидатов упомянуты иеромонах Арсений и архимандрит Лаврентий [10, с. 452]. Исследователи отождествляют иеромонаха Арсения с псковским кандидатом в епископы [53, с. 160, 163; 25, с. 215; 9, с. 250; 45, с. 167; 27, с. 277–278].

Посольство новгородцев к митрополиту Феогносту было также значительным: из летописей известно, что, помимо кандидата в архиепископы Василия Калики, на Волынь отправились Кузьма Твердиславич, Варфоломей Оставьев и отряд охраны [34, с. 343; 35, с. 263].

Жители Волховской столицы добивались избрания нового архиепископа. И в этом стремлении новгородцы нашли полную поддержку со стороны митрополита Феогноста. Миссия же псковичей и поддержавшего их великого князя Литовского окончилась неудачей.

Причинами неуспеха явилось то, что князь Александр Михайлович по-прежнему был отлучен от церкви, Гедимин являлся язычником, о его «заигрываниях» с римской курией было хорошо известно, и ему не доверяли в Константинополе. По каноническим правилам, Псковская земля не могла быть выделена в отдельную епископию. Вдобавок ко всему на митрополичьем престоле сидел грек, который являлся последовательным сторонником византийского экуменизма и выступал против разделения русской митрополии. Феогност последовательно проводил традиционную для Константинопольского патриархата политику, направленную на сохранение централизованного управления церковью [26, с. 397–399; 32, с. 486]. Поэтому он требовал сохранения единства церковной организации¹. Как глава церкви на Руси он считал необходимым предотвращать все возможные разделения, а этого можно было добиться, только будучи сторонником Великого князя Владимирского, власть которого санкционировалась и обеспечивалась властью ордынского «царя» [26, с. 384; 12, с. 136–137; 42, с. 111; 32, с. 481, 485–486]. Все это предопределило неуспех псковско-литовского посольства.

Итак, в деятельности митрополита Феогноста по отношению к псковской вечевой общине проявилась взаимосвязь и взаимозависимость социально-политического и церковного факторов и в вопросах регионального развития, и в вопросах, связанных с «общерусской» историей. Политика иерарха способствовала не только сохранению, но и укреплению единства и централизации митрополии как на уровне организации управления отдельной епархией, так и на уровне митрополии Киевской и всея Руси. Это также явилось воплощением традиционной для Константинопольского патриархата политики, направленной на поддержку великокняжеской власти Северо-Восточной Руси и только опосредованно великих московских князей, так как представитель именно этой ветви династии Рюриковичей в 1327 г. получил ярлык на великое княжение Владимирское. Эта политика патриархата в дальнейшем обусловила приоритет Москвы как православного центра в процессе объединения русских земель.

¹ В течение 1328–1353 гг. вся деятельность митрополита Феогноста была направлена на сохранение единой митрополии Киевской и всея Руси.

Список литературы

1. Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. – Киев, 1885.
2. Белецкий С. В. Ладога и Псков в XII–XV вв. по данным сфрагистики // Современность и археология: междунар. чт., посвящ. 25-летию Староладожской археологической экспедиции (тез. докл.). – СПб., 1997.
3. Белецкий С. В. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и софийской кафедры в XIV – начале XV в. // Древний Псков: Исследование средневекового города: материалы конф., Санкт-Петербург, 20-21.05.1992 / отв. ред. В.Д. Белецкий. – СПб., 1994. – С. 82–85.
4. Белецкий С. В., Петренко В. П. Печати и пломбы из Старой Ладоги (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. – СПб., 1994. – С. 184–283.
5. Беляев И. Д. Очерк истории Северо-Западного края России. – Вильна, 1867.
6. Беляев И. Д. Рассказы из Русской истории. Кн.3. История города Пскова и Псковской земли. – М., 1867.
7. Борисов Н. С. Политика московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). – М., 1999.
8. Борисов Н.С. Церковные деятели Средневековой Руси XIII–XVII вв. – М., 1988.
9. Валеров А.В. Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. – СПб., 2004.
10. Васильевский В. Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // Журн. Мин-ва нар. просвещ. – 1888. – Т. 2. – С. 445–464.
11. Голубинский Е.Е. Митрополит всея России Феогност // Богословский вестн. – 1893. – Т. 1. – №2. – С. 22–245.
12. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля Русская...». – М., 2001.
13. Горский А.А. Москва и Орда. – М., 2001.
14. Гудавичюс Э. История Литвы. С древнейших времен до 1569 года. – М., 2005.
15. Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. – М., 1993.
16. Керов В.Л. Литва: от православия к католицизму (XIII–XV вв.) // Конгресс Междунар. комиссии по сравнительной истории церкви. Христианство в Центрально-Восточной Европе и его связи с Западом и Востоком. Люблин, 2–6 сент. 1996. – М., 1996.
17. Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485). – Тверь, 1994.
18. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. 7. – СПб., 1868.
19. Круглова Т.В. Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991.
20. Лабутина И.К., Волочкова О.К., Лабутин В.И. Новые сфрагистические находки в Пскове // Сов. археология. – 1985. – № 1. – С. 220–230.
21. Лихачев Н.П. Печати Пскова // Сов. археология. – 1960. – № 3. – С. 225–236.
22. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – М., 1910.
23. Макарий (Булгаков М.П.) История русской церкви. Кн. 3. – М., 1995.
24. Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А. Новые сфрагистические находки в Торжке // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. – М., 2007. – № 4. – С. 205–216.

25. Мацуки Ейзо. Избрание и поставление Василия Калики на новгородское владычество в 1330–1331 гг. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. – М., 1999. – С. 207–217.
26. Мейендорф И. История церкви и восточно-христианская мистика. – М., 2000.
27. Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. – СПб., 2010.
28. Насонов А.Н. Монголы и Русь. – М., 1940.
29. Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. – СПб., 1873.
30. Очерки истории СССР. – М., 1953.
31. Памятники древнерусского канонического права // РИБ. Т. 6. Ч. 1. – СПб., 1880. Стб. 19. № 32.
32. Пападакис А., Мейендорф И., прот. Христианский Восток и возвышение папства. – М., 2010.
33. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. – М., 1959.
34. Полное собрание русских летописей (далее. ПСРЛ). Т. 3. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. – М.; Л., 1950.
35. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Новгородская Четвертая летопись. – СПб., 1995.
36. ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сб. – М., 2000.
37. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. – Пг., 1918.
38. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. – Т. 2. – Вып. 1. – М., 1939.
39. Псковские летописи (далее ПЛ). – Вып. 1. – М.; Л., 1941.
40. ПЛ. – Вып. 2. – М.; Л., 1955.
41. Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. – М.; Л., 1959.
42. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. – М., 2009.
43. Сахаров А.М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопр. истории. – 1966. – № 1. – С. 49–65.
44. Соколов Р.А. Архиепископ Моисей и Василий Калика и внешняя политика Великого Новгорода // Мавродинские чт.: сб. ст. – СПб., 2002. – С. 54–60.
45. Соколов Р.А. Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. – СПб., 2010.
46. Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. – М., 1992.
47. Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. – М., 1980.
48. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки экономической и политической истории Руси. – М., 1960.
49. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. – М., 1978.
50. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII. – М., 1989.
51. Янин В.Л. Вислые печати Пскова // Сов. археология. – 1960. – № 3. – С. 237–261.
52. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. – М., 1998.
53. Rowell S.C. Lithuania Ascending: a pagan Empire within East-Central Europe. 1295–1345. – Cambridge, 1994.

**Эволюция политического курса «Союза 17 октября»
в 1905–1907 гг.**

В статье рассматриваются основные причины изменения политического курса партии «Союз 17 октября» в ходе предвыборных кампаний в I–III Государственные думы. Особое внимание в статье уделено оценке октябристами роли народного представительства для политической стабильности государства. Обосновывается мысль о том, что взгляды эти менялись в зависимости от результатов выборов в Государственную думу.

В заключение, на основе анализа партийной документации, а также характера взаимодействия с другими политическими силами автор приходит к выводу о результативности деятельности партии.

In the article the author makes an attempt to uncover the the main reasons for the change of the political course of the party "Union of 17 October" during the election campaign in the I - III State Duma. Special emphasis is given to the views of Octobrists on the role of national representation from the point of view of political stability of the state. The author substantiates the idea that the views of these varied depending on the results of the elections to the State Duma.

In conclusion, based on the analysis of party documents as well as on the nature of the interaction with other political forces the author concludes about the performance of the party.

Ключевые слова: октябристы, выборы, программа, Государственная Дума, избирательная кампания, народное представительство, политические партии, правительство, политическая борьба, оппозиция.

Key words: Octobrists, elections, the program, the State Duma, election campaign, national representation, political parties, the government, the political struggle, the opposition.

Октябризм как политическое течение возник и начал организационно оформляться на основе «меньшинства» земско-городских съездов. «Союз 17 октября» – политическая партия, созданная группой общественных деятелей в ответ на Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка.

Интересным представляется изучение вопроса, связанного непосредственно с эволюцией политического курса октябристов в ходе выборов в I–III Государственные думы, их взглядов на роль думы в системе государственного управления.

Программа партии «Союз 17 октября» основывалась на началах конституционной монархии. Центральное место в ней занимал

вопрос о характере и структуре государственной власти в России. «Российская империя, – говорилось в первом ее параграфе, – есть наследственная конституционная монархия, в которой император, как носитель верховной власти, ограничен постановлениями Основных законов» [5, с. 91]. Таким образом, октябристы заявляли о себе как о противниках идеи сохранения неограниченной власти монарха. Считая необходимым упразднение неограниченного самодержавия, «Союз 17 октября» вместе с тем категорически возражал против введения в России парламентского строя, считая его неприемлемым как с исторической, так и с политической точек зрения. Как отмечалось в программе октябристов: «созыв Учредительного собрания, собственную властью определяющего свою компетенцию, предполагает как бы отсутствие всякого правительства, заключает в себе полный разрыв связи с прошедшим и поведет к пересмотру таких начал нашего политического и общественного быта, кои не могут быть поколеблены без тяжелого революционного потрясения всей страны» [5, с. 95].

Необходимо отметить, что «Союз 17 октября» признал целесообразным сохранить за конституционным монархом титул «самодержавный», видя в этом титуле «историческое достояние» России [3, с.195].

Согласно Уставу целью октябристской партии было «объединение отдельных лиц и партий, признающих необходимым содействовать беспрепятственному производству выборов в Государственную думу и скорейшему ее созыву» [12, с. 1]. Тезис о важности соблюдения начал, заложенных 17 октября, и необходимости созыва народного представительства в ближайшие сроки был продублирован на заседании Центрального комитета «Союза 17 октября» 24 ноября 1905 г. [7. Л. 2–2 об.].

На первом общем собрании «Союза 17 октября» было отмечено, что партия твердо стоит на принципах сохранения монархического строя, что делает ее более популярной в среде крестьянского населения, не допускающего и мысли об уничтожении монархии. Чтобы не допустить революционных волнений и победы революционных партий, октябристы считали необходимым усилить пропаганду через печать и выступления на митингах [2. Л. 20–26].

Согласно выработанной октябристами схеме в структуру высшей государственной власти России должны были войти монарх, царствующий и управляющий одновременно, и двухпалатное народное представительство, формируемое на основе цензовых выборов, прямых – в городах и двухстепенных – в остальных местностях. Так представляли себе октябристы способ формирования нижней палаты Государственной думы. В ее функции вменялось

рассмотрение и принятие вновь изданных законов, их отмена и всякие иные изменения и дополнения [3, 1907. 10 мая].

Казалось, к концу 1905 г. между октябристами и правительством сложилось полное взаимопонимание, однако на деле именно к этому времени относятся первые серьезные расхождения между ними.

После интенсивного обсуждения на заседаниях ЦК вопрос об отношении к политике правительства был включен в повестку дня I съезда партии. Резолюция съезда по данному вопросу была составлена в необычайно резких для октябристов тонах. Основной акцент в ней был сделан на необходимости «ускорить всеми мерами» выборы в думу, определив точный срок ее созыва [5, с. 111].

Первоначально октябристы готовы были мириться с тем, что они считали недостатками конституции, для того чтобы возможно скорее и энергичнее приступить к подготовке либеральных реформ в думе в рамках пожалованной конституции. Они были убеждены в том, что мирная и дельная работа в думе и проведение в жизнь либеральных реформ со временем неизбежно должны повести к демократизации конституции. В основных тезисах их подчеркивалось, что «особо важен возможно более скорый созыв думы с целью приступить к решению крестьянского вопроса в смысле установления равноправия крестьян с другими гражданами». Далее в программе указывалось, что дума должна немедленно заняться разработкой рабочего законодательства, а также подготовкой законов, направленных на развитие самоуправления, на преобразование судебного ведомства, администрации и налогового ведомства и на развитие системы народного просвещения [6, с. 93].

Однако после опубликования Высочайшего Манифеста о преобразовании Государственного совета от 20 февраля 1906 г. в рядах октябристов наметилось некоторое размежевание по вопросу о роли Государственного Совета и Государственной думы. Некоторые члены «Союза 17 октября» (Д.Н., Шипов, С.И. Четвериков, Ф.Е. Енакиев, Ю.Н. Милютин, Н.И., Шидловский, П.С. Чистяков) осуждали превращение Государственного Совета в верхнюю палату при сохранении назначенных членов, отмечали, что тем самым «верховная палата и представители народа, ведущие борьбу с бюрократией, являются ограниченными в своей власти именно в пользу бюрократии, что существенно отклоняется от основных начал Манифеста 17 октября, вновь воздвигая в лице Государственного Совета то бюрократическое средостение, разрушения которого единодушно и законно домогается русский народ» [8, 1906. 24 марта]. Данное положение, по мнению большинства членов партии, ограничивало власть самодержавного монарха, «который окажется лишенным возможности осуществить меру, признаваемую им благодетельною, но не встречающую сочувствия Государственного Со-

вета» [1, 1907. 29 июня]. Их оппоненты в рядах партии (барон П.Л. Корф, М.В. Красовский, бар. А.Ф. Мейендорф) считали, что «все конституции несовершенно и что только жизнь может показать, каковы законы 20 февраля. К тому же они считали ошибочным утверждение, что все члены Госсовета по назначению «будут действовать в сторону реакции» [10, 1906. 28 февр.].

Итогом всех этих обсуждений явилось принятие проекта постановления, в котором положения от 20 февраля 1906 г. рассматривались как реакционные и характеризовались как отход от начал, заложенных 17 октября 1905 г. Центральный комитет считал, что сущность деятельности Государственного Совета должна сводиться к «ограждению последовательного развития законодательства в государстве от возможных случайных и недостаточно разработанных решений Государственной думы» [8, 1906. 24 марта]. Поэтому Центральный комитет признавал «желательным введение в положение о Государственном Совете правила, в силу которого при неодобрении Государственным Советом решения, принятого Государственной думой, дело должно возвращаться на новое обсуждение в Думу и затем, в случае подтверждения ею своего постановления, это постановление должно быть представлено на усмотрение верховной власти, и не одним председателем Государственного Совета, а совместно с ним и председателем Государственной думы» [8, 1906. 24 марта].

Таким образом, серьезным отличием октябристской программы от изданного 20 февраля 1906 г. Положения о Госсовете было уравнение его в правах с думой. В распределении прав между народным представительством и монархом октябристы делали явное предпочтение в пользу последнего. Без императорской санкции не мог вступить в силу или быть отменен ни один закон; царю же принадлежало право назначения и смещения министров, которые, правда, в своей практической деятельности теоретически несли равную ответственность перед ним и народным представительством. Однако, чтобы добиться смещения министра, думе требовалось возбудить против него судебное преследование. Очевидно, что при таких условиях провозглашенный в программе «Союза 17 октября» контроль законодательных палат за «законностью и целесообразностью действий правительственных органов» был фикцией. Реальные права обеих законодательных палат заключались в праве законодательной инициативы, подачи запросов правительству и утверждения правительственного бюджета [5, с. 109].

Свою избирательную кампанию октябристы фактически начали еще в ноябре 1905 г., когда по их инициативе в Петербурге был создан Соединенный комитет умеренных партий, объединивший представителей десяти конституционно-монархических организаций и

вылившийся позднее в предвыборный блок четырех из них: самого «Союза 17 октября», «Партии правового порядка», «Прогрессивно-экономической партии» и «Торгово-промышленного союза». Блок партий действовал только в Москве и Петербурге. На местах (в Казани, Тамбове, Ярославле и т. д.) октябристы чаще всего блокировались с другой партией крупной буржуазии – Торгово-промышленной.

На предвыборных митингах и собраниях октябристы, не обладая «хорошим подбором ораторов», и при «недостатке энергии и партийной расторопности» [8, 1906. 23 марта], как правило, проигрывали соседям «слева» – кадетам. Поэтому основную ставку в своей агитации они делали на печать. Возможности такого рода у них действительно были исключительные. Им ставилось в вину еще то важное обстоятельство, что, «заигрывая с левыми, они не сумели провести резкой разграничительной черты» между своей программой и программой кадетов. «Где тонко, там и рвется» [8, 1906. 23 марта].

После неудачи, постигшей «Союз 17 октября» на выборах в I Государственную думу, Центральный комитет партии принял решение сплотиться для продолжения деятельности Союза и отделиться от «неудобных для Союза элементов» вроде Торгово-промышленной партии. Решено было усилить пропагандистскую работу партии. С этой целью партия должна была подготовить свою программу по аграрному и рабочему вопросам и содействовать культурному самоопределению всех национальностей без нарушения политического единства России [10, 29 марта 1906]. Таким образом, октябристы приобрели опыт политической борьбы, меняли тактику, делали необходимые для дальнейшего развития выводы.

После разгона I думы 24 августа 1906 г. было опубликовано правительственное сообщение, в котором, с одной стороны, говорилось о введении военно-полевых судов, а с другой – намечалась целая серия социально-политических реформ в духе Манифеста 17 октября.

Это официальное сообщение явилось новой важной вехой в эволюции «Союза 17 октября». Точкой отсчета в новом зигзаге политического курса октябристов стало интервью А.И. Гучкова сотруднику газеты «Русский голос» по поводу августовского правительственного заявления. В нем лидер октябристов оправдывал роспуск I думы, ссылаясь на то, что «пропаганда, которой явно покровительствовала дума, была так вредна и опасна, что дальше терпеть подобный порядок не позволял просто здравый смысл» [9, 1906. 3 авг.], и выражал полное согласие с политикой Столыпина [11]. Большинство членов партии всецело поддержало А.И. Гучкова,

который 29 октября 1906 г. был избран председателем «Союза 17 октября».

Этот факт свидетельствует о том, что октябристы разочаровались в деятельности народного представительства, видели негативное влияние Государственной думы I созыва, которая не оправдала их надежд. Несмотря на критику в адрес первой думы, октябристы под впечатлением неуспеха на первых выборах и в ожидании новых изменили свою программу, которая «значительно уклонилась влево», так как именно такие настроения господствовали в обществе. Так оценивала новую программу «Союза 17 октября» газета «Русская земля»: «если бы не сдержанность по крестьянскому и земельному вопросу, то октябристы смело могли бы по этой программе товарищески протянуть руку кадетам» [8, 1906. 11 авг.].

В рядах октябристов на фоне роспуска I Государственной думы и изменения политической программы наметился распад на два противоборствующих лагеря. С одной стороны, А.И. Гучков, который поддерживал это решение, с другой – Д.И. Шипов, гр. Гейден и Н.Н. Львов, которые добивались признания П.А. Столыпиным ошибочности роспуска думы. Результатом этого разногласия стал раскол «Союза 17 октября» и образование Партии мирного обновления, выступавшей за «самое тесное объединение всех конституционалистов для энергичной борьбы с революцией и, «что еще хуже, с контрреволюцией» [8, 1906. 3 авг.].

Раскол «в верхах» и провал на выборах в Государственную думу стали причиной дезорганизации и распада местных октябристских органов. Правые из состава членов «Союза 17 октября» переходили в «монархическую партию», левые переходили в ряды кадет и в партию «Мирного обновления», «число членов «Союза» уменьшается со дня на день», писала летом 1906 г. «Русская земля» [8, 1906. 11 авг.].

Характерно, что это происходило, несмотря на то, что в борьбе за голоса избирателей «Союз 17 октября» пользовался тем преимуществом, что действовал абсолютно легально и в отличие от своих конкурентов слева почти не подвергался правительственным «утеснениям». На выборы во II Государственную думу октябристы решили идти самостоятельно, «не входя в блоки ни с какой другой партией» [4, с. 206].

Во II думу октябристам удалось провести лишь 43 своих депутата. Рост фракции в два с лишним раза по сравнению с результатами выборов в I думу хотя и был успехом, но весьма и весьма скромным.

Характер и направленность деятельности октябристов во II думе мало отличались от их опыта годичной давности. Зная, что левые партии были намерены бойкотировать деятельность думы, что

привело бы к ее роспуску, октябристы решили всеми способами содействовать ее работе с тем, чтобы не нарушилось «парламентское течение жизни».

Третьеиюньский государственный переворот заставил октябристское руководство скорректировать свою тактику. При оценке акта 3 июня 1907 г. октябристы представляли ситуацию таким образом, что главным виновником потрясения «молодого правового строя» становилось не правительство П.А. Столыпина, а революционеры, продолжавшие и после 17 октября 1905 г. вести «бессмысленную братоубийственную войну» [1, 1907. 29 июня]. Исходя из своей модели государственного устройства России, они считали, что монарх, сохранивший и после 17 октября «свободную волю» и «исключительные прерогативы», был вправе «в интересах государства и нации» пойти на изменение избирательного закона. Причины роспуска второй Государственной думы «Союз 17 октября» видел в деятельности самого народного представительства, в «неискоренимых революционных симпатиях и тенденциях» оппозиционных партий, в том числе и партии народной свободы, и «в переоценке ими своих революционных сил» [1, 1907. 1 июля]. Октябристы поддерживали роспуск первых дум не только с целью дискредитировать своих политических оппонентов, но и в силу нараставших в обществе требований к изменению избирательного закона, так как при действующем «в Думу могли пробраться только анархисты или завзятые враги правительства» [8, 1906. 5 авг.].

Однако, вспоминая победу конституционных демократов на выборах во II думу, в центральном комитете партии поднимались вопросы о создании блока с кадетами, так как «различия, разделявшие обе программы, сгладились, и братьям-врагам следовало бы объединиться в защиту конституции» [12]. Но кадеты и правые октябристы выступили против блока. Вместе с тем на начальном этапе предвыборной кампании в III думу октябристы не хотели становиться партией правительства, и часть партии была против движения вправо: «в настоящее время в большей мере нужна эта чудотворная сила веры октябриста, чтобы устоять против соблазнительных обьятий той реакции, в которую толкают нас события наших дней. А потому вперед – ни направо, ни налево – в этом вся мощь союза» [1, 1907. 4 июля].

Уже обладающие опытом политической борьбы октябристы вели гибкую политику, не вступая в конфронтацию с правительством, а наоборот, поддерживая его, что привело их к победе.

Закон от 3 июня 1907 г. окончательно объединил октябристов с правительством П.А. Столыпина, что должно было обеспечить условия для продолжительной работы Государственной думы, где их фракция оказалась самой многочисленной.

«Союз 17 октября» как либеральная партия, выступавшая за конституционный строй, но с сохранением монархии, в ходе предвыборных кампаний в I–III Государственные думы неоднократно меняла свое отношение к народному представительству и его роли.

Первоначально согласно программе партии Государственная дума должна была способствовать тому, чтобы в стране появился конституционный строй. А после роспуска I и II дум октябристы пришли к выводу, что подобное народное представительство могло поставить под вопрос целостность страны и даже ее существование вообще.

Подобные перемены во взглядах обусловлены рядом причин.

Во-первых, неудачами в предвыборных кампаниях в I и II Государственные думы и как следствие невозможностью получить весомое политическое влияние в этих думах.

Во-вторых, стремлением прийти к власти путем получения большинства в Государственной думе. Это выражалось в изменении программы партии в левом направлении после победы кадетов и в союзе с правительством после изменения закона 3 июня 1907 г.

Список литературы

1. Голос Москвы. – 1907.
2. Журнал первого общего собрания «Союза 17 октября», 4 дек. 1905 г. // Рос. гос. ист. архив (РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1286.
3. Новое время. – 1907.
4. Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. – СПб., 1914.
5. Политические партии России: история и современность / под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. – М., 2000.
6. Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. – М., 2001.
7. Протокол заседания Центрального Комитета «Союза 17 октября», 24 нояб. 1905 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1287.
8. Русская земля. – 1906.
9. Русский голос. – 1906.
10. Слово. – 1906.
11. Старцев В.И. Александр Иванович Гучков рассказывает... [Стенограмма] // Вопр. истории. – 1991. – № 9–10.
12. Устав общества под названием «Союз 17 октября». – М., 1906.

Сведения об авторах

Абанин Андрей Васильевич – аспирант кафедры истории, Московский государственный областной гуманитарный институт (МГОГИ); e-mail: andrej.abanin@yandex.ru

Адоньева Инесса Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, кафедра истории и политологии; e-mail: adoinessa@yandex.ru

Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Региональный открытый социальный институт; e-mail: apanasenok@yandex.ru

Веремченко Валентина Александровна – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Волков Вячеслав Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-морского флота «Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»; e-mail: agnee@yandex.ru

Давыдов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет (РГПУ) имени А.И. Герцена; e-mail: davydov.au@mail.ru

Ефимов Андрей Александрович – аспирант кафедры исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет; лаборант, Санкт-Петербургский института истории РАН; e-mail: efimov_a_a@list.ru

Желобов Дмитрий Евгеньевич – аспирант кафедры востоковедения, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет имени первого президента Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); e-mail: dezhelobov@gmail.com

Запевалин Павел Петрович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: pasha8890@gmail.com

Кафар-заде Ламия Расимовна – докторант Института истории имени А.А. Бакиханова НАН Азербайджана; e-mail: leo_558@mail.ru

Котов Антон Сергеевич – аспирант кафедры истории, Череповецкий государственный университет; e-mail: ant_470@mail.ru

Кузьмина Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всемирной истории, Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; e-mail: kuzminao@mail.ru

Литвин Татьяна Анатольевна – соискатель кафедры русского искусства, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ); e-mail: talitvin@mail.ru

Назария Сергей Михайлович – кандидат исторических, доктор политических наук, доцент, Государственный институт международных отношений, Молдова; e-mail: sergnazar@mail.ru

Петрова Наталья Анатольевна – соискатель, кафедра истории России с древнейших времен до XX в., Санкт-Петербургский государственный университет; старший преподаватель кафедры всемирной истории, Санкт-Петербургский государственный университет точной механики и оптики (ИТМО); e-mail: natalia_klio@mail.ru

Скворцов Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Черныш Анастасия Валерьевна – аспирант кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет; e-mail: anastasiachernysh@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 4
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 19.12.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ № 959

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а